UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324830 9

UNIVERSITY OF TORONTO
LIBRARY

WILLIAM H. DONNER
COLLECTION

purchased from
a gift by

THE DONNER CANADIAN
FOUNDATION

КНИГА ВТОРАЯ.

Изданіе второе.

rbitskaia, Anastasiia Alekseevna (Ziablova)

Kliuchi schast'ia

КЛЮЧИ СЧАСТЬЯ.

kn. 2

90

Часть третья.

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВТОРАЯ ТЫСЯЧА

„Радость хочетъ вѣчности всѣхъ вещей... Хочетъ опьяненной полуночи, хочетъ гробовъ... Хочетъ могильныхъ слезъ утѣшенія, хочетъ позлащенной вечерней зари... Чего только не хочетъ радость? Она жаднѣе, алчнѣе, ужаснѣе, таинственнѣе всякой скорби. Она хочетъ себя... Хочетъ глубокой, глубокой вѣчности"...

Ницше.

СОВРЕМЕННЫЙ РОМАНЪ

А. ВЕРБИЦКОЙ.

LIBRARY
MAY 7 1970
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
3470
V4 K4
1910
kn. 2

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., с. д.
МОСКВА—1910.

I.

Душа Мани сейчасъ подобна рѣкѣ, скованной морозомъ.

Снѣжная пелена схоронила алое золото солнца, синее золото мѣсяца, рябь вѣтерка. Мертва пустынная гладь. Только глубоко внизу тяжко и загадочно идетъ вода. Какъ бы дремлетъ. И ждетъ зова весны. Торжествующаго зова жизни.

По цѣлымъ днямъ въ странномъ оцѣпенѣніи лежитъ Маня въ бесѣдкѣ съ книгой. Но не читаетъ. Закрывъ глаза, она глядитъ въ свою душу, скованную первой скорбью. И упорно и безсознательно ждетъ, когда весна позоветъ ее къ радости и творчеству.

Штейнбаха нѣтъ. Давно минулъ обѣщанный срокъ. Когда онъ уѣзжалъ, цвѣли розы. Теперь золото осени загорѣлось на деревьяхъ. Подъ ногой покорно умираетъ листъ... Вечера стали свѣжѣе. Дни короче...

И прошло двадцать дней... Томительныхъ и пустыхъ, какъ проселочная дорога. И въ каждомъ днѣ было двѣнадцать часовъ ожиданія. Напряженнаго и остраго до боли... Каждое утро загорались мечты. И гасли съ зарею. Надежды, взглянувъ въ ея душу блѣдными очами, умирали безмолвно. И воспоминанія одно за другимъ падали въ жадную бездну забвенія. И гибли.

Желанія рождались въ крови. Зажигали ее мучительной истомой. Раскидывали по подушкамъ смуглыя руки. Обжигали щеки. Исторгали жаркія слезы. Навѣвали сны, отъ которыхъ такъ тяжко было оторваться. Потомъ умирали, какъ угли подъ золой. И было послѣ нихъ такъ холодно!.. Такъ холодно было послѣ нихъ...

Она устала глядѣть на дорогу. Она устала ждать...

Что это было между ними?

Да и было ли что? Растаяло, какъ сны. Какъ это облачко въ гаснущемъ небѣ.

Теперь она устала жить. Холодъ безразличія желѣзнымъ объятіемъ сковалъ ея душу.

Развѣ она страдала? Развѣ она любила?.. Каждый уходящій часъ уносилъ что-то изъ ея души. Частицу ея юности. Жизни...

Она не вспоминаетъ прошлое.

Она не глядитъ въ будущее.

Она дремлетъ.

— Маня... ау!.. Маня...

Это Соня зоветъ. Но у Мани нѣтъ энергіи, чтобъ откликнуться.

Соня вбѣгаетъ въ бесѣдку. У самаго входа плакучая береза опустила зеленыя руки. Она никого не пускаетъ. Она цѣпляетъ всѣхъ за волосы длинной вѣткой. Нетерпѣливо отстраняетъ ее Соня. У нея таинственные глаза и странная улыбка.

— Маня, иди скорѣй!—взволнованно говоритъ она и дѣлаетъ непривычные жесты.—Знаешь, кто пріѣхалъ? Ты не повѣришь... Тотъ всадникъ... Помнишь? Два года назадъ мы его видѣли на левадѣ... Онъ самый... И представь себѣ только!.. Вѣдь это и есть Нелидовъ!

Маня садится, откидываетъ со лба темный локонъ. Потухшіе глаза загораются. Сердце стукнуло и замерло.

Не сонъ?.. Жизнь?.. И опять радость? Опять?

Она встаетъ.

И въ этихъ огромныхъ, вчера еще пустыхъ глазахъ Соня видитъ просыпающуюся душу. Загадочную душу женщины.

Взявшись за руки, онѣ бѣгутъ.

Вотъ терраса... За самоваромъ Вѣра Филипповна, нарядная и сіяющая. Дядюшка утопаетъ въ синемъ дымѣ сигары... И еще кто-то... Сильныя плечи. Чужой голосъ. Какой-то ясный, почти дѣтскій смѣхъ.

Маня дѣлаетъ знакъ Сонѣ. Онѣ прячутся за старую липу.

— Ну, да... Теперь все понятно!—радостно говоритъ Вѣра Филипповна.—А ужъ мы не знали, что думать... Вася, слышишь?—оборачивается она къ Горленко, который только что вернулся съ поля.—Николай Юрьевичъ наслѣдство получилъ... Два раза ѣздилъ въ Петербургъ... Пробылъ тамъ мѣсяцъ...

— Да неужто?.. И много?

— Пустяки, въ сущности... Но въ данную минуту для насъ эти деньги... Вы сами понимаете...

Онъ всталъ. Высокій, стройный. Манѣ видны его плечи, кудрявые бѣлокурые волосы, гордый профиль.

Онъ жметъ руку хозяина.

— Какъ не понять! Кому не нужны деньги? Поздравляю!

— А что интереснаго въ Петербургѣ?—задумчиво спрашиваетъ дядюшка.

Нелидовъ оборачивается. И дѣвушки видятъ его лицо. Тонкое, породистое, съ маленькой русой бородкой, высокій лобъ. Онъ кажется ярко-бѣлымъ отъ загара, покрывшаго худыя щеки.

— Ну, знаете ли? Будь я въ Кинешмѣ, она дала бы мнѣ не болѣе чѣмъ столица... Я цѣлые дни рыскалъ, какъ гончая, со всѣми этими формальностями и хлопотами... Это въ самую-то горячую пору полевыхъ работъ!

Онъ смѣется. Зубы у него мелкіе, ровные, бѣлые.

— Какая красивая улыбка!—шепчетъ Соня.

Да. Это *онъ*... кѣмъ полны были дѣвичьи грезы... кто далъ ей первыя бурныя слезы еще несознаннаго желанія. Первый, могучій, незабываемый порывъ.

Она не слушаетъ слова. Лишь звуки голоса и смѣха. Она глядитъ, какъ бы вбирая въ себя его движенія, поворотъ головы, эти трепетныя, тонкія ноздри, жесты маленькихъ породистыхъ рукъ... Какъ онъ непохожъ на другихъ! Ни на кого непохожъ... Но черезъ гряду ушедшихъ забытыхъ дней она смотритъ въ одну яркую точку. Въ лицо ангела съ неумолимымъ взглядомъ, для котораго горѣло и билось сердце ребенка.

Конечно, онъ не такъ прекрасенъ, какъ этотъ мститель небесъ. И похожъ на него только профилемъ. Что до того?.. Его одного она ждала эти годы... Все сбылось. Все...

— Маня, Соня... Идите же!—кричитъ Вѣра Филипповна, разглядѣвъ бѣлѣющія въ паркѣ платья.

Нелидовъ что-то разсказываетъ дядюшкѣ, пока дѣвушки поднимаются по ступенькамъ.

Вдругъ онъ видитъ лицо Мани, выраженіе ея глазъ, широко открытыхъ, въ экстазѣ и какъ бы въ ужасѣ. Впивающійся въ него жадный и зовущій взглядъ. Онъ внезапно смолкаетъ. И медленно встаетъ.

— Моя дочь... Маня Ельцова, ея подруга.

Не сгибая головы и стана, онъ беретъ руки дѣвушекъ и поднимаетъ къ своимъ губамъ. Сухой, небрежный поцѣлуй. Привычный обрядъ, который не замѣчаешь даже. Но Маня отъ неожиданности вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ. И онъ это видитъ.

И волна, жуткая и темная, внезапно заливаетъ его мозгъ.

Тщетно силится Нелидовъ овладѣть собой. Какъ хорошо, что

дядюшка встрепенулся, наконецъ, и что-то черпаетъ изъ неизсякаемаго колодца своихъ воспоминаній!.. Теперь можно молчать...

Что это случилось сейчасъ?.. Отчего такъ стучитъ сердце?.. До боли... Словно отъ испуга... «Я навѣрно поблѣднѣлъ». Но кто же она? Эта дѣвушка съ глазами, какъ звѣзды? И чего хотятъ отъ него эти удивительные глаза?

Онъ боится поднять рѣсницы. Онъ чувствуетъ на себѣ тотъ же алчный, зовущій взглядъ. Соню онъ не замѣчаетъ.

Выпивъ свою чашку, Маня спускается внизъ. Она садится тутъ же, на ступенькѣ, въ полуоборотъ къ гостю. Она глядитъ въ садъ, въ небо. Но не видитъ заката. Она даже не слушаетъ разговоровъ. Она вся во власти своихъ ощущеній.

На яркомъ фонѣ неба четко видны ея длинныя рѣсницы... «Цѣлый лѣсъ рѣсницъ», думаетъ Нелидовъ. Онъ смотритъ на ея горячую смуглую щеку, неправильную линію профиля, на яркія губы, похожія на цвѣтокъ. Растрепанныя темныя кудри кажутся сейчасъ въ лучахъ заката рыжими. Какъ ореолъ сіяютъ онѣ вокругъ маленькой головки. А сама—стройная, гибкая и сильная, какъ молодая березка... Съ растущимъ волненіемъ глядитъ онъ на ея роскошную косу, на узкую спину въ свѣтлой блузкѣ, на нервно вздрагивающія плечи...

Темный вихрь взмываетъ со дна его души. Вихрь таинственный и страшный. Онъ спираетъ дыханіе, ускоряетъ темпъ сердца, зажигаетъ кровь невыносимымъ желаніемъ...

Почему?.. Ни разу, даже въ годы требовательной и жадной юности, не зналъ онъ такого жгучаго желанія, какое будитъ въ немъ сейчасъ одинъ взглядъ на эти стрѣлы рѣсницъ, на эти яркія губы, на эти вздрагивающія плечи въ бѣлой блузкѣ.

Онъ не хочетъ быть смѣшнымъ. Онъ боится, что замѣтятъ его волненіе. И десятками лѣтъ воспитанія привитая, въ кровь и плоть вошедшая выдержка не измѣняетъ ему на этотъ разъ. Онъ отвѣчаетъ не всегда кстати. И смѣется невпопадъ. Но разговора не бросаетъ. Какъ хорошо, что дядюшка принадлежитъ къ типу «разсказчиковъ», которыхъ не нужно занимать!

Онъ встаетъ. Его радушно удерживаютъ поужинать. Онъ благодаритъ и отказывается.

— Мама́ волнуется, когда я запаздываю. Она и сейчасъ еще не оправилась отъ удара...

— Ахъ, въ такомъ случаѣ... Конечно... Но въ воскресенье пріѣзжайте къ обѣду. Непремѣнно... Пріѣдете?

— Благодарю васъ...Постараюсь...—разсѣянно отвѣчаетъ онъ, пожимая всѣмъ руки, наскоро цѣлуя пальцы хозяйки и Сони.

Вотъ онъ передъ Маней. Она встаетъ. И онъ внезапно блѣднѣетъ отъ вполнѣ сознаннаго уже могучаго влеченія.

Они взглядываютъ въ зрачки другъ другу. Нѣтъ... Въ душу. Прямо въ душу глядятъ ему эти жадные, зовущіе глаза... Они говорятъ: «Я ждала тебя всю жизнь. Одного тебя»...

И его жесткій, темный взглядъ отвѣчаетъ:

«Ты будешь моею. Я такъ хочу».

Какъ власть имѣющій, онъ беретъ на этотъ разъ ея покорную ручку и подноситъ ее къ губамъ.

И теперь его губы горячи. И поцѣлуй полонъ значенія.

Гнѣдая красавица лошадь тихонько ржетъ, оборачивая къ хозяину тонкую голову. Петро почтительно водитъ ее по двору.

Всѣ высыпали на крыльцо. Нелидовъ вскочилъ въ сѣдло. Онъ словно слился въ одно съ лошадью.

Дядюшка съ восторгомъ и завистью глядитъ на него. Ахъ, въ свое время и онъ на лошади былъ картиной! Если-бъ не нога...

— До свиданія!—кричатъ ему вслѣдъ.

Маня молчитъ, прижавъ руку къ груди.

Вдали по дорогѣ еще звучитъ ритмъ галопа. И сливается съ бурнымъ темпомъ ея сердца.

— Отъ-то панычъ!—восторженно говоритъ Горленко.

— Д-да... Порода сказывается, — задумчиво соглашается дядюшка.

Онъ не можетъ забыть покроя новаго костюма Нелидова. И какъ онъ его умѣетъ носить! Дядюшка угнетенъ. Онъ чувствуетъ себя провинціаломъ. Онъ чувствуетъ себя старымъ.

Маня повернулась и идетъ въ паркъ.

Все было ложью. Все было сномъ до этого дня, до этой встрѣчи. Она не любила. Она не жила.

Развѣ было что-нибудь?.. Пусть канетъ въ бездну!.. Ненужныя страданія... Жалкія слезы... Правда только въ радости, что затопила ея душу свѣтлой волной... что зажгла огни и разогнала мракъ кругомъ... Правда лишь въ томъ, что сказали они другъ другу глазами тамъ, сейчасъ, на крыльцѣ...

II.

У дядюшки таинственное лицо. Отъ часу до трехъ въ его флигель приходитъ Роза. Волнуясь и шагая въ мягкихъ

англійскихъ штиблетахъ по діагонали залитаго солнцемъ зальца, дядюшка диктуетъ ей свой романъ.

О, да!.. Настоящій романъ въ трехъ частяхъ. Все тамъ, какъ слѣдуетъ быть. Онъ, конечно, самъ въ роли героя. Юный, здоровый, безъ паралича, безъ сѣдины и начинающейся плѣши. Она—необыкновенная красавица (лэди Гамильтонъ). Дѣйствіе происходитъ частью въ Венеціи, частью въ Парижѣ. Бурныя страсти, препятствія, дуэли... Дальше дядюшка еще не придумалъ...

Дѣло въ томъ, что романъ начатъ былъ еще 15 лѣтъ назадъ, въ эпоху *Sturm und Drang*'а. Но, какъ диллетантъ, дядюшка скоро его забросилъ, съ головой отдавшись одному изъ своихъ увлеченій. «Первому и послѣднему», всякій разъ говоритъ онъ себѣ въ этихъ случаяхъ. И говоритъ съ потрясающей искренностью. Теперь онъ клянется Ликѣ, что она его первая любовь.

И романъ пишется сейчасъ для Лики. Она сама должна появиться въ концѣ и затмить лэди Гамильтонъ... Счастливый дядюшка! Онъ такъ много переживаетъ въ часы творчества. Онъ такъ сладко плачетъ, по ночамъ перечитывая нѣкоторыя драматическія мѣста! Каждой новой женщинѣ онъ читаетъ избранныя главы романа. И люди цѣнны для него только, пока эти главы ими не прослушаны. Потомъ они уже не нужны. И дядюшка мечтаетъ о новой аудиторіи.

Пробовалъ онъ даже читать рукопись зятю. Но Горленко сладко захрапѣлъ на второй главѣ. Дядюшка презрительно улыбнулся. И никогда ему этого не простилъ.

Соня и Маня были для него еще прошлый годъ самыми близкими людьми. Онѣ не уставали его слушать. Теперь онъ жаждетъ читать рукопись Ликѣ. Но не въ сырьѣ. Нѣтъ. Слогъ устарѣлъ, пріемы тоже. Теперь такъ не пишутъ. Онъ былъ подъ вліяніемъ Тургенева. Ахъ! Все это ужъ отжитое. Да и рукопись такъ небрежна... Затерялись два листа. Самому трудно въ ней разобраться. Роза пишетъ четко, какъ мужчина. Пишетъ быстро. И такъ интеллигентна. Все схватываетъ на лету...

Онъ платитъ Розѣ 15 рублей въ мѣсяцъ и лишаетъ себя дорогихъ сигаръ. Но что сигары! Въ эти часы дядюшка счастливѣе даже, чѣмъ на свиданіяхъ съ Ликой. Для вдохновенія ему нужна женщина. Вотъ почему онъ такъ долго не могъ взяться за перо. Всѣ его увлеченія здѣсь, эти Оксаны и Ганны тянули его внизъ. Лика тянетъ его вверхъ.

Соня очень довольна за Розу. Ея бѣдность и зависимость отъ семьи такъ долго ее мучили. Это Соня дала дядюшкѣ мысль пригласить секретаря.

Теперь жизнь дядюшки полна. Сѣрая скука исчезла. Охота, романъ, Лика, немножко музыки, немножко живописи. Всѣ таланты для *нея*...

Встрѣчаться ежедневно становится уже необходимостью. Онъ приходитъ въ Липовку, въ квартиру фельдшерицы. И всегда застаетъ тамъ учительницу Анну Васильевну. Это некрасивая низенькая дѣвушка, смуглая и суровая, похожая на мужчину. У нея стриженые волосы и монгольскій типъ. Она куритъ, пьетъ пиво. И когда разсердится, то ругается, какъ извозчикъ. Ее помнятъ жандармы и солдаты во всѣхъ тюрьмахъ, гдѣ она сидѣла. Даже они терялись передъ потокомъ свирѣпой брани, которая обрушивалась на ихъ головы... «А еще барышня!» растерянно лепетали они, разводя руками. Они знали, что Анна Васильевна дворянка и кончила институтъ.

Она нелегальная. Живетъ по фальшивому паспорту. И знаютъ объ этомъ только Лика да Штейнбахъ. Два года назадъ она бѣжала изъ Сибири. Дѣтей она любитъ. Дѣло свое ведетъ безукоризненно. Но сама чувствуетъ, и всѣмъ ясно, что долго она и здѣсь не наживетъ.

Къ Ликѣ у нея какое-то странное обожаніе. Сонѣ и Розѣ она улыбается привѣтливо. Но дядюшку не выноситъ. И эта антипатія обоюдна. Она не можетъ простить Ликѣ ея «слабости».

— Что общаго между вами?.. Какая-то... ненормальная... преступная связь,—сердито говоритъ она. И вдругъ начинаетъ хохотать. Она краснѣетъ тогда и становится сразу женственной, простой и милой. У нея очаровательный грудной смѣхъ. Неожиданный для такого суроваго лица.

Лика тоже хохочетъ. Но у нея смѣхъ злой. Колючій и звонкій, какъ ледяныя иглы.

— Нѣтъ, отчего же?.. Онъ очень занятный... Здѣсь такъ мало людей,—оправдывается Лика, стараясь скрыть смущеніе.

Дядюшка черезъ мѣсяцъ уже ненавидитъ «Аттиллу». Такъ за глаза величаетъ онъ учительницу. Они постоянно пикируются. И это всѣхъ забавляетъ.

Дядюшка мечталъ видѣть Лику хозяйкой за своимъ столомъ холостяка. Но Лика не только въ гостяхъ у дядюшки, но и у себя сидитъ «барыней». И когда босоногая Гапка подаетъ самоваръ, она даже не оборачивается и продолжаетъ читать

вслухъ. «Аттилла» тоже не двигается и куритъ, сосредоточенная какъ факиръ. Точно такъ и полагается.

Тогда дядюшка встаетъ. Съ ядовитой улыбкой идетъ къ комоду, долго ищетъ чайницу. Потомъ находитъ растрепанную осьмушку. Чай просыпался по комоду, потерялъ ароматъ. Пахнетъ переплетомъ старыхъ учебниковъ, валяющихся тутъ же. Сахарницы тоже нѣтъ.

Дядюшка безпомощно оглядывается. Лика читаетъ. Аттилла куритъ.

Вздохнувъ, онъ насыпаетъ сахаръ изъ разорваннаго фунтика на блюдце. Потомъ беретъ у Гапки стаканы.

— А чашекъ нѣтъ, Лидія Яковлевна?

Она оборачивается, разсѣянная.—Чашекъ? Да на что?.. Вѣдь стаканы есть... Не мѣшайте!..

— Я пью только изъ чашки... Вы забыли?—внушительно спрашиваетъ онъ.

— Ну, не пейте!—бурчитъ Аттилла. И весело сверкаетъ на него бѣлками.

Дядюшка беретъ стаканъ и съ страдальческимъ видомъ смотритъ его на свѣтъ. Потомъ ищетъ полотенце. Поиски длятся долго.

— Ну, что же чаю?—нетерпѣливо спрашиваетъ Лика.

— Что значитъ мужчина! Какъ копается!—думаетъ вслухъ Аттилла. У нея есть эта милая манера.

Дядюшка отъ негодованія на мгновеніе лишается языка.

— Дайте полотенце! — свирѣпо кричитъ онъ въ кухню, отворяя дверь.

Отъ неожиданности обѣ дѣвушки, взглянувъ другъ на друга большими глазами, заливаются смѣхомъ.

Дядюшка совсѣмъ уничтоженъ. Онъ пасуетъ передъ этими странными существами, которымъ не нужны сервизы, обстановка, комфортъ... «Изъ другой глины... Хуже?.. Лучше?.. Чортъ ихъ разберетъ!..»

Но это вѣчное присутствіе третьяго лица между ними дѣлаетъ то, что ихъ невольно тянетъ другъ къ другу. И оба они все чаще вспоминаютъ тѣ первые вечера въ комнатѣ больной Мани, гдѣ они были такъ близки, такъ откровенно могли говорить.

Когда большіе ложатся спать послѣ ужина, у молодежи начинается своя жизнь.

Сборный пунктъ—флигель дядюшки. Тамъ свѣтло, нарядно,

уютно. Есть піанино, гравюры, иллюстраціи. Вкусные коржики, персиковое варенье изъ Кіева.

Дядюшка прекрасно читаетъ вслухъ. Учительница приноситъ свѣжіе журналы изъ больничной библіотеки. Вся интеллигенція села пользуется ею.

Потомъ спорятъ по поводу прочитаннаго. Спорятъ страстно, враждебно, оскорбляя другъ друга, переводя разговоръ на личную почву, отвлекаясь отъ сущности, утопая въ мелочахъ, не слушая возраженій противника, презирая напередъ все, что онъ скажетъ. Какъ спорятъ только у насъ.

«Вся некультурность, вся дикость русскаго человѣка выливается въ этомъ полномъ игнорированіи чужой личности», съ насмѣшкой думаетъ дядюшка.

Теперь онъ самъ рѣдко споритъ. Особенно послѣ схватки съ Аттиллой, когда она, сидя за его же столомъ, въ его *home*, священномъ для каждаго англичанина, бросила ему въ лицо, что онъ дармоѣдъ, мѣщанинъ, трутень, не имѣющій даже права на существованіе въ наши дни.

— Ножъ и петля для такихъ, какъ вы!—свирѣпо кричала она, встряхивая волосами. И стучала кулакомъ по столу.

Онъ растроганно вспоминаетъ, какъ Маня тогда молча подошла къ нему и поцѣловала. А у Сони были слезы въ глазахъ. «Милыя дѣвочки»... Конечно, онъ не сталъ извиняться передъ Аттиллой въ томъ, что живетъ еще, вопреки ея приговору, и пьетъ каждый день кофе... Но онъ содрогается при мысли, что это будетъ за жизнь, когда власть очутится въ рукахъ такихъ, какъ Аттилла и даже... Лика! Казармы... Хуже, чѣмъ въ Спартѣ, гдѣ жить могли только сильные...

Роза споритъ мрачно и сдержанно. Она здѣсь одна с.-д. Поддержку встрѣчаетъ только въ Сонѣ. Роза, вообще, молчалива и печальна. Жуткое что-то въ линіяхъ ея губъ. Какъ будто она предчувствуетъ скорбь своей жизни. И не ищетъ ее избѣгнуть. У нея интересное лицо. И дядюшка собирается писать съ нея картину на политическій сюжетъ и назвать ее *Обреченная*. Впрочемъ, планы дядюшки мѣняются каждый день.

И у себя дядюшка всегда хозяйничаетъ, хотя за самоваромъ сидитъ Соня. Онъ рѣжетъ ветчину, сыръ, колбасы. Самъ дѣлаетъ тартинки для дамъ. Дома у себя онъ даже съ Аттиллой любезенъ. И юморъ его безобиденъ.

— У насъ совсѣмъ женское царство!—говоритъ Соня.— Пять женщинъ и одинъ мужчина.

— Двое мужчинъ!—поправляетъ дядюшка.

— Какъ двое? Гдѣ же другой?—Соня дѣлаетъ большіе глаза.

Дядюшка подмигиваетъ.—Эге! Аттиллу забыла?

Онъ съ ужасомъ слѣдитъ за учительницей, когда она тушитъ папиросы ногой на коврѣ или бросаетъ пепелъ въ рюмку. Надо видѣть усмѣшку, съ которой она озираетъ эти картины, статуэтки, убранство чайнаго стола. Ее, какъ мужчину, интересуетъ одно только оружіе въ кабинетѣ. И сама она стрѣляетъ, какъ амазонка.

Лика всегда выбираетъ лучшее мѣсто, на кушеткѣ. Съ свойственной ей граціей молодой кошки, какъ-то свернувшись въ клубочекъ, она незамѣтно для себя и другихъ играетъ роль первой скрипки въ этомъ концертѣ. Подъ бокомъ у нея подушка, вышитая шелками. Сувениръ одной изъ прошлыхъ «жертвъ» дядюшки. Передъ нею лучшая чашка хозяина. Бѣлая, прозрачная, хрупкая, съ золотымъ ободкомъ.

— Это севрскій фарфоръ, Лика,—сказалъ онъ ей разъ.—Ей теперь цѣны нѣтъ. И никто, кромѣ васъ, не пилъ изъ нея.

«А та дама—на стѣнѣ?..» хотѣла спросить Соня. Но промолчала. «Негодяй этотъ дядюшка! Такой же, какъ и всѣ...»

Но Лику эти тонкости не трогаютъ. Глядя на чашку, она всегда презрительно вздергиваетъ нижнюю губу и становится похожей на бѣлку. Такъ думаетъ Маня.

Всѣхъ она зарисовала въ свой альбомъ. И всѣ похожи на животныхъ. Горленко поразительно напоминаетъ быка. У Вѣры Филипповны въ шелковомъ платьѣ и кружевной наколкѣ—черты индюшки. Дядюшка съ модной бородкой до смѣшного похожъ на козла. Пристальный взглядъ Сони и круглое личико напоминаютъ молоденькую сову. А Роза, съ темными покорными глазами и тонкой шейкой, странно похожа на жирафа... Вотъ Анна Васильевна съ свирѣпой миной дворняги грызетъ кость. И на ней написано «бѣлая»... Нельзя удержаться отъ смѣха.

Но есть тамъ страничка. И на ней голова сокола. Зорко и надменно глядятъ глаза хищника. Гордо размахнулись сросшіяся внизу, у клюва, брови... О, эти брови...

Маня забросила альбомъ, чтобъ не видѣть лица сокола...

Ждать такъ трудно...

Обманываться такъ больно... Она не хочетъ страдать!..

Компанія засиживается далеко за полночь.

Одна Маня всегда въ сторонѣ. Всѣмъ далекая. Всѣмъ непонятная. Какъ будто и пустая, и неглубокая. А иногда таинствен-

ная, какъ омутъ. Богъ его знаетъ, что тамъ, на днѣ?.. Политикой не интересуется. Молчитъ, когда у другихъ горятъ глаза, и голоса дрожатъ въ страстномъ спорѣ. Живетъ какой-то *своей* жизнью. Темной и нѣмой, какъ жизнь цвѣтка.

Расходятся на зарѣ. Всѣ провожаютъ Лику и учительницу въ Липовку. Идутъ съ фонариками. Въ лунныя ночи заходятъ въ паркъ. И бродятъ тамъ до разсвѣта. Катаются въ лодкѣ, поютъ хоромъ.

О, эти лунныя ночи!.. Синее золото въ водѣ...

Маня молчитъ и озирается широко открытыми глазами. Какъ будто призраки киваютъ ей изъ-за липъ и тополей. Какъ будто они влекутъ ее къ темному палацу, гдѣ никого нѣтъ, кромѣ сумасшедшаго дяди, гдѣ никогда не видно огней.

И въ эти ночи она мечется безъ сна. И рыдаетъ. Рыдаетъ такъ, словно утратила всѣ цѣнности жизни...

III.

Вечеромъ, по отъѣздѣ Нелидова, вся компанія уже въ сборѣ, во флигелѣ дядюшки.

Лика и Аттилла встрѣтили Нелидова по дорогѣ сюда. Онъ поклонился имъ съ своей утонченной манерой. А Лика остановилась, какъ вкопанная. И вся кровь прилила ей къ сердцу... Сколько великолѣпнаго презрѣнія къ нимъ почувствовала она во взглядѣ этихъ жесткихъ, сѣрыхъ глазъ!.. Какъ будто мимо него ползли двѣ букашки.

— Ножъ и петля!—ворчала Аттилла и курила всю дорогу.

Сейчасъ говорятъ только о немъ. Лика и учительница—люди здѣсь новые. Имъ многое хочется узнать отъ Розы.

— И вы настаиваете, что церковно-приходская школа въ Дубкахъ дѣло его рукъ? А не старухи?—спрашиваетъ Лика.—Это очень характерно, если это такъ...

— Анна Львовна—типъ старой крѣпостницы. Она тутъ девять лѣтъ хозяйничаетъ. И никогда ни о больницахъ, ни о школахъ не думала. Всѣ и сейчасъ въ Липовку бѣгутъ, къ Штейнбаху... А Нелидовъ это убѣжденный монархистъ.

— Черная сотня!.. Короче и яснѣе,—бурчитъ Анна Васильевна, свирѣпо раздувая ноздри.

— Почему короче?—дразнитъ дядюшка.—Тамъ одно слово. Здѣсь два...

— Черносотенный лидеръ,—продолжаетъ учительница, игнорируя «мужчину» и его возраженія.—Еще при отцѣ его хохлы

ѣздили мимо мельницы. Не успѣлъ объявиться, заперъ дорогу. Дѣлаютъ крюку двѣ версты, чтобъ на село попасть. И засѣялъ землю. И, Боже оборони, корова забредетъ!.. Сейчасъ штрафъ...

— Однако... на какомъ же это основаніи?—Соня кладетъ руки на столъ, и на нихъ голову. И глядитъ сбоку въ лицо говорящимъ.

— Да такъ... Безъ основанія...

— Вздоръ, милѣйшій Песталоцци!—вмѣшивается дядюшка.—Вы увлекаетесь. Темпераментъ лишаетъ васъ логики. Впрочемъ... у женщины ея не бываетъ... А Нелидовъ поступилъ по закону...

— Хорошъ законъ!—срывается крикъ у женщинъ.

— Это ужъ другой вопросъ, милыя дамы... Но Нелидовъ воспользовался своимъ правомъ. Его отецъ жуировалъ заграницей и сюда не заглядывалъ. Мать не рѣшалась на тяжбу, чтобъ не ссориться съ крестьянами. И ее сейчасъ цѣнятъ на селѣ... А сынъ страха не знаетъ... Вотъ и все...

— Вы, кажется, его одобряете?—Лика высоко поднимаетъ брови. И ея хрустальный голосокъ звучитъ выше обыкновеннаго.

Учительница издаетъ какой-то неопредѣленный, нечленораздѣльный звукъ. Но сдерживается на этотъ разъ и только сильнѣе затягивается.

— Д-да... если хотите... Мнѣ нравится сила. Я люблю побѣдителей... Можетъ быть потому, что самъ я судьбою обреченъ быть въ лагерѣ побѣжденныхъ...

— Удивительная сила! Тягаться съ бѣдняками, имѣя за спиной земскаго начальника и губернатора!

— Эге!.. Не забудьте, Лидія Яковлевна, что эти бѣдняки испортили ему всю карьеру...

— Какъ такъ?—Аттилла перестаетъ курить.

— Онъ долженъ былъ покинуть дипломатическую службу въ Лондонѣ. Анну Львовну параличъ разбилъ послѣ пожара. Ему пришлось самому хозяйничать, чтобъ спасти родовое гнѣздо.

— Вольно-жъ ему!

— А жить-то на что, Лидія Яковлевна? Ваши бѣдняки разорили его. Въ домѣ сгорѣли цѣлыя сокровища: гобелены, фарфоръ, картины, библіотека, мебель корельской березы и краснаго дерева... Цѣны не было этимъ вещамъ. А теперь у нихъ остался старый флигель...

— А земля? А про землю забыли?—такъ и вскидывается учительница.

— Запереться въ деревнѣ, въ его-то годы? Съ его данными? Это послѣ Лондона?.. Да я бы повѣсился на его мѣстѣ!

— И хорошо бы сдѣлали!

Это Аттилла думаетъ вслухъ. Всѣ хохочутъ.

— Его ненавидятъ на селѣ,—убѣжденно говоритъ Лика.

— А вы думаете, онъ этого не знаетъ? Но что ему до ихъ ненависти? Онъ молотъ. И бьетъ по наковальнѣ. Это его роль въ жизни. И онъ скорѣе разобьется въ дребезги самъ, чѣмъ уступитъ.

Роза задумчиво шепчетъ послѣ паузы:

— Я слышала, какъ *они* говорятъ: «Лютый панъ»... И ухмыляются... Такъ загадочно...

Тишина вдругъ наступаетъ. Странная такая тишина. Какъ будто души подошли вплотную къ грани земного. И заглянули въ бездну будущаго, что не дано видѣть земнымъ очамъ.

Дверь распахивается. Входитъ Маня. Ее уже перестали ждать. Она садится въ углу. Платье ея отсырѣло. Волосы растрепались. Башмаки мокры. Словно она бродила по болоту. Глаза ея необычно сіяютъ.

Всѣ невольно оглядываются. Какъ-то удивительно-реально чувствуется, что вошла въ маленькую комнатку какая-то темная сила. Загадочная. Диссонансомъ врѣзалась въ общее настроеніе. Все разстроила, все встревожила.

«Что съ нею нынче? Она опять прежняя», думаетъ Соня.

Лика тоже на мгновеніе теряетъ нить разговора съ Розой. Какъ будто Маня, проходя и чуть коснувшись ея краемъ платья, толкнула ее и разбила разомъ весь строй мыслей. Она кидаетъ на нее безсознательно враждебный взглядъ и нервно бьетъ чайной ложкой по столу.

«Мой фарфоръ!..» хочетъ крикнуть испуганный дядюшка.

Но Лика уже сосредоточилась опять, хлебнула чаю и продолжаетъ своимъ высокимъ голоскомъ:

— Я видѣла его по-настоящему только разъ. Весной, въ чрезвычайномъ собраніи. Только на него и глядѣли. Только о немъ и шептались. Маменьки, дочки... Да и всѣ... Нашъ помпадуръ передъ нимъ такъ и пляшетъ... Но надо было видѣть, какъ онъ говорилъ со всѣми! Какъ держался!.. Сколько утонченнаго презрѣнія подъ его изысканной вѣжливостью!.. Съ однимъ губернаторомъ да Галаганомъ говоритъ просто и легко, какъ съ ровней... Всѣ остальные,—эти Ткаченко, Лизогубы—

для него паріи... А мы?.. Муравьи, ползающіе по дорогѣ... И которыхъ онъ топчетъ, даже не видя и не зная.

— Н-ну, положимъ...—вспыхиваетъ дядюшка.

Прозрачное лицо Лики тоже загорается румянцемъ. И глаза сверкаютъ.

— Ахъ, не думаете ли вы, что онъ для васъ или Горленко дѣлаетъ исключеніе?.. Напрасно!.. Ему скучно безъ людей. Вы оба охотники. Съ Горленко у него дѣла... Но неужели вы думаете, что онъ узнаетъ кого-нибудь изъ васъ въ Петербургѣ, напримѣръ, когда измѣнится его жизнь?.. Ха!.. ха!.. Близорукіе вы люди!

Она смѣется своимъ колючимъ смѣхомъ. Дядюшка разстроенно шагаетъ по комнатѣ.

Соня глядитъ на Лику. «Ты злая... Но это тонко... Это очень тонко подмѣчено... Я сама это нынче почувствовала. Но опредѣлить не умѣла...»

Огромные глаза Мани сіяютъ изъ темнаго угла и жадно глядятъ въ возбужденныя лица.

— Бѣлая кость...—ворчитъ Аттилла.—Синяя кровь... Черти!

— Какъ будто онъ какой-то высшій типъ,—сквозь губы говоритъ Лика.—А мы микроцефалы...

Дядюшка вдругъ смѣлѣетъ.

— Вы преувеличиваете, Лидія Яковлевна... Но, несомнѣнно, доля правды здѣсь есть...

— Что такое?—хоромъ вскрикиваютъ всѣ. Кромѣ Мани.

— Онъ—Рюриковичъ. Этого вы ни уничтожить, ни отрицать не можете...

— Что-жъ изъ эстого?—злобно спрашиваетъ Анна Васильевна. Когда она сердится, она нарочно, чтобъ насолить дядюшкѣ, говоритъ, какъ «хамка»...

— Вы съ наслѣдственностью не считаетесь? Даже Дарвинъ...

— Эва!.. Вспомнили... Палка о двухъ концахъ ваша наслѣдственность.

— Поднимается гамъ.

— Вы, кажется, цѣликомъ его знаменитую рѣчь цитируете?—усмѣхается Роза.

— Свой своему поневолѣ братъ...

— Какую рѣчь?—кричитъ Соня. Ее не слышатъ.

— Ну, да... конечно... Онъ во многомъ правъ... Пушкинъ, Лермонтовъ, Одоевскій, Баратынскій, Дельвигъ, Апухтинъ, оба

Толстые, Тургеневъ. Кто они? Не дворяне развѣ? А декабристы? А семидесятники? Это ужъ я отъ себя, говорю, mesdames?

— Мы вамъ назовемъ не менѣе блестящихъ разночинцевъ въ литературѣ и политикѣ...

— Какую рѣчь?—кричитъ Соня.

— Каткова съ Леонтьевымъ ему не воскресить больше! Что онъ тамъ ни говори!.. И если *Русскій Вѣстникъ* погибъ за недостаткомъ читателей, тутъ субсидіи не помогутъ. Жизнь сильнѣе господъ Нелидовыхъ!

— Кончена ваша роль... Выродились...

— Долой со сцены!.. Недоноски!—кричитъ Аттилла, стуча кулакомъ по столу.

— Господа! Я отказываюсь спорить!.. Это уже брань...

— Такъ и сказалъ... «Съ Надсономъ въ литературу проникъ еврей»,—говоритъ Роза Сонѣ.—«И отравилъ своей скорбью цѣлое поколѣніе».

— Неужели такъ и сказалъ?

— Да... да... Постойте!.. Вотъ его точныя слова... Мнѣ Климовъ передавалъ. Онъ былъ на банкетѣ тогда... «Надсонъ обезсилилъ цѣлое поколѣніе безцѣльной, ненужной, безмѣрной жалостью...» И потомъ... «Вся пресса въ рукахъ жидовъ... Жидъ и разночинецъ—вотъ кто создаетъ сейчасъ въ Россіи то, что называютъ общественнымъ мнѣніемъ...»

— Онъ ненавидитъ евреевъ?—шепчетъ Соня.

— О, да! Онъ стеръ бы насъ съ лица земли... если-бъ имѣлъ на это силу.

А дядюшка говоритъ, осмѣлѣвъ послѣ стакана наливки:

— Гляжу я на васъ, на всѣхъ... Слушаю васъ и диву даюсь: до чего поверхностна ваша оцѣнка, вообще... До чего убого и узко ваше міропониманіе!

— Вотъ-те, бабушка, и Юрьевъ день!

— Да... да... Несомнѣнно передъ нами крупная фигура... Не отрицаю его недостатковъ, не одобряю его промаховъ. Но, вѣдь, это личность, господа! Яркая, цѣльная личность! Интересная...

— Какъ можетъ черносотенецъ быть интереснымъ!

— Вотъ-вотъ, Лидія Яковлевна... О чемъ я и говорю?.. Вы смотрите только на ярлыки... Кадетъ, октябристъ, эсъ-эръ... эсъ-де... Какъ будто все дѣло въ этомъ? А самъ человѣкъ? А натура его?

— Его міросозерцаніемъ все исчерпывается!—Лика дѣлаетъ уничтожающій жестъ...

— Но позвольте... Ренанъ и Ницше, Наполеонъ и Тэнъ, Бодлэръ и Ламартинъ... Всѣ должны быть отвергнуты вами въ такомъ случаѣ... За ярлыкомъ вы не видите человѣка...

— Человѣкъ—это то, что онъ думаетъ и дѣлаетъ,—возражаетъ Аттилла.

— Прекрасно. Но если онъ искрененъ и неподкупенъ въ своихъ убѣжденіяхъ? Какъ я могу отнять у него свое уваженіе или интересъ только за то, что онъ молится своимъ богамъ такъ же искренно, какъ я молюсь своему? Вѣдь это же возмутительное насиліе, господа, требовать отъ всѣхъ, чтобъ они вѣрили по-вашему!

— Мы и не требуемъ. Мы только считаемъ такихъ врагами. Вотъ и все!

Но дядюшка тоже разгорячился. И бѣгаетъ по залу, схватившись за виски.

— Это... это... что-то... до того убогое... до того кастрированное отношеніе къ міру... Ну, пусть онъ обскурантъ!.. Не спорю... Но за его цѣльностью я чувствую міросозерцаніе... Стройное, продуманное, яркое... Пусть оно даже враждебно мнѣ...

— Наврядъ ли!—вслухъ думаетъ Аттилла.

Лика хохочетъ. И дядюшка на мгновеніе теряетъ нить.

— Знаемъ мы, какое міросозерцаніе у земскихъ начальниковъ!

Дядюшка морщится.

— Это плоско, Анна Васильевна.

— Развѣ онъ земскій начальникъ?—спрашиваетъ Лика.

— Не сейчасъ, такъ завтра будетъ имъ. А тамъ предводителемъ... А тамъ губернаторомъ...

— Это ужъ навѣрно,—дразнитъ дядюшка.—Такіе теперь и нужны.

А Роза тихо и страстно говоритъ Сонѣ:

— Онъ ничуть не скрываетъ своихъ картъ... Такъ и говоритъ: «Довольно намъ дешеваго либерализма, слащавой гуманности!.. Надо быть трезвыми и жестокими...» Знаете, я нѣсколько разъ слышала его въ собраніяхъ. Онъ прекрасно говоритъ... Конечно, цѣлая буря поднимается всякій разъ послѣ его словъ. Одни свищутъ, другіе апплодируютъ... Нашъ предсѣдатель, вы знаете, «кадетъ...» И у него еще прошлый годъ была сильная партія... Но теперь вся оппозиція объединилась вокругъ Нелидова. Подняла голову. И съ каждымъ днемъ крѣпнетъ... И какъ сильна будетъ реакція, можно предвидѣть уже сейчасъ...

— Да, — кричитъ дядюшка. — Онъ истинный ницшеніа-

нецъ... Хотя и безсознательный, быть-можетъ. Онъ убѣжденъ, что міръ всегда будетъ дѣлиться на владыкъ и рабовъ... что равенство невозможно... И... если хотите... въ это вѣрю и я!.. Да, вѣрю... Вашъ соціализмъ создастъ одинаковыя условія существованія и развитія для всѣхъ... Но равенства онъ не создастъ. Природа его отрицаетъ...

— Настоящая бѣлокурая *бестія*, этотъ вашъ Нелидовъ!— вдругъ говоритъ Аттилла.

Соня слышитъ и смѣется.

— И что тамъ ни толкуйте, а сила импонируетъ. Кто кругомъ не жалуется на людей? У Лизогубовъ по ночамъ лѣсъ вырубаютъ. У Ткаченко вывезли весь табакъ изъ сарая. И никто не слыхалъ, какъ и куда? О Галаганахъ и говорить нечего. Приходятъ и берутъ, кому есть охота. А чѣмъ вы объясните, что за эти два года у Нелидова даже стараго колеса со двора не сволокли?

— Все въ свое время придетъ,—какъ-то странно говоритъ Лика.

— Народъ терпѣливъ...

— Устали всѣ...

— Нѣтъ-съ! Было, да прошло... И не вернется...

— Кто знаетъ?

Какъ ракеты, яркія и значительныя, срываются эти страстныя, коротенькія фразы. Какъ ракеты сверкаютъ взоры. И гаснутъ. И юные порывы падаютъ вновь на дно души... Тамъ, въ тайникахъ, глубоко зрѣетъ что-то. Еще непонятное. Еще недодуманное.

Судьба глядитъ на часы. Стрѣлка еще далека.

Срокъ не насталъ.

А Маня думаетъ:

«Что мнѣ за дѣло, кто онъ? Каковы его взгляды? Отношенія къ людямъ? Онъ прекрасенъ. И я люблю его».

«И какъ странно, что у него есть «мама»... имѣніе... тяжбы... заботы... Онъ, какъ Ахиллесъ, долженъ бы ходить нагой. Сражаться подъ Троей. Влачить за волосы трупъ побѣжденнаго Гектора. Брать себѣ женщинъ и добычу. Говорить съ богами, какъ равный. А съ людьми, какъ господинъ. Міръ для такихъ, какъ онъ. Безжалостныхъ, надменныхъ, хищныхъ...»

«И онъ меня любитъ!..»

Она вдругъ встаетъ. Порывистая, сильная, гибкая. Она закидываетъ руки за голову полнымъ нѣги жестомъ и глядитъ

на всѣхъ полуоткрытыми глазами. Странная улыбка раскрываетъ красныя губы.

Дядюшка вдругъ перестаетъ говорить и, открывъ ротъ, смотритъ на Маню.

«Вотъ такъ глупое лицо!»—хочетъ крикнуть учительница. Но оглядывается. И тоже замираетъ, вся подавшись впередъ.

Лика оборачивается, враждебная... Зачѣмъ встала эта нелѣпая дѣвушка въ самомъ разгарѣ бесѣды?.. И стоитъ тутъ? И всѣмъ мѣшаетъ?

— Дядюшка,—говоритъ Маня не громко, но тономъ человѣка, для котораго ненужны споры.—Садитесь и играйте! Я хочу плясать...

— Что такое?—спрашиваетъ Лика, не вѣря ушамъ. Но Соня уже вскочила и схватила ея руки.

— Лика... Милая... Какъ хорошо!.. Она не плясала цѣлый мѣсяцъ...

— Она пляшетъ, какъ Дріада,—кричитъ дядюшка, бросаясь къ піанино.—Вы и представить себѣ не можете, чѣмъ мы васъ угостимъ!

Маня сбрасываетъ башмаки. Выходитъ на середину зала. Ея глаза устремлены вверхъ. Всѣ глядятъ съ недоумѣніемъ въ это неуловимо измѣнившееся лицо... Какіе глаза!

— Тарантеллу, дядюшка!—сквозь зубы глухо говоритъ она, все такъ же странно и упорно глядя вверхъ.—Скорѣй!.. Скорѣй!.. Скорѣй!..

И всѣ видятъ, что она дрожитъ. Дрожитъ, какъ цыганки въ пляскахъ, мелкой дрожью съ головы до ногъ. Но это не дѣланное волненіе, не показная страсть. Трепетъ творчества волной пробѣгаетъ по плечамъ и груди, по блѣдному лицу и алымъ губамъ. И вздрагиваютъ вѣки. И странно мерцаютъ глаза.

И вдругъ какія-то нити, какъ лучи, протягиваются отъ этихъ глазъ къ душамъ дѣвушекъ,—трезвыхъ, холодныхъ, мгновеніе назадъ улыбавшихся недовѣрчиво.

Звуки тарантеллы зароились и заплясали въ тѣсномъ ящикѣ флигеля.

Маня слабо вскрикиваетъ. Зажмуривъ глаза, порывисто кидается впередъ.

Такъ падаютъ въ бездну.

Вотъ она завертѣлась, заметалась въ бѣшеной пляскѣ...

Нѣтъ. Это даже нельзя назвать танцами. Какъ будто нако-

пившаяся энергія ищетъ разрядиться въ этихъ безумныхъ жестахъ, въ этомъ дикомъ хаосѣ движеній, странно подчиняющихся все-таки музыкальному ритму.

Съ легкими криками, отъ которыхъ дрожь бѣжитъ по спинѣ дядюшки, съ криками безсознательнаго наслажденія, кружится она въ какомъ-то вакхическомъ опьяненіи. То откинется назадъ и замретъ въ истомѣ. Усталая, изнемогающая. То изступленно ринется впередъ и закружится опять. Волосы разметались по плечамъ. Пылаютъ щеки. Пылаютъ уста. Въ глазахъ экстазъ. Что она пляшетъ? Развѣ она знаетъ сама? Вихрь налетѣлъ на нее. И кружитъ, какъ листъ, по дорогѣ.

— Богъ знаетъ что такое!—враждебно шепчетъ Лика. Но холодные глаза разгораются.

Соня глядитъ, подавшись впередъ, сдвинувъ брови. Она силится понять. Маня никогда такъ не плясала.

«Здѣсь положительно что-то стихійное...» думаетъ дядюшка.

Вдругъ Маня останавливается. Лицо блѣдно. Глаза закрыты. Руки безжизненно повисли. Мертвое лицо. Только грудь бурно вздымается... Всѣ ждутъ напряженно.

Соня на цыпочкахъ подходитъ къ піанино.

— Пустите, дядюшка! Довольно!.. Взгляните на ея лицо... Я знаю, *что* надо теперь играть.

Льются звуки Шопеновскаго ноктюрна. Нѣжные, воздушные. Пронизанные луннымъ свѣтомъ, осіянные мечтой любви. Любви далекой и недоступной, какъ звѣзды. Рыдающіе тихонько звуки.

Маня встрепенулась... Она скользитъ, вся затихшая и покорная. Останавливается, какъ бы прислушиваясь къ далекимъ голосамъ Руки зовуще протянуты вдаль. Огромные глаза глядятъ вверхъ и видятъ что-то... Да... Такъ глядятъ въ лицо мадонны, въ звѣздное небо. Съ такими глазами молятся и вѣрятъ, что гора сдвинется, что свершится чудо... И вся она сейчасъ съ ея движеніями, съ ея глазами, съ молящими жестами прекрасныхъ, выразительныхъ рукъ—одно стремленіе къ идеалу.

Вдругъ рыданіе тихонько срывается у Мани. Подавленный, еле слышный стонъ.

Всѣ вздрагиваютъ. Что она сказала? Чье имя?

А развѣ она знаетъ?

Она бросаетъ къ небу руки съ безумнымъ жестомъ неутолимаго желанія...

Кого зоветъ она?

Кто знаетъ?..

И не все ли равно?..

Она останавливается внезапно. Музыка играетъ. Но она уже на землѣ...

Какъ ребенокъ, ладонями вверхъ она третъ себѣ глаза. Оглядываетъ съ недоумѣніемъ эти нѣмыя, жадныя лица. Такія новыя, такія чуждыя... И тихо идетъ къ двери. Босикомъ. Усталая, печальная, далекая отъ всѣхъ. Поникнувъ головою.

Но дядюшка слышитъ ея тяжкій вздохъ на порогѣ. Онъ видитъ, какъ, закрывъ лицо руками, она съ подавленнымъ рыданіемъ кидается на крыльцо.

Черная ночь поглотила ее.

У дядюшки бьется сердце... «Какая жажда жизни!..»

Всѣ молча, недвижно глядятъ вслѣдъ.

Въ душахъ что-то встало.

Въ жизни уже нѣтъ прежней ясности. Чего-то не хватаетъ.

Чего?

Хочется кинуться вслѣдъ этой странной дѣвушкѣ. Вглядѣться въ эти огромные глаза. Понять. Спросить.

Что? Что?...

Лика нервно поводитъ узенькими плечами.

Учительница порывисто встаетъ и выходитъ на крыльцо. Тамъ она долго куритъ, щурясь на причудливыя купы деревьевъ, на клумбы цвѣтовъ, которыя притаились во тьмѣ и молчатъ. Какъ будто знаютъ что-то, чего не знаетъ она.

— Пойдемте, что ли!—тоскливо срывается у Розы.—Какъ здѣсь душно стало! Какая жаркая ночь!..

Всю дорогу обратно она думаетъ о Зямѣ. И сердце ея горитъ.

Дядюшка въ темнотѣ тихонько беретъ руку Лики, продѣваетъ ее подъ свой локоть. И пальцы его, дрожащіе и страстные, робко говорятъ ей старую сказку любви.

Лика слушаетъ ее. И руки не отнимаетъ.

«У насъ однобокая жизнь», впервые думаетъ она уже дома. «Жизнь половинчатая. Отчего? Трусы мы? Или рабы, какъ говоритъ онъ?..»

«Ахъ, эта Маня...»

«Нѣтъ. Это надо додумать. Завтра... Завтра... Жаль, если жизнь уйдетъ такъ... Много ли мнѣ жить-то осталось?..»

И опять душа подходитъ къ завѣтной грани. И въ ночной тиши зорко глядитъ за предѣлы земного.

IV.

Въ субботу, когда кончается работа въ полѣ, Нелидовъ ѣдетъ домой. На немъ парусиновая блуза, высокіе сапоги, пробковый англійскій шлемъ. На ремешкѣ черезъ плечо непромокаемый плащъ. Этотъ простой костюмъ странно идетъ къ его тонкимъ чертамъ, къ его стройной фигурѣ.

Онъ озабоченъ, тревоженъ. До сихъ поръ не улеглось то темное, что взмыло со дна души его и клиномъ врѣзалось въ налаженный строй его суровой, несложной жизни. И это его раздражаетъ.

Быстро падаетъ ночь. Рокочутъ деревья въ Лихомъ Гаѣ. Шепчутся зловѣще кусты. Что-то чудится за черными елями... Шорохи, дыханіе. Вздрагиваетъ и водитъ ушами нервная лошадь.

Нелидовъ стискиваетъ зубы и замедляетъ ходъ. Нарочно. Этого только не доставало! Развинтиться въ два дня...

Онъ ѣдетъ вскачь, когда зловѣщій лѣсъ остается далеко позади. И эхо гулко повторяетъ звуки въ ярѣ.

Вотъ на полдорогѣ усадьба Галагана. Въ другое время онъ проѣхалъ бы мимо, спѣша къ матери. Но она ложится рано. А вечеръ такъ длиненъ... Такъ трудно дожить до завтра!.. «Завтра увижу *ее*... Завтра...» стучитъ въ его виски.

Предводитель дворянства, хлѣбосолъ, тучный, миролюбивый человѣкъ, проживаетъ уже второе наслѣдство. У него двѣ дочки-невѣсты, долги, заложенное имѣніе. Но онъ не унываетъ и ждетъ смерти третьей тетки, у которой онъ единственный наслѣдникъ. Нелидова встрѣчаютъ съ распростертыми объятіями.

— Простите! Я въ такомъ костюмѣ... Прямо съ поля...

— Что за вздоръ!—радостно говоритъ хозяйка.—Мы васъ, какъ молодой мѣсяцъ, видимъ... И къ вамъ такъ идетъ эта блуза!

Послѣ ужина, сидя на террасѣ, хозяинъ говоритъ:

— Не натягивайте струны, Николай Юрьевичъ! Вотъ вамъ мой совѣтъ стараго помѣщика. Народъ здѣсь терпѣливый, правда. Но время-то какое переживаемъ!.. Довольно одной искры...

— Вы думаете?—срывается у гостя высокомѣрный возгласъ. И онъ съ усмѣшкой бьетъ хлыстикомъ по кончику своего сапога.

— Или забыли пожаръ усадьбы?—укоризненно спрашиваетъ хозяйка. И качаетъ головой.

Глаза Нелидова какъ будто загораются.

— О, нѣтъ! Я его слишкомъ хорошо помню,—говоритъ онъ. И улыбается.

Когда онъ прощается, дѣвушки глядятъ на него съ восторгомъ. Хозяйка съ надеждой.

Ничего не видно въ пяти шагахъ. Душная ночь загадочно, до жуткости темна. Еле мерцаетъ дорога.

— Какъ это вы не боитесь ѣздить?

— Да еще на такой пугливой лошади?—шепчетъ хозяйка.

— Я знаю дорогу и мою лошадь. Чего же мнѣ бояться?

— Тутъ трясина,—говоритъ Наташа.—Здѣсь тонутъ люди каждый годъ.

— Э, нѣтъ... Не о томъ я совсѣмъ,—досадливо возражаетъ отецъ.—Давно ли почту здѣсь ограбили? Мы не ѣздимъ по ночамъ, Николай Юрьевичъ. Вотъ ужъ три года какъ не ѣздимъ.

Нелидовъ молчитъ и улыбается.

— Пріѣзжайте обѣдать завтра!

— Благодарю васъ! Но я уже приглашенъ,—раздается изъ тьмы его голосъ.

— Куда же?.. Куда?!

— Въ Лысогоры...

— А!—срывается у смущенной хозяйки.—А жаль. Мы завтра ждемъ губернатора.

— Анатолій Сергѣевичъ будетъ завтракать у мамà!.. До свиданья!

Анна Львовна еще не спитъ. Полоска свѣта тянется изъ-подъ двери ея на чисто вымытомъ, еще сыромъ полу.

— Николенька? Это ты?.. Слава Богу! Я такъ боялась...

— Простите, мамà!.. Я былъ у Галагановъ. Теперь вы заснете?

— О, да!.. Покойной ночи, мой другъ!

Онъ обходитъ флигель. Пробуетъ всѣ ставни.

Его кабинетикъ малъ и неуютенъ. Все, что есть лучшаго изъ мебели, стоитъ въ гостиной и спальнѣ Анны Львовны. И онъ до сихъ поръ не можетъ привыкнуть къ этой убогой обстановкѣ. Всякій разъ, когда онъ входитъ въ эту комнатку, онъ вспоминаетъ сгорѣвшую усадьбу, домъ, гдѣ онъ родился и выросъ. И сердце его сжимается.

Сонъ далекъ, хотя онъ всталъ на зарѣ и весь день былъ въ полѣ.

Онъ раскрываетъ конторскія книги и погружается въ разсчеты. Вотъ ужъ два года, какъ онъ уволилъ управляющаго, распустилъ годовыхъ работниковъ и штатъ дворовой прислуги. Все дѣло онъ ведетъ одинъ. Потребности сокращены до *minimum'a*. Надо копить. Надо усчитывать каждый грошъ, чтобъ

уплатить по векселямъ, чтобъ спасти Дубки. Липовка и Ельники уже утрачены. Уже въ рукахъ Штейнбаха. Вся цѣль его жизни сейчасъ здѣсь, въ этомъ родовомъ гнѣздѣ.

Онъ ложится во второмъ часу и засыпаетъ съ трудомъ.

Утромъ, въ воскресенье, онъ ѣдетъ съ матерью къ обѣднѣ, въ сельскую церковь. Она окружена пирамидальными тополями и липами. Дѣдъ его, князь Галицкій, самъ посадилъ эти деревья. Самъ строилъ эту церковь. Прежняя была деревянная и сгорѣла сто лѣтъ назадъ. Уцѣлѣлъ только склепъ, гдѣ спятъ предки Нелидова, гдѣ и онъ ляжетъ когда-нибудь. Жить и умереть въ Дубкахъ было его мечтой еще съ дѣтства, когда онъ, страстный охотникъ еще въ тѣ годы, бродилъ по болотамъ и учился бить птицу на лету.

Коляска ѣдетъ назадъ по площади. Базарный день. Толпа. Всюду возы съ яблоками, кавунами (арбузами), дынями. Сбоку пріютились торговки посудой. Въ сущности, здѣсь есть все, что удовлетворяетъ несложнымъ потребностямъ сельчанъ. Совсѣмъ нѣтъ яркихъ цвѣтовъ, національныхъ костюмовъ. Всѣ женщины въ черномъ.

— Да, Николенька... Встарину было лучше,—вздыхаетъ Анна Львовна.—На базарѣ, какъ на цвѣтникѣ, бывало, глазъ радовался. А теперь дѣвушки носятъ платки на головахъ...

Коляска ѣдетъ медленно. Старые хохлы снимаютъ шапки. Парубки глядятъ потемнѣвшими глазами, недвижно и молча, съ напряженнымъ вниманіемъ. Женщины въ черныхъ очипкахъ важно кланяются, пригибая головы къ груди. Анна Львовна раскланивается на всѣ стороны привѣтливо и радушно. Сынъ ея коротко киваетъ головой. А его тѣсно сжатыя губы и свѣтлые глаза какъ бы говорятъ: «Ладно! Ладно... Я, вѣдь, не простилъ. Я не прощу...»

И всѣ это чувствуютъ.

— Э... э... mon cher, Николай Юрьевичъ!—говоритъ губернаторъ за завтракомъ.—Я бы вамъ совѣтовалъ быть осторожнѣе... Ѣздить такъ далеко одному... Анна Львовна говоритъ, что вы вчера вернулись за полночь... А здѣсь такъ быстро темнѣетъ...

— Не пугайте мама̀, Анатолій Сергѣевичъ!—сухо перебиваетъ Нелидовъ.—Она и такъ волнуется. И совершенно напрасно. Смѣлымъ Богъ владѣетъ. И кому быть повѣшеннымъ, тотъ не утонетъ. Я вѣрю въ судьбу...

— Д-да... Sans doute... Но я напомню вамъ другую посло-

вицу: на Бога надѣйся, а самъ не плошай... Почему вы не берете револьвера?

— А это?..—Нелидовъ съ усмѣшкой показываетъ свой хлыстъ. И глаза его дѣлаются совсѣмъ свѣтлыми.

Губернаторъ уѣзжаетъ. И Анна Львовна задумывается.

— Николенька!—говоритъ она сыну, беря его голову въ свои руки и нѣжно глядя въ его смягчившіеся глаза.—Николенька, другъ мой! Побереги себя. Хоть для меня будь осторожнѣе! Помни, что если волосъ упадетъ съ головы твоей теперь...

— Не волнуйтесь, дорогая мамà! Анатолій Сергѣевичъ еще недавно усмирялъ въ этомъ краю крестьянскіе бунты. Ему есть чего бояться. Они озлоблены... Да. Но вѣдь я-то даже съ ихъ точки зрѣнія ничѣмъ передъ ними не виноватъ! Я защищаю свою собственность, какъ они защищаютъ свою... А пожаръ вы забыли?.. Оставьте! Я знаю, что дѣлаю. Я строю заново наше родовое гнѣздо. Вѣрьте въ меня, какъ я въ себя вѣрю. И живите спокойно...

Онъ нѣжно гладитъ ея плечи. И въ эту минуту лицо его прекрасно.

Опершись грудью на плетень, Маня глядитъ на дорогу...

Наконецъ!..

Ритмъ лошадинаго галопа сливается съ бурнымъ темпомъ сердца. Она бѣжитъ изъ бесѣдки въ домъ. Столъ накрытъ на террасѣ. Обѣдъ готовъ.

Вотъ онъ на дворѣ. Спрятавшись за столбики крыльца, она слѣдитъ, вбираетъ въ себя всѣ его движенія. Какъ сидитъ на немъ костюмъ! Какъ упруга и горда его походка! Какъ красивы эти сдержанные, рѣдкіе жесты породистыхъ рукъ! Это—«принцъ», какимъ былъ Янъ.

Онъ видитъ Маню своимъ зоркимъ взглядомъ еще тамъ, во дворѣ... Но подходитъ къ ней, къ послѣдней. И всѣ замѣчаютъ, что сбѣгаетъ румянецъ загара съ его худыхъ щекъ.

На этотъ разъ онъ не цѣлуетъ ея руки. Онъ смотритъ ей прямо въ глаза, жестокій и полный желанія. Такъ дикари смотрятъ на женщину, которую берутъ себѣ, какъ добычу.

Невиннымъ и наивнымъ взглядомъ, полнымъ готовности, отвѣчаетъ ему Маня. И лицо ея прекрасно и трогательно.

У Сони сердце падаетъ въ груди. Тайна Мани открыта теперь для всѣхъ.

«Ахъ, чортъ побери!..» съ завистью думаетъ дядюшка.— «Такъ вотъ отчего...»

За обѣдомъ Вѣра Филипповна сажаетъ Нелидова рядомъ съ собой и Соней. Маня сидитъ напротивъ.

Подаютъ пирогъ и закуску. Горленко поднимаетъ пыльную странную бутылку.

— Выпьемъ, Николай Юрьевичъ! Это старая горилка. Дѣдовская...

— Не пью... Благодарю васъ...

— Знаю, что не пьете... Но ужъ для такого случая нельзя отказаться... Ея всего двѣ бутылки осталось...

Гость сухо улыбается и дѣлаетъ отрицательный жестъ. Дядюшка чокается съ хозяиномъ и замѣтно веселѣетъ.

Послѣ жаркого хозяйка предлагаетъ гостю запеканки, старой и крѣпкой, которая хранится годами въ погребѣ.

— Благодарю васъ. Не пью...

— Но, вѣдь, это же не водка... Это сладкое...

— Это *спотыкачъ!*—объясняетъ дядюшка гостю.—Послѣ двухъ рюмокъ по этой половицѣ не пройдете... Обязательно споткнетесь.

— Мнѣ, пожалуйста!.. Мнѣ, папа!—съ вызовомъ говоритъ Соня и протягиваетъ стаканчикъ.—И Манѣ тоже!.. Что же ты молчишь, Маня? Ты такъ любишь наливку.

Нелидовъ бросаетъ на Маню косой, потемнѣвшій взглядъ. Дядюшка ревнуетъ. Ему пріятно подразнить Нелидова. Онъ самъ подливаетъ Манѣ.

— Чокнемся, дружокъ!.. Пей до дна! Такъ... Вотъ еще одну!

— Будетъ тебѣ, Федя!.. Она опьянѣетъ...

— Эге!.. Не впервой вѣдь... Она дивчина удалая!..

— Важная горилка...—шумно вздыхаетъ хозяинъ и утираетъ салфеткой большіе свисшіе усы.

Нелидовъ хранитъ брезгливое молчаніе. Но у Мани уже закружилась голова. И кровь вспыхнула. Робости рядомъ съ нимъ уже нѣтъ слѣда. Она начинаетъ хохотать громко, звонко и безпричинно. Кидаетъ въ дядюшку хлѣбными шариками. Радостно вскрикиваетъ, когда дядюшка, ловко цѣлясь, посылаетъ свой хлѣбный шарикъ ея румянымъ губамъ, ея бѣлой шейкѣ.

Соня заражается внезапнымъ весельемъ Мани... «Слава Богу!.. Цѣлый мѣсяцъ ея смѣха не слыхали!» И тутъ же впутывается въ игру. Шарики летятъ въ дядюшку, въ Горленко и... о, ужасъ! въ гостя. Онъ густо краснѣетъ.

— Vous êtes folle, Соня?—говоритъ ей мать.

— Это не она. Это я!—кричитъ Маня.

— Это нечаянно,—извиняется хозяйка.

— Нѣтъ!.. Ха-ха-ха!.. Это я нарочно... Нарочно...

Нелидовъ подымаетъ рѣсницы и въ упоръ смотритъ на смѣющуюся дѣвушку.

Она дурно воспитана. Но что за смѣхъ! Что за голосъ! Какъ будто солнце брызнуло изъ-за тучъ и затопило всю комнату. У всѣхъ смѣются лица. У всѣхъ блестятъ глаза. Она создана для счастья. Она—сама Радость...

— Нарочно?.. За что же это?—тихонько спрашиваетъ онъ, стараясь улыбкой смягчить хищное выраженіе глазъ.

Маня хлопаетъ въ ладоши.

— За то, что вы обскурантъ!..

— Что такое?

— Маня!.. Qu'est ce que vous radotez?.. Вотъ видишь, Федя...

— Ха-ха!—заливается дядюшка.—Ай-да дивчина!.. Гайда-макъ, да и все!..

Нелидовъ вдругъ весело смѣется.

— А развѣ это плохо—обскурантъ?

— Ужасно!—Маня комично всплескиваетъ руками.

— Маня... Ecoutez... Au nom de ciel!..

— Не волнуйтесь, Вѣра Филипповна... Mademoiselle...

— Ельцова... Маня Ельцова...

— Mademoiselle Ельцова—очаровательное дитя...

— Ахъ! Она совсѣмъ сумасшедшая! Когда на нее *это* находитъ, она весь домъ ставитъ вверхъ ногами...

Ноздри Нелидова вздрагиваютъ. Кокетство Мани, искристое какъ шампанское и безсознательное, дѣйствуетъ на него какъ-то стихійно. Онъ чувствуетъ себя пьянымъ безъ вина.

«Еще дѣвочка!» думаетъ онъ. «И такая голая жажда любви! Она зоветъ... зоветъ меня этимъ смѣхомъ, этимъ голосомъ... Ея смѣхъ похожъ на ржанье молодой кобылицы, впервые выпущенной на волю. Такой же серебристый и манящій. Ахъ! Схватить бы ее въ объятія! И слиться съ нею въ одно!.. И уничтожить ее въ одномъ порывѣ... Боже мой!.. До чего она прекрасна!.. До чего все это ново! И какъ трудно владѣть собой!..»

— Знаете, я много слышала о васъ!—задорно говоритъ Маня. И смѣло глядитъ въ его безпощадные глаза.

— Что же?.. Отвѣтьте!.. Я любопытенъ, какъ женщина.

— Маня... Маня,—кричитъ хозяйка съ своего мѣста и, забываясь, стучитъ ножомъ.

Горленко безпокойно завозился на стулѣ, который трещитъ подъ его грузомъ. Дядюшка подмигиваетъ Сонѣ и хохочетъ.

— Что же вы слышали? Хорошее или дурное?

— Ахъ!.. Къ сожалѣнію, только дурное...

Дядюшка и Соня громко смѣются.

— Боже мой!.. Да не слушайте вы ее, Николай Юрьевичъ!.. Маня, я тебя вышлю изъ-за стола...

— Что же именно вы слышали?

— Вы жестокій... Вы хищникъ... Вы Ахиллесъ, не знающій состраданія.

— А!—коротко срывается у него.—Я ничего не имѣю противъ этой оцѣнки. Жизнь—война. И я не хочу быть побѣжденнымъ.

— Маня!.. Выпей воды... Это просто глупо, Федя, такъ спаивать ребенка... Налей ей воды!

— Мы привыкли,—невинно, но громко бросаетъ Соня.

Отецъ кидаетъ на нее огневой взглядъ. Во хмелю онъ всегда мраченъ.

— Ужъ не твой ли поклонникъ начинилъ тебя этими бреднями?—вдругъ сердито спрашиваетъ онъ Маню.

Какъ странно мѣняется ея лицо! Она выпрямляется. Словно проснулась разомъ. Смѣхъ ея утихаетъ мгновенно.

Нелидовъ высоко поднимаетъ брови.

— У m-lle Ельцовой *уже* есть поклонники?

— Что значитъ *уже?*—враждебно подхватываетъ Соня. Ей скоро девятнадцать лѣтъ минетъ. Она кончила курсъ...

— И успѣла плѣнить Штейнбаха!—вставляетъ дядюшка.

Пауза. Нелидовъ слегка отодвигается со стуломъ и глядитъ на вспыхнувшую щеку Мани, на ея опущенную голову. Соня явственно видитъ мимолетную гримасу въ его чертахъ. И сама она блѣднѣетъ внезапно. А сердце ея стучитъ.

Нелидовъ все такъ же пристально глядитъ, какъ загораются уши Мани, какъ краска заливаетъ даже ея нѣжную шею... И какъ еще ниже, точно виноватая, клонится эта растрепанная головка.

За столомъ странная тишина.

— Вы... и Штейнбахъ?—вѣско и тихо произноситъ Нелидовъ. Точно думаетъ вслухъ.

Соня роняетъ вилку. Она говоритъ сдержанно, но враждебно.

— Какъ вы странно это сказали! Можно такъ перевести вашъ вопросъ: Роза и жаба... Да?

— Почти...

— Полноте! Такой красавецъ!.. Ну, Маня! Что же ты молчишь? Ты, вѣдь, тоже его красавцемъ считаешь...

— Даже влюблена въ него,—невинно подхватываетъ дядюшка.

Маня, не глядя, чувствуетъ на себѣ упорный, холодный взглядъ.

— Онъ жидъ,—роняетъ Нелидовъ сквозь зубы.—Этимъ все сказано.

— Это возмутительно!—вскрикиваетъ Соня и шумно отодвигается отъ гостя. Она почти задыхается. Ея волненіе такъ неожиданно, ея враждебность такъ очевидна, что родители теряются.

— Нашла за кого копья ломать!—удивленно восклицаетъ Вѣра Филипповна.

— Мама! Да вѣдь это же рѣдкій человѣкъ... Онъ дѣлаетъ такъ много добра.

— Своимъ?—подхватываетъ Нелидовъ.

— Нѣтъ. И русскимъ. И хохламъ...

— Благотворительность—это зло. Она развращаетъ какъ тѣхъ, кто даетъ, такъ и тѣхъ, кто беретъ.

— Это легко говорить! А гдѣ вы были, когда у насъ тутъ голодъ разразился? Вы въ Лондонѣ спокойно дѣлали вашу карьеру дипломата. А тутъ отецъ Штейнбаха 50 тысячъ пожертвовалъ въ Красный крестъ... А сынъ его два года въ Ельникахъ и Липовкѣ держалъ столовыя. И сейчасъ поддерживаетъ безработныхъ...

— Соня... Соня...—зоветъ опомнившаяся хозяйка.

Горленко мрачно сопитъ.

Отъ слова *Липовка* лицо Нелидова вздрагиваетъ, словно отъ физической боли. Онъ говоритъ глухо:

— Его милліоны—потъ и кровь нашего народа.

Соня дерзко усмѣхается.

— Ну, знаете ли? Объ этомъ не будемъ спорить, кто у насъ въ долгу передъ народомъ? Онъ ли? Мы ли съ вами?

— Эге! Соня!.. Видно и тебѣ Штейнбахъ голову вскружилъ,—усмѣхается дядюшка, очень довольный этимъ маленькимъ скандаломъ въ благородномъ семействѣ.

Соня краснѣетъ и теряется.

Нелидовъ говоритъ медленно, сквозь зубы:

— Даря эти 50 тысячъ, Штейнбахъ, конечно, разсчитывалъ на орденъ? Быть можетъ, на дворянство... Многіе изъ нихъ и этой чести уже добились...

Соня презрительно смѣется.

— На что ему русское дворянство, когда онъ баронъ? А предки его старѣе нашего и вашего рода... Pardon! Я забыла, что вы—Рюриковичъ...

— Вотъ! Вотъ!—подхватываетъ дядюшка.—Я и говорю изъ колѣна Давидова. Фамилія его матери Девидсонъ... Прямо царской крови. Не даромъ покойный Штейнбахъ вмѣстѣ съ барономъ Гиршемъ объ основаніи царства Палестинскаго хлопоталъ...

— Ну, дядя, молчите! Не будьте хоть вы обскурантомъ!

— «Такъ этой кличкою я вамъ еще обязанъ?»—подхватываетъ Нелидовъ. Оборачивается и въ упоръ, твердо глядитъ Сонѣ въ глаза.

— Представьте, Николай Юрьевичъ! Именно мнѣ...

— А-га!—какъ-то загадочно, коротко срывается у него.

Опять наступаетъ неловкая пауза.

Подаютъ пломбиръ и кофе. Вѣра Филипповна, красная и взволнованная, усердно потчуетъ гостя.

Онъ теперь не замѣчаетъ Маню. Онъ смотритъ въ сторону или поверхъ ея головы. Она для него уже не существуетъ.

У Мани такое чувство, словно ее раздѣли до-нага̀ и посадили за этотъ столъ. Скорѣй бы конецъ!..

Она убѣгаетъ въ бесѣдку. Она ломаетъ руки. Ненависть къ Штейнбаху душитъ ее.

Соня входитъ.

— Иди!.. Тамъ чай пьютъ,—угрюмо говоритъ она.

Маня молча встаетъ и идетъ, какъ лунатикъ.

— Молчитъ... Точно въ ротъ воды набрала,—ворчитъ Соня по дорогѣ.—Хороша любовь!.. Его оскорбляютъ...

— Я не люблю его,—искренно срывается у Мани.

— Что-о?.. Что такое?

— Я не люблю его...

— Ты съ ума сошла?.. Вѣдь ты вчера его любила?

— Нѣтъ... Это было давно... Мнѣ теперь противно вспомнить, что мы... Ахъ, оставь! Не говори мнѣ о немъ ни слова!

Соня глядитъ почти со страхомъ. Душа Мани впервые кажется ей бездонной пропастью.

— Флюгеръ, ты флюгеръ!.. Куда вѣтеръ подуетъ, туда и она... Значитъ я угадала, что влюбилась въ этого обскуранта?

Маня поднимаетъ рѣсницы. Какъ печаленъ и глубокъ ея взглядъ! Какъ будто она познала какую-то мудрость жизни, закрытую для другихъ.

И это лицо ея, и это молчаніе такъ выразительно, такъ полно значенія, что Соню охватываетъ внезапное раскаяніе.

— Маня, прости!.. Прости меня, Маничка! Мнѣ такъ жаль Штейнбаха... Оттого я была груба съ тобой... Но какъ же это такъ скоро? Ахъ!.. Я никогда тебя не понимала...

Запершись въ кабинетѣ хозяина, Нелидовъ ходитъ по діагонали легкими и упругими шагами.

Увлекаясь, онъ высчитываетъ, сколько выручитъ за посѣянную кустовку и сколько уплатитъ долгу банку и кредиторамъ. А тамъ во сколько лѣтъ очиститъ имѣніе отъ долговъ, напавъ на какую-нибудь геніальную мысль...

— Ге-ні-альную! Эге!.. Чего захотѣли? Гдѣ онѣ, эти геніальныя мысли? Не въ степи же у насъ растутъ...

Красивая, наивная улыбка вдругъ освѣщаетъ надменное, озабоченное лицо Нелидова и мѣняетъ его до неузнаваемости.

— Найду... Найду... Вотъ увидите!.. Я въ свою звѣзду вѣрю...

— Нѣтъ ужъ!.. Чего тамъ?.. На это иностранцемъ надо быть. «Они» вѣчно что-нибудь удумаютъ и у насъ изъ-подъ носа вырвутъ...

Лицо Нелидова опять темнѣетъ. Онъ со школьной скамьи ненавидитъ все западное. Два года жизни въ Англіи усилили эту антипатію. Рабочія стачки, бои въ парламентахъ, тысячные митинги, феминистскіе съѣзды, эта армія Спасенія... О!.. Какъ все это ненавистно ему и чуждо!

Нѣтъ. Западъ намъ не указъ. У Россіи есть свой путь прогресса. Своя великая историческая миссія. И жалки и слѣпы тѣ, кто думаютъ, что молодой и еще дремлющій народъ долженъ учиться жить у разлагающихся націй. Такъ думаетъ онъ.

Онъ опять фантазируетъ вслухъ. Хорошо бы устроить водяную мельницу. Здѣсь одни вѣтряки. Все осталось, какъ было въ историческія времена.

Горленко угрюмо сопитъ и машетъ рукой. Такъ все и останется. Не пойдетъ хохолъ къ нимъ на мельницу.

— А помѣщики?

Опять безнадежный жестъ.. Какіе тамъ помѣщики? У кого здѣсь земля? Все сдаютъ въ аренду либо хохлу, либо жиду...

— Штейнбаху?—спрашиваетъ Нелидовъ вздрагивающимъ голосомъ. И сдвигаетъ темныя брови.

Водворяется долгое молчаніе. Закусивъ губы, ходитъ Не-

лидовъ по комнатѣ. А Горленко, развалясь на старомъ диванѣ и посасывая папироску, угрюмо сопитъ.

Онъ уѣзжаетъ, сдержанно простившись со всѣми. На Маню не глядитъ. Поверхъ ея головы смотритъ. И поцѣлуй его, когда онъ подноситъ ея руку къ губамъ, такъ небреженъ, такъ пустъ...

— Когда же опять къ намъ?—экспансивно спрашиваетъ хозяйка. И слышитъ сухой отвѣтъ:

— Я очень тронутъ, Вѣра Филипповна. Постараюсь пріѣхать...

— Что съ нимъ? Почему онъ не остался ужинать?

Вѣра Филипповна спрашиваетъ шопотомъ, хотя гость далеко. У нея большіе и виноватые глаза.

— Дочку благодари,—угрюмо говоритъ мужъ.—Ласково приняла гостя.

— Ну, вотъ! Очень ему нужны дѣвчонки и ихъ мнѣнія. Нѣтъ! Тутъ что-то не то. Странный онъ человѣкъ... Глядишь, такой милый... И вдругъ точно стѣнкой отгородился. И не достать до него...

— Гордецъ,—бурчитъ ея мужъ.

— Есть въ немъ что-то... Не знаю... но... точно по льду ходишь всегда, когда съ нимъ говоришь... Чему ты улыбаешься, Федя?

— Хорошо сказано, картинно! И мѣтко схвачено. Я это люблю.

Вѣра Филипповна раздраженно машетъ рукой и ходитъ по комнатѣ. Въ сущности, не упала она развѣ нынче съ облаковъ? Всю эту зиму она мечтала о минутѣ, когда Нелидовъ увидитъ Соню... Но что-жъ обманываться? Онъ глядѣлъ нынче на одну Маню. А Соня была дерзка до неприличія...

И ей съ горечью вспоминается тотъ вечеръ зимою, когда онъ взялъ въ руки портретъ Сони съ ея стола. Онъ глядѣлъ на него такъ мягко и долго. И прошепталъ: «Какое славное лицо!..» Точно подумалъ вслухъ. А у нея сердце задрожало отъ радости...

Еще минута... Еще одно слово. И Вѣра Филипповна заплачетъ.

— Ну, что же, Николенька, ты мнѣ ничего не скажешь о Сонѣ? Ты видѣлъ ее, наконецъ?

— Да, мама̀!.. Но... это не мой типъ.

Анна Львовна разочарованно вздыхаетъ.

Онъ подходитъ и обнимаетъ ее за шею. «Не тужите», какъ будто говоритъ его робкая ласка.

— Но вѣдь тебѣ нравится эта семья, Николенька?

— Да... Вѣра Филипповна очень женственна и радушна... Мнѣ нравится стильный Федоръ Филиппычъ... Горленко я ува-

жаю. Это труженикъ. И не онъ виноватъ, что они разорились. Трудно идти одному противъ всѣхъ... Я люблю тамъ бывать, мамà... Я никогда не забуду ихъ вниманія къ тебѣ, пока ты страдала. А я былъ такъ далеко...

Онъ наклоняется и тихонько цѣлуетъ сѣдую голову.

— Эти услуги не забываются, мамà!.. Они теперь могутъ разсчитывать на меня, когда горе постучится въ ихъ двери.

V.

Маня опять молчитъ. Опять цѣлыми днями сидитъ въ бесѣдкѣ. Но это не медленное угасаніе увядающей души...

Въ тишинѣ и одиночествѣ пышно расцвѣтаетъ бѣлая, царственная лилія ея первой любви.

Все, что Янъ бросилъ въ дремлющую душу, и что спало тамъ, въ таинственныхъ глубинахъ; все, что темная страсть Штейнбаха и колдовство загорѣвшейся чувственности было безсильно воскресить и вызвать къ жизни,—проснулось теперь отъ одного взгляда того, кого ждала ея душа.

Прошлаго нѣтъ. Оно умерло. Жизнь началась только теперь. Янъ и онъ... Это звенья одной цѣпи. Та же радость. Тотъ же блескъ. А между ними двумя темный провалъ. Бездна, откуда глядитъ на нее блѣдное и теперь чужое лицо.

Маня часами смотритъ на дорогу и ждетъ. Глаза-звѣзды, большіе и жадные, пронзаютъ даль. Зовутъ, обѣщаютъ...

И *онъ* ѣдетъ опять... Какъ можетъ онъ не пріѣхать, когда вся душа ея, каждый фибръ ея тѣла зоветъ его и ждетъ!

Нелидовъ пріѣхалъ въ шарабанѣ. Правитъ самъ. Чудный осенній вечеръ такъ и манитъ на прогулку. Закатъ ослѣпителенъ.

Маня изъ бесѣдки вихремъ мчится во дворъ. Собаки съ лаемъ кидаются къ шарабану. Но хозяйка на огородѣ. Хозяинъ въ фруктовомъ саду, съ арендаторомъ Лейбой.

Соня распахиваетъ окно и глядитъ сверху.

Какое счастіе!.. Одни... Маня молча киваетъ головой. Съ вспыхнувшими глазами и съ свѣтлой улыбкой Нелидовъ снимаетъ, привѣтствуя ее, свой англійскій шлемъ.

— Какая славная!—шепчетъ Маня и гладитъ шею лошади. Та тихонько фыркаетъ и пугливо косится на алую кофточку.

— Вы любите лошадей?—спрашиваетъ Нелидовъ. Его голосъ такъ трепетенъ. Тонъ такой странный, какъ будто онъ говоритъ: «Любишь ли ты меня?»

— Безумно!—отвѣчаетъ Маня.

И въ голосѣ ея горитъ признаніе.

Онъ понялъ. Они молчатъ, потупившись, растерянные. Глубокій смыслъ ничтожныхъ словъ открытъ для обоихъ. Онъ силится овладѣть собою. Земля словно плыветъ у него подъ ногами.

— Быть-можетъ... вы хотите прокатиться?—шепчетъ онъ пересохшими разомъ губами.

Она слышитъ слова... Но что въ нихъ?.. Его голосъ зоветъ ее въ Невѣдомое и Неизбѣжное. На таинственныя тропы ея судьбы.

— Да!..

Она поднимаетъ рѣсницы... О, какіе глаза!.. Сколько въ нихъ обѣщаній! И опять они стоятъ рядомъ недвижно, потрясенные. Оба блѣдные и безмолвные. Не понимая, что же, наконецъ, надо дѣлать дальше...

Выручаетъ Соня. Она подходитъ и здоровается съ гостемъ.

— Пойдемте чай пить!.. Петро возьметъ лошадь...

— Pardon... Mademoiselle Ельцова хочетъ прокатиться... Вѣра Филипповна ничего не будетъ имѣть противъ?

— О, конечно... Черезъ часъ вы вернетесь?.. Куда же ты, Маня? Надѣнь хоть кофточку... Возьми мой шарфъ!

Когда шарабанъ выѣзжаетъ за ворота усадьбы, подъ громкій лай дворовыхъ собакъ, Соня, стоя на крыльцѣ, глядитъ вслѣдъ. И безотчетная тревога, какъ мышь, скребетъ въ ея сердцѣ.

Лошадь бѣжитъ крупной рысью по знакомой дорогѣ. Степь обняла ихъ зелеными руками, важная и безмолвная. И сомкнула ихъ уста. Вѣтеръ дуетъ въ горячія лица и крутитъ пыль по дорогѣ. Они такъ пристально глядятъ каждый въ свою душу, что долго не замѣчаютъ своего молчанья...

Шарабанъ тѣсенъ. Они сидятъ плечомъ къ плечу, нога къ ногѣ. И это прикосновеніе жжетъ Нелидова. Сознаніе туманится... Колѣно его дрожитъ. И онъ боится, что она это почувствуетъ.

«Подожди... Подожди», говоритъ ему внутренній голосъ. «Еще минуту... Когда будемъ въ лѣсу...»

Лѣсъ плыветъ навстрѣчу. Дубовый, съ елью. Черный и прохладный, весь какой-то угрюмый... Лихой Гай.

Дорога постепенно спускается въ яръ.

Наконецъ!..

Повинуясь знакомой рукѣ, лошадь идетъ шагомъ. Съ одной стороны лѣсъ. Съ другой крутая глинистая стѣна...

Одни...

Со вздохомъ изнеможенія Нелидовъ оборачивается къ Манѣ. Онъ беретъ ея руки въ свои... Какъ больно!.. Крикъ замираетъ на ея губахъ. А у него перехватило горло... Да и что могъ бы онъ сказать ей? Онъ никогда не былъ такъ безволенъ, такъ ничтоженъ передъ своимъ желаніемъ... Но пусть! За этотъ мигъ онъ готовъ заплатить жизнью.

Съ ужасомъ счастья она смотритъ въ его жестокіе глаза. Крикъ, потрясающій крикъ радости и боли, вырывается у нея внезапно. Она падаетъ на его грудь. Этотъ порывъ рѣшаетъ все за обоихъ.

Онъ цѣлуетъ ее молча, жадно, хищно, какъ дикарь. Грубо и больно, какъ-то примитивно ласкаетъ ея плечи, грудь, ея колѣни, однимъ взмахомъ своего слѣпого и могучаго желанія разрушая все, что раздѣляло ихъ еще вчера, еще сейчасъ... Что за дѣло темной силѣ, руководящей его поведеніемъ, до того, что недѣлю назадъ онъ не зналъ о существованіи этой дѣвушки? Она создана для него. Онъ это понялъ съ первой минуты. Не для этой ли встрѣчи онъ жилъ, какъ аскетъ, почти два года? Не для этой ли первой любви онъ берегъ свою душу?

Маня ошеломлена, подавлена. Безсильно лежитъ она головой на его плечѣ, закрывъ глаза. Ея руки упали на колѣни безпомощныя, розовыми ладонями вверхъ.

Она не этого ждала. Не этого хотѣла. Она смята этими бурными, грубыми, незнакомыми ей ласками... Что-то безсильно кричитъ и протестуетъ въ ея душѣ... Развѣ это нужно? Сейчасъ? Такъ скоро...

Онъ беретъ ее, какъ добычу, въ охапку и идетъ въ лѣсъ. Она, какъ рабыня, повинуется его желанію.

Она покорна и безстрастна сама. Ей кажется, что онъ уничтожитъ ее хочетъ въ своихъ объятіяхъ... Что это даже не любовь, а какая-то слѣпая ненависть... Но пусть!.. Если онъ даже задушитъ ее, она не двинетъ пальцемъ, чтобъ помѣшать ему.

Стемнѣло...

Онъ приходитъ въ себя. Молча подаетъ ей руку и ведетъ на дорогу...

Она ждетъ... Она трепетно ждетъ его первыхъ словъ...

Но молчанье длится долго. Такъ безконечно долго... И сердце Мани почти не бьется... Какъ холодно!.. Боже, какъ холодно!.. Она дрожитъ.

Вдругъ онъ роняетъ вожжи и обнимаетъ ее за плечи.

«Наконецъ-то!» кричитъ ея душа. Она прячетъ лицо на его

груди. Горячія слезы ея бѣгутъ, какъ весенній дождь. Крупныя такія... У нея нѣтъ стыда и раскаянія. Въ глубокой нѣжности потонули протесты. Онъ ей дорогъ и близокъ, какъ будто она знала его десятки лѣтъ.

— Marie... Marie...—шепчетъ онъ и цѣлуетъ ея горячее лицо, ея мокрыя вѣки.—Простите меня!.. Я не знаю, какъ это случилось... Не презирайте меня... Мнѣ стыдно за себя...

— Нѣтъ... Нѣтъ!.. Молчите!—вырывается у нея горячій крикъ. И она кладетъ пальцы на его губы.

Онъ цѣлуетъ ихъ... Еще... Еще... Безсознательно кусаетъ. Его кровь еще бурлитъ. Онъ не насытилъ своего мучительнаго желанія... Ахъ, если-бъ презрѣть все! И еще одинъ часъ пробыть вдвоемъ... Но уже ночь плыветъ... Ихъ ждутъ...

Онъ беретъ ея голову въ обѣ руки и цѣлуетъ ея губы. Кусаетъ ихъ больно, такъ что кровь выступаетъ на нихъ. И Маня вскрикиваетъ съ мученьемъ.

— Ахъ, простите! Я теряю голову...

— Ничего... Это ничего!—кротко говоритъ она. И гладитъ его по рукѣ. А въ глазахъ ея дрожатъ слезы.

У воротъ усадьбы шарабанъ останавливается. Нелидовъ молча, какъ-то поспѣшно цѣлуетъ руку Мани.

Онъ угасъ совсѣмъ. Онъ холоденъ. Онъ даже не обѣщаетъ вернуться завтра.

Она долго слушаетъ стукъ колесъ по дорогѣ...

Конечно, это хорошо, что онъ уѣхалъ... Развѣ возможно послѣ такихъ минутъ ужинать, вести банальные разговоры?.. Если-бъ только одно ласковое слово!.. И не это чуждое *вы*... Если-бъ одинъ только робкій поцѣлуй... Нѣжный... какъ цѣловали ее Штейнбахъ и Янъ...

Бѣлая фигура Сони выплываетъ внезапно изъ тьмы.

— Маня... Ты?.. А мы-то ждемъ... Ты никакъ... О чемъ ты плачешь? Милая...

Обхвативъ шею подруги, Маня рыдаетъ на ея груди. Рыдаетъ такъ страстно, какъ богачъ, котораго ограбили въ сладкомъ снѣ. И который проснулся нищимъ.

— Маня,—ночью говоритъ Соня, подымаясь на постели.—Ты плачешь опять?.. Не притворяйся!.. Почему ты не хочешь открыть мнѣ свою душу?

Босикомъ она переходитъ комнату, откидываетъ простыню и ложится рядомъ.

Тѣло Мани до сихъ поръ горитъ, какъ въ лихорадкѣ. И болитъ. Но душа ея болитъ еще сильнѣе. Смятеніе гонитъ сонъ, хотя она такъ измучена. Такъ жаждетъ покоя...

Съ благодарностью она обвиваетъ рукой шею Сони, прижимается къ ея лицу и плачетъ громко. Съ наслажденіемъ плачетъ. И теперь ей легче...

— Маничка... Что было между вами?.. Скажи... Скажи...

— Все, Соня!.. Все...

Соня понимаетъ не сразу. Слишкомъ ясна ея собственная душа.

Вдругъ она инстинктивно отодвигается. Между ними стоитъ стѣна. Выше каменныхъ стѣнъ. И теперь уже трудно слиться душой...

— Маня... Какъ это случилось?.. Такъ скоро?

— Онъ меня не спрашивалъ... Онъ взялъ меня, какъ свою собственность...

— Это ужасно... Постой!.. Дай мнѣ опомниться... И ты не возмутилась?

— Я?.. Какъ я могла возмутиться?.. Значитъ такъ надо...

— Ахъ, Маня, Маня!.. Неужели я въ тебѣ обманулась? У тебя нѣтъ гордости!

— Должно быть, ея не бываетъ, когда любишь...

— Постой!.. Теперь я догадываюсь, о чемъ ты плакала... Помнишь, у Надсона? «Только утро любви хорошо»... У васъ его не было... Правда?

— Не было,—звучитъ въ отвѣтъ.

Этотъ голосъ такъ страненъ, такъ жалокъ... Точно раздвинулась высокая стѣна между ними. И Соня видитъ одинокую, непонятую душу женщины.

— Какъ жаль!.. Что можетъ быть лучше поэзіи перваго сближенія? Тутъ что-то обидное... Прости, Маничка... Но вѣдь все-таки, по-своему, онъ тебя любитъ?

— Нѣтъ... Соня... Нѣтъ!..

Рѣжущій душу, покорный и жалкій голосъ бросаетъ Соню въ холодъ.

— Какъ нѣтъ?.. Богъ съ тобой!.. Что ты говоришь?.. Развѣ... развѣ *это* дѣлается безъ любви?

— Онъ меня не любитъ Соня... Я это знаю. Я это чувствую... Я не умѣю... Не могу тебѣ всего объяснить... Но я знаю...

Долгая пауза. Маня глубоко и рѣдко всхлипываетъ, какъ много плакавшее, обиженное дитя.

— Какъ странно!—говоритъ Соня шопотомъ.—Я думала, что ты счастлива!

Маня быстро садится на постели.

— О, да... да... Нѣтъ женщины счастливѣе меня, Соня!.. Не жалѣй... И не удивляйся!.. Объяснить это невозможно... Видишь ли? Я ничего... ничего не понимала до встрѣчи съ нимъ... Я не жила... Жило и наслаждалось мое тѣло, мои нервы, моя кровь... Но душа молчала... Какъ молчитъ цвѣтокъ... А нынче... Когда онъ обернулся ко мнѣ и взялъ мои руки... Ахъ!.. Мнѣ показалось, что я умираю... Соня, Соня... Отчего у меня нѣтъ словъ? Нѣтъ красокъ? Были минуты, когда мнѣ казалось, что я сильнѣе его... что это мое маленькое дитя. Моя душа звучала, Соня... Ахъ! Все это не такъ вышло, какъ я мечтала... У меня были такія свѣтлыя мечты!.. Но... если ему нужно мое тѣло, пусть беретъ!.. Мнѣ ничего не надо самой... Я думала только о немъ... За его наслажденіе я готова даже умереть...

— Ничего не понимаю!—съ безнадежнымъ жестомъ срывается у Сони.—О чемъ же ты плачешь опять?

— Оттого, что я люблю одна... Люблю его душу... Люблю его радость... А онъ любитъ только мое тѣло...

— Почему-жъ ты это знаешь?—допытывается съ темной тревогой Соня.

Маня смолкаетъ, спрятавъ лицо въ подушку.

— А Штейнбахъ?—слышится черезъ минуту робкій шопотъ.

Плечи Мани вздрагиваютъ. Но она молчитъ.

— Ради Христа, отвѣть, Маничка!..

— Соня!.. Мнѣ тяжело вспоминать... Я хотѣла бы вычеркнуть его изъ моей жизни...

— Это ужасно!

Послѣ долгой паузы Соня настойчиво спрашиваетъ:

— А Штейнбахъ любилъ тебя?

— Да... О, да...—словно вспомнивъ что-то, шепчетъ Маня тихо и нѣжно.—Онъ меня любилъ...

Черезъ часъ онѣ еще не спятъ. Обѣ взволнованныя, обѣ разбитыя.

Вдругъ Соня, какъ бы продолжая разговоръ, спрашиваетъ, глядя передъ собой съ сдвинутыми бровями.

— Маня... Скажи мнѣ... Какъ же ты узнала, что онъ тебя не любитъ?

И въ отвѣтъ слышитъ загадочныя слова:

— Я это поняла *потомъ*...

Утромъ Соня пытливо, съ новымъ чувствомъ отчужденія и зависти, вглядывается въ черты подруги.

— Когда *онъ* пріѣдетъ, Маня?

— Не знаю... Я не спрашивала. Онъ не говорилъ...

Съ утра идетъ дождь. Дѣвушки сидятъ наверху, въ свѣтелкѣ. Маня блѣдна, но кажется спокойной. Соня полна необъяснимой тревоги.

— Маня... Онъ обѣщалъ на тебѣ жениться?

Маня оборачивается и глядитъ большими глазами. Соня внезапно выходитъ изъ себя.

— Ну, что ты смотришь? Что я такое сказала диковинное? Конечно, всякій порядочный человѣкъ въ такихъ случаяхъ женится...

— Я никогда не выйду замужъ,—отвѣчаетъ Маня.

— Ну, это дѣло твоихъ взглядовъ, конечно... Но онъ-то долженъ сдѣлать предложеніе... Онъ-то не отрицаетъ обряды... Напротивъ... Это религіозная натура...

— Ахъ, замолчи, Соня!.. Ради Бога!.. Не все ли равно? Я хочу только видѣть его всегда... Мнѣ хотѣлось бы быть его рабой... вещью, которой онъ касается руками... Я прислугѣ его завидую... его лошади... подушкѣ его, на которой онъ спитъ... Соня... Какія у него пушистыя, нѣжныя щеки!.. Такъ и хочется гладить ихъ... Онъ такой молодой еще, Соня... И я молода... Мы съ нимъ пара. Онъ зоветъ меня «Мари»...—задумчиво шепчетъ она. И нѣжно улыбается своимъ видѣніямъ.

Соня сбита съ толку.

— Однако... что же изъ этого всего выйдетъ?.. Если бы хотя онъ любилъ тебя, какъ Штейнбахъ...

Маня дѣлаетъ великолѣпный жестъ презрѣнія.

— Если бы Штейнбахъ положилъ къ моимъ ногамъ царство и пламенную любовь свою, а Нелидовъ обѣщалъ бы мнѣ только нужду и униженія...

— Ты пошла бы за Нелидовымъ?—вскрикиваетъ Соня.

— О, да... О, конечно!

Соня стоитъ растерянная.

Какая тайна жизнь! Какая тайна душа Мани!

Темный колодезь. Она не видитъ дна.

VI.

— Николенька, другъ мой... Боленъ ты, что-ли?

Анна Львовна сидитъ въ креслѣ. На пышныхъ сѣдыхъ букляхъ чепецъ. На ногахъ плэдъ. Она зорко слѣдитъ непотухшими еще глазами за своимъ «Веніаминомъ»... Какъ онъ осунулся за одну ночь!

Нелидовъ ходитъ по маленькому залу. Его легкая походка измѣнила ему. Шагъ неровенъ и тяжелъ. На бѣломъ лбу съ полоской загара, между темныхъ бровей, глубокая морщина. Вчера ея не было.

— Голова болитъ, мамà!.. Не волнуйтесь... Я провелъ безсонную ночь...

Запавшими, лихорадочно-блестящими глазами онъ глядитъ въ окно и молча кусаетъ губы.

Какіе демоны овладѣли вчера его душой? Если бы онъ жилъ въ средніе вѣка, онъ готовъ былъ бы обвинить Маню въ колдовствѣ. Ему уже 28 лѣтъ, но не было въ жизни его ни ошибокъ, ни увлеченій. Онъ гордился своей выдержкой, надъ которой работалъ съ дѣтства. Ни одна женщина не владѣла имъ... Лора была его послѣдней связью. Самой серьезной и значительной. Эта женщина, романтичная и истеричная (ненавистный ему типъ), два года почти преслѣдовала его своей любовью. И когда они сошлись, наконецъ, онъ, какъ всегда, сталъ господиномъ положенія...

И разрывъ дался ему легко. Зналъ ли онъ муки ревности? Нѣтъ. Слезы нераздѣленной страсти? Нѣтъ... И никогда то, что принято называть любовью, не мѣшало его карьерѣ, его поѣздкамъ въ Россію, его общенію съ матерью. Онъ считалъ себя застрахованнымъ отъ безумія. Въ глубинѣ души онъ всегда презиралъ женщинъ. Одна только мать его стояла недосягаемо высоко... Но, вѣдь, то была его мать...

Онъ вспоминалъ... Конечно, и раньше бывали минуты, когда страсть владѣла имъ и дѣлала его звѣремъ. Утонченный и деликатный въ общежитіи, онъ любилъ, какъ дикарь... Это всѣ женщины говорили ему съ восторгомъ. Лора называла его «русскимъ медвѣдемъ». Отецъ передалъ ему свой темпераментъ. Выдержку и привычку къ анализу онъ унаслѣдовалъ отъ матери. И эта выдержка дала ему возможность безупречно прожить самые бурные годы юности.

Душу и тѣло онъ берегъ для будущей жены. Онъ все чаще

за эти два года мечталъ о *ней*. Она должна быть безупречна, какъ его мать. Ихъ бракъ будетъ свѣтелъ и счастливъ. Полюбивъ ее, онъ пройдетъ безстрастно мимо всѣхъ красавицъ, даже такихъ, какъ Лора. Ее онъ и сейчасъ иногда видитъ во снѣ... И долго потомъ бываетъ раздражительнымъ и угрюмымъ. И хищно глядитъ на красивую босоногую Наталку, которая, засучивъ подолъ и мурлыча пѣсню, съ невиннымъ личикомъ моетъ полы.

Фи! Этого не доставало! Заводить романы въ усадьбѣ, подъ кровлей матери! Съ ея крестницей?

И онъ избѣгаетъ встрѣчаться съ миловидной дивчиной. Она такъ краснѣетъ и пугается, когда онъ съ нею заговариваетъ.

Какъ же объяснить себѣ и другимъ вчерашнее навожденіе?

Или онъ не зналъ себя?

Но какъ жить теперь, не уважая себя? Дѣлаясь безвольной игрушкой своихъ порывовъ? Рабомъ первой попавшейся дѣвчонки... Развѣ это не позоръ? Развѣ съ этимъ можно мириться?

Минутами ему кажется, что онъ ненавидитъ Маню... Минутами ему хочется обвинить ее во всемъ, чтобы можно было, наконецъ, передохнуть съ облегченіемъ. Развѣ чистыя дѣвушки отдаются глазами, поцѣлуями, какъ это дѣлала она? Конечно, это развращенность безсознательная. Это избытокъ темперамента. Пусть это даже ея первая любовь! Но почему она такъ стихійно дѣйствуетъ на него? Поднимаетъ въ немъ такую бурю желаній? Развѣ дѣвушки имѣютъ темпераментъ? Онъ дремлетъ въ нихъ. А чаще его нѣтъ. И это хорошо. Только съ такими женами можно жить спокойно. Не даромъ греки говорили: «Слава тебѣ, юноша пылкій! И женщина холодная!..» Въ дѣвичьей пассивности такъ много прелести. Дѣвушка должна быть стыдлива, робка... Если бы вчера Маня не обняла его шею руками и не отвѣтила на его ищущій поцѣлуй; если бы она испугалась его ласкъ,—развѣ могъ бы онъ потерять самообладаніе?.. Да... да!.. Она одна во всемъ виновата!

Но отъ этой мысли не легче. Онъ долженъ жениться...

«Люблю ли я ее?» съ ужасомъ спрашиваетъ онъ себя въ это утро. И тщетно ищетъ въ душѣ нѣжности.

Нѣтъ! Одно стихійное, упорное желаніе. Возможно ли насытить такую жажду? Неужели онъ сдѣлается рабомъ своей страсти? И измѣнитъ самому себѣ?

И еще съ большимъ ужасомъ онъ убѣждается, что ничего,—рѣшительно-таки ничего не знаетъ объ этой дѣвушкѣ: ни

характера ея, ни семейнаго положенія... Даже имени ея толкомъ не знаетъ. И это онъ, мечтавшій жениться по строгому выбору, полюбивъ глубокой и вѣрной любовью дѣвушку изъ здоровой, нормальной семьи! Дѣвушку своего круга... Ему до слезъ больно за свои грезы. Невѣста, съ душой бѣлой и незапятнанной, какъ ея вѣнчальный нарядъ. Робкіе поцѣлуи, цѣломудренная близость. Полная исповѣдь передъ нею. Ея милое прощеніе... И наконецъ, наконецъ,—это первое сближеніе! Дивный моментъ высшаго напряженія, которое сольетъ ихъ тѣла и души въ прекрасный аккордъ...

И, вспоминая кошмаръ минувшаго вечера, ему хочется рыдать. Кричать отъ боли и бѣшенства...

— Мамà... Вы можете меня выслушать?—на слѣдующій вечеръ говоритъ Нелидовъ матери, когда послѣ ужина они остаются одни.

— Охотно, другъ мой... Я давно жду твоихъ словъ...

Онъ садится на мягкій пуфъ у ея ногъ, нѣжно цѣлуетъ ея ладони. Потомъ, облокотясь на колѣни, опускаетъ голову себѣ на руки, такъ что лица его не видно.

— Я долженъ жениться, мамà,—послѣ паузы, полной значенія, говоритъ онъ медленно и глухо. Глаза старухи блестятъ. Но, закусивъ губы, она молча ждетъ.

— Простите, что это случилось такъ неожиданно... Я всегда думалъ раньше, что приду къ вамъ за совѣтомъ и благословеніемъ. Судьба рѣшила иначе...

— Кто же она?—звучитъ тихій вопросъ послѣ новой паузы.—Соня Горленко?

— Нѣтъ, мамà!.. Это ея подруга... Мари Ельцова...

— А!..

Онъ открываетъ лицо. Съ мученіемъ взглядываетъ въ глаза матери.

— Ты ее очень любишь, Николенька?

— Ахъ, мамà!.. Не знаю, любовь ли это?.. Знаю одно, что она прекрасна, какъ сама жизнь!.. И что я былъ весь въ ея власти... Не спрашивайте меня ни о чемъ, милая мамà!.. Я долженъ жениться... И немедленно, чтобъ не потерять право на ваше и на свое уваженіе...

Она слушаетъ, сдвинувъ брови, стараясь понять.

Вдругъ она наклоняется, беретъ въ руки голову сына и цѣлуетъ его въ лобъ.

— Это судьба, Николенька. Противъ судьбы не пойдешь... Дай тебѣ Богъ счастья! А я, ты знаешь, рада. У меня душа болѣла за тебя эти два года... Нельзя такъ жить молодому и сильному, какъ монаху... Это искушать судьбу. Твой дядя Андрей вотъ также въ имѣніе запрятался и сошелся съ бабой... И знаешь, чѣмъ это кончилось?

— Знаю, мамà...

— Конечно, умирающему не отказываютъ въ его послѣдней волѣ. И мы всѣ признали его бракъ и усыновленныхъ имъ дѣтей. Но... я не хотѣла бы для тебя такого униженія...

— О, мамà!.. Неужели вы боялись?..

Онъ вспоминаетъ Наталку, и лицо его вспыхиваетъ.

— Нѣтъ... Не сейчасъ, пока ты молодъ, а я жива еще... Но я скоро могу умереть. И ты останешься здѣсь одинъ...

— Мамà!.. Милая... Не говорите такъ!

— Вотъ почему, Николенька, я такъ страстно мечтаю о твоей женитьбѣ... Кто бы ни была она, твоя невѣста,—все равно!.. Лишь бы она не была мѣщанкой... Моя душа для нея открыта... Я уже люблю твою Мари... Привези ее ко мнѣ поскорѣе! Я сама должна ее видѣть.

— Нѣтъ, мамà.. Не торопите!.. Все это слишкомъ неожиданно... Дайте мнѣ освоиться съ этой мыслью!

Онъ уходитъ въ старый, запущенный паркъ. И съ пылающей головой мечется по аллеямъ. Желтые листья липъ тихо и ласково падаютъ на его горячія щеки...

«Лишь бы она не была мѣщанкой»... Ахъ! Да развѣ онъ-то знаетъ, кто она?.. Эта сила съ темными глазами и яркими губами, которая стала на его дорогѣ. И съ серебрянымъ смѣхомъ закрыла ему всѣ пути...

VII.

Тревога смутная и неуловимая охватила весь домъ. Она идетъ изъ прячущихся подъ рѣсницами глазъ дѣвушекъ; изъ ихъ блѣдныхъ улыбокъ; изъ ихъ безразличія ко всему кругомъ... И Вѣра Филипповна насторожилась. Она раздражается и нервничаетъ.

— Ахъ, эта Маня!.. Она вноситъ какой-то сумбуръ въ нашу семью!—говоритъ она брату наединѣ.—Она, кажется, опять влюбилась... Что за невозможная дѣвчонка!

Дядюшка раньше всѣхъ догадался о новомъ романѣ. И теперь тонко ухмыляется. Если бы не Лика, которой полна его

душа, онъ бы воспылалъ враждой къ Нелидову, какъ раньше къ Штейнбаху. Но теперь онъ находитъ въ себѣ хладнокровіе, чтобы наблюдать и дѣлать выводы.

— Очаровательная дѣвчонка! И неудивительно, что даже этотъ сухарь Нелидовъ теряетъ голову.

Вѣра Филипповна багровѣетъ.—Такъ ты думаешь?

— Чего тутъ думать?.. Посмотри на нихъ рядомъ... Слѣпому ясно.

Вѣра Филипповна ходитъ по комнатѣ. Потомъ останавливается передъ кресломъ.

— Федя!.. Что же изъ всего этого выйдетъ?.. Неужели ты воображаешь, что онъ на ней женится?..

— Э, нѣтъ!.. Этого я не думаю... Пофлиртуетъ до осени, да и на сторону... Она уѣдетъ въ Москву. Онъ останется здѣсь...

Она глядитъ яркими глазами, сцѣпивъ пальцы. Щеки пылаютъ. Совсѣмъ молодая дѣвушка.

— А потомъ?..

Дядюшка пристально глядитъ въ наивное лицо. Потомъ смѣется, беретъ ея руку и гладитъ.

— Нѣтъ, сестричка! Эти мечты брось!.. Соня уѣдетъ на курсы. Сонѣ такіе, какъ онъ, не нужны... Ужъ я-то это знаю...

— Ахъ, эти дѣвчонки!.. Ты не повѣришь, Федя, до чего я...

— «Увлекаюсь имъ!..»—подсказываетъ дядюшка.

— Ахъ, какой вздоръ у тебя на умѣ! Можно ли съ тобой говорить серьезно?.. Но, видишь ли?.. Я не представляю себѣ лучшей партіи... Нелидовъ—это человѣкъ долга... Онъ идеальный сынъ. И будетъ прекраснымъ мужемъ.

— Д-да!.. Въ гробъ жену загонитъ... Коровъ заставитъ доить... И мамашѣ пятки чесать на ночь...

— Фи!.. Какія ты гадости говоришь! Ты опустился, Федя!

Входитъ Горленко, запыленный и потный.

— Скоро обѣдъ?

— Сейчасъ, Вася... Сейчасъ...

— О чемъ совѣтъ?.. Фу!.. Жарко какъ опять!.. Совсѣмъ лѣто...

— Мы говоримъ о томъ, что быть женой Нелидова—это счастіе...

— А нешто онъ жениться собрался?

Дядюшка смѣется.—Онъ у обѣдни каждое воскресенье бываетъ, Вѣрочка...

— Ну, что тутъ дурного?.. Это ты такой безпутный...

— Эге!.. Ужъ не ты ли, жинка, за него собралась?

Мужчины смѣются. Вѣра Филипповна сердится.

— Его религіозность—лучшая гарантія семейнаго счастія,—со вздохомъ говоритъ она, скользя взглядомъ по красному лицу супруга и невольно вспоминая кое-что, еще незабытое, еще не прощенное...

— Охъ, крутеньки эти вѣрующіе!—посмѣивается дядюшка.—И сплачется съ Нелидовымъ его жинка.

— А старуху забыли?—подхватываетъ Горленко, туша папиросу и подымаясь, чтобъ идти на террасу.—Тоже кладъ немалый. Да нѣтъ... Что тамъ?.. Если вы это о Манькѣ... Нѣтъ у него серьезныхъ видовъ... Знаю...

— По себѣ судите?—сверкнувъ глазами, внезапно спрашиваетъ жена. И Горленко конфузится.

Проходитъ томительныхъ два дня. Нелидова тянетъ въ Лысогоры.

Любовь ли это? Навожденіе? Не все ли равно? Ему надо видѣть эти глаза, эти губы... Надо слышать этотъ смѣхъ... Быть-можетъ, это и есть любовь?.. И жениться надо на такой, которая зажигаетъ всю его кровь однимъ прикосновеніемъ? Во всякомъ случаѣ, отступать поздно. Да и выбора нѣтъ...

И отъ этого сознанія ему становится легче.

«Нынче увижу ее... Коснусь ея руки... И ничего больше... Ничего, разъ я рѣшилъ жениться!.. Изъ уваженія къ моей будущей женѣ... Ахъ, скорѣй бы дожить до вечера!..»

И онъ весь день, какъ въ лихорадкѣ, работаетъ въ полѣ. Изнуряетъ себя, чтобъ убить желанія... А въ головѣ настойчиво звенитъ: «Она создана для любви и материнства. Она сильна и здорова. Такая не захирѣетъ... Такая мнѣ нужна!..»

— Маня... Маня... Гдѣ ты?.. Онъ ѣдетъ... Ѣдетъ!..—кричитъ Соня, вбѣгая въ бесѣдку.

Маня знаетъ. Она сидитъ неподвижно на скамьѣ и слушаетъ топотъ лошади по дорогѣ...

Сейчасъ рѣшится ея судьба. Отъ перваго взгляда, отъ перваго слова.

Жизнь или смерть? Она узнаетъ сейчасъ...

Нелидовъ сіяетъ. Передъ радостью встрѣчи померкли разсчеты, сомнѣнія. Съ каждымъ шагомъ лошади онъ приближается

къ счастью. Ахъ, зачѣмъ бороться? Зачѣмъ обманываться? Вся его жизнь сейчасъ въ этой дѣвочкѣ съ ея огромными глазами.

Вонъ она на крыльцѣ. Одна. Прислонилась къ столбику и глядитъ пламенными очами. Охъ, какъ стучитъ сердце!.. Губы его бѣлѣютъ.

Онъ легко прыгаетъ съ лошади, вбѣгаетъ на крыльцо. Ярко, глубоко взглядываетъ въ ея глаза. И подноситъ ея руку къ губамъ...

На этотъ разъ полонъ значенія его долгій, новый поцѣлуй!

Маня пошатнулась. Рядомъ скамья. Она садится, обезсилѣвъ мгновенно... Она видитъ, не глядя, что онъ ищетъ словъ, что онъ весь дрожитъ... «Любитъ... Любитъ...» Ей кажется, что звонятъ колокола и мѣдными голосами кричатъ на весь міръ: «Онъ тебя любитъ...»

Вѣра Филипповна уже на крыльцѣ.

— Куда вы запропали опять?—экспансивно спрашиваетъ она, протягивая гостю обѣ руки. И это было бы смѣшно и странно, если бы было кому наблюдать. Развѣ три дня это много? Но, вѣдь, сколько пережито за эти дни!

На этотъ разъ Нелидовъ такъ простъ и довѣрчивъ, что даже Соня находитъ его обаятельнымъ. Она искоса пристально слѣдитъ за нимъ. И враждебность ея таетъ. Онъ любитъ Маню... Это ясно даже ей. Какъ онъ глядитъ! Сколько почтительнаго, трогательнаго вниманія къ ней вноситъ онъ во всѣ мелочи чаепитія! Но ей странно, что онъ не жаждетъ остаться наединѣ съ Маней. Онъ какъ будто не понимаетъ намековъ Сони. Она зоветъ пройтись къ пруду, въ паркъ. Такъ легко убѣжать подъ какимъ-нибудь предлогомъ, оставить ихъ вдвоемъ, дать имъ объясниться. Ахъ, этотъ дядюшка!.. Онъ нарочно все впутывается. Зачѣмъ онъ мѣшаетъ? Какая у него цѣль? И Маня такая чудачка! Точно сама боится остаться наединѣ...

Такъ идетъ время до ужина. Дядюшка блестяще овладѣваетъ бесѣдой. Всѣхъ смѣшитъ, не умолкаетъ... «Обструкція въ парламентѣ»,—шепчетъ онъ, подмигивая удивленной Сонѣ.

Всѣ сидятъ на террасѣ. Дѣвушки внизу, на ступенькахъ. Нелидовъ ступенькой ниже, въ полуоборотъ къ Манѣ... Его реплики коротки. Но смѣхъ задушевенъ. Въ немъ чувствуется умиротвореніе, прежняя цѣльность.

И Сонѣ ясно, что въ душѣ Мани «звучитъ тишина», о какой она говорила.

Соня нарочно сѣла такъ, чтобы видѣть лицо Нелидова. Онъ

рѣдко взглядываетъ на Маню, но какъ блестятъ его глаза! Какъ выразительны эти нервныя движенія его пальцевъ! Бѣдный хлыстикъ! Онъ его сломаетъ...

Маня чувствуетъ, что между его и ея душой протянулись наконецъ нѣжныя, звенящія нити... Такъ было съ Яномъ.

О, этотъ вечеръ!.. Невозвратныя, неповторяющіяся мгновенія!

За ужиномъ дѣвушки на этотъ разъ наливки не пьютъ.

Всѣ переходятъ въ гостиную. Ночи стали свѣжи. Сильная роса. Вѣра Филипповна кашляетъ.

Дѣвушки сѣли въ уголку, рядомъ, въ тѣни. Нелидовъ по привычкѣ ходитъ легкимъ, замедленнымъ шагомъ по комнатѣ. «Задумчивый, далекій и небрежный», думаетъ Соня. «И какъ это они... мама, отецъ, дядюшка—не чувствуютъ этой небрежности? Они даже обидятся, если имъ это сказать...»

Послѣ короткаго молчанія дядюшка, попыхивая папироской, съ тонкой усмѣшкой и огонькомъ въ глазахъ (какъ всегда послѣ спотыкача), вдругъ хватаетъ быка за рога.

— Отчего не женитесь, Николай Юрьевичъ?

Маня цѣпляется за руку Сони.

Нелидовъ внезапно останавливается посреди гостиной.

— Вы... меня спрашиваете?

Въ его тонѣ звучитъ плохо скрытая надменность.

— Ну, да... Само собой разумѣется... Васъ!—съ вызовомъ подхватываетъ дядюшка.—Во всей гостиной, если не ошибаюсь, вы здѣсь одинъ Николай Юрьевичъ...

Вѣра Филипповна дѣлаетъ большіе глаза. «Ахъ этотъ Федя! Всегда выпьетъ лишнее... Эта Лика и К° положительно опошлили его...»

— Что васъ такъ удивляетъ мой вопросъ? Ха!.. Ха!.. Надѣюсь, вы не изъ рода «бѣдныхъ Азровъ», для которыхъ любовь равнялась смерти?.. Или, можетъ, вы дали обѣтъ монашества?

Нелидовъ медленно поворачивается на каблукахъ и начинаетъ вновь ходить по комнатѣ, какъ будто рѣчь идетъ не о немъ. Только шагъ его замѣтно ускоряется.

Всѣ замираютъ на мгновеніе. Дядюшка чувствуетъ, что кровь кидается ему въ голову.

— За васъ любая пойдетъ... Ей-Богу! Любая богачка изъ всего уѣзда,—говоритъ онъ съ дѣланной развязностью.

На выручку спѣшитъ Горленко.

— А гдѣ эти богачки?.. Не слыхать!.. Лизогубы? Лисенко? Галаганы? Хе!.. У насъ тутъ дворяне все принцы-нищіе...

— Я денегъ не ищу,—вдругъ тихо, но вѣско говоритъ Нелидовъ.

— Да какъ же безъ денегъ-то семью заводить?—подхватываетъ Горленко.—Жинка въ наши дни—ой-ой роскошь какая!..

Нелидовъ останавливается противъ дядюшки, который уже плаваетъ въ сизыхъ тучахъ дыма.

— Вы подняли, Федоръ Филиппычъ, очень важный вопросъ, о которомъ я много и упорно думалъ. Я женюсь. Непремѣнно женюсь. И даже очень скоро...

Въ гостиной движеніе. Проносится такой звукъ, точно всѣ потихоньку сказали: «Уфъ!..»

— Значитъ есть уже невѣста?—вскрикиваетъ Вѣра Филипповна, внезапно выдавая себя.

Манѣ чудится, что лампа гаснетъ. Въ ушахъ начинаетъ слабо звенѣть. Она судорожно цѣпляется за рукавъ Сони, чтобы не упасть со стула.

— Да, Вѣра Филипповна, мой выборъ сдѣланъ. Но... это голосъ страсти. А я хочу жениться съ открытыми глазами. Я хочу, чтобы мой разсудокъ сказалъ: *да*! Это шагъ на всю жизнь. Вотъ почему я не дѣйствую подъ внушеніемъ страсти. Вотъ почему я медлю...

Дядюшка кидаетъ быстрый взглядъ на Маню. Боже!.. Какое жалкое личико!.. «Да онъ на медленныхъ угляхъ поджариваетъ насъ, этотъ молодчикъ!..» У дядюшки закипаетъ ретивое.

— Ахъ, къ чему столько паѳоса!.. Что такое бракъ? Уступка общественному мнѣнію... Простая формальность...

— Для васъ?—холодно перебиваетъ Нелидовъ.

— Для большинства, я полагаю. Кто теперь вѣритъ въ обряды?

— Простите... Для меня они имѣютъ значеніе...

— Ну, да... Пока любите и живете. Не станете же вы губить свою и чужую жизнь и держаться обряда, разъ чувства уже нѣтъ? Когда люди опостылѣли другъ другу, они должны расходиться...

— Вы думаете?

— Гос-с-поди Боже мой! А вы-то что думаете?

— Бракъ долженъ быть нерасторжимымъ.

— Ого!—срывается у Горленко.

— Я лично никогда не далъ бы свободу моей женѣ.

— Бѣдная жена!—вздыхаетъ дядюшка.

Соня смѣется. Мать дѣлаетъ ей страшные глаза.

— Къ сожалѣнію, браки у насъ заключаются съ преступнымъ легкомысліемъ. Толстой правъ. Женятся, какъ въ Крейцеровой Сонатѣ, чтобъ утолить желаніе. А оно гаснетъ такъ быстро... И двое людей, связанные на всю жизнь, становятся чужими...

— Даже церковь признаетъ разводъ,—вмѣшивается Вѣра Филипповна.—Vous êtes plus catholique que le pape, Николай Юрьевичъ!

— Это большая ошибка, Вѣра Филипповна... Бракъ, повторяю, долженъ быть нерасторжимымъ. Иначе это nonsens...

— А если вы разлюбите?—вскрикиваетъ Соня.—Если ваша жена полюбитъ другого?

— Это будетъ несчастіе, Софья Васильевна... Но у всякаго свой крестъ, который надо нести до конца. Мы должны жениться не для наслажденія, а чтобы создать семью. Если всѣ будутъ разсуждать по вашему,—семья исчезнетъ...

— Да это пасторъ!—шепчетъ дядюшка, толкая Соню локтемъ. Неудержимый смѣхъ нападаетъ на обоихъ. Они красны отъ усилія его сдержать.

Но Маня не смѣется. Ей жутко. Она ничего не видитъ въ душѣ Нелидова. Какъ будто это житель Марса.

Нелидовъ дѣлаетъ опять нѣсколько шаговъ по комнатѣ и останавливается передъ дядюшкой.

— Вы, Федоръ Филиппычъ, упомянули сейчасъ о богатствѣ. А я смотрю такъ: только въ той семьѣ, куда жена вошла, что называется, въ одномъ платьѣ, мужъ можетъ считать себя главой. Жена должна быть ему всѣмъ обязана,—продолжаетъ онъ, опять шагая по гостиной.—Я самъ человѣкъ небогатый... Но, повторяю, денегъ я не ищу. Мнѣ нужна красивая, веселая, кроткая и здоровая дѣвушка. Главное, здоровая...

— Съ сельско-хозяйственныхъ курсовъ?—спрашиваетъ Соня.

Всѣ оглядываются на нее. Дядюшка хохочетъ.

Но Нелидовъ серьезенъ. Онъ перестаетъ ходить по комнатѣ и глядитъ на Соню. Пальцы его нервно играютъ цѣпочкой часовъ.

— Почему съ курсовъ?—сквозь зубы спрашиваетъ онъ.

— Такъ... Вы нарисовали очень подходящій образъ... Вы слышали, конечно, что эти курсы вновь открываются въ Москвѣ?

— Н-нѣтъ... Извините. Я этимъ не интересовался. Какъ и, вообще, никакими курсами...

— Обскурантъ!.. Что и говорить!—смѣется дядюшка. И обвиваетъ себя новымъ клубомъ дыма.—А, вѣдь, Соня попала

въ самую точку, Николай Юрьевичъ. Вашей женѣ придется хозяйничать...

— Обязательно...

— Коровъ доить?—кротко подхватываетъ Соня. Она стискиваетъ захолодѣвшіе пальчики Мани, какъ будто говоритъ: «Не дадимъ тебя въ обиду...»

— Н-не совсѣмъ... Но, во всякомъ случаѣ... бѣлоручкой ей жить не придется... Моя матушка и я... мы оба работаемъ, какъ батраки. А физическій трудъ—первое условіе здоровья.

— Вотъ я и говорю, женитесь на курсисткѣ. Учить ее не придется...

— Прежде всего, Софья Васильевна, для меня курсистка не женщина...

— Вотъ какъ!.. Ха!.. Ха!..

— Не женщина,—холодно повторяетъ Нелидовъ, не повышая голоса.—Дѣвушка, ушедшая на заработокъ въ контору, на желѣзную дорогу или телеграфъ (онъ дѣлаетъ пренебрежительный жестъ маленькой породистой рукой), все равно... Дѣвушка, привыкшая бокъ-о-бокъ со студентами вращаться въ аудиторіи, на сходкахъ, въ анатомическомъ и т. д.—уже утратила въ моихъ глазахъ все обаяніе женственности...

— «Об-ску-ра-антъ...»—напѣваетъ дядюшка, утопая въ сизомъ туманѣ.

— Я не понимаю людей, которые увлекаются акушерками, массажистками, дантистками... Ремесло накладываетъ свою печать... Поцѣловать руку, которая дергаетъ зубы...

— У живыхъ и мертвыхъ...

— Какъ у мертвыхъ?—Лицо Вѣры Филипповны полно ужаса.

— Онѣ учатся на мертвецахъ, Вѣрочка. Посадятъ передъ ними въ кресло мертвеца. Онѣ и дергаютъ...

— О!!!—Вѣра Филипповна блѣднѣетъ. Соня хохочетъ.

Послѣ маленькой паузы Нелидовъ продолжаетъ, какъ бы думая вслухъ:

— Вступать въ бракъ имѣютъ право только физически здоровые люди. Чтобы не грозили ни имъ, ни дѣтямъ призраки чахотки, эпилепсіи, помѣшательства, самоубійства... Ни одно, словомъ, изъ проклятій наслѣдственности.

— Ахъ, вотъ въ этомъ вы правы! Теперь я васъ поняла.

Лицо Вѣры Филипповны сіяетъ. Развѣ сама она не была всегда здоровой? Не передала она развѣ Сонѣ счастливаго организма?

— А какъ это узнать?—вдругъ спрашиваетъ Горленко.

Всѣ на него смотрятъ. Онъ конфузится и смолкаетъ. Большіе пальцы его грубыхъ рукъ неувѣренно играютъ на желудкѣ.

Нелидовъ садится на стоящій по дорогѣ стулъ. Онъ ставитъ локти на колѣни и беретъ въ руки голову.

Всѣ глядятъ молча. Чего-то ждутъ.

— Вырожденіе...—говоритъ онъ сразу измѣнившимся голосомъ.—Какой это ужасъ! И какъ мало объ этомъ думаютъ!.. И кто изъ насъ не повиненъ въ этомъ преступленіи?.. Вы, Вѣра Филипповна, сейчасъ какъ женщина, какъ мать, съ полуслова поняли мою мысль. Какое страданіе родить дѣтей, заранѣе обреченныхъ на гибель!.. Ежечасно ждать, когда Дамокловъ мечъ сорвется надъ ихъ головой... Мой братъ... полюбилъ дѣвушку съ наслѣдственной чахоткой... Онъ зналъ объ этомъ. Но страсть была сильнѣе осторожности. И вотъ теперь онъ схоронилъ третьяго ребенка... А жена его умираетъ медленной смертью на его глазахъ...

— Несчастный человѣкъ!—искренно восклицаетъ Вѣра Филипповна.

— Когда я жилъ въ Лондонѣ, я сдружился съ лордомъ Файфомъ... Это былъ превосходный человѣкъ... Онъ женился по страстной любви на дочери алкоголика... Тоже лорда и баронета... И жена его, красивая и нѣжная, въ двадцать пять лѣтъ была уже неизлѣчимой пьяницей. А ихъ единственный ребенокъ—идіотъ...

— О, Боже мой!..

— Вся жизнь моего друга была направлена къ тому, чтобы скрыть позорную семейную тайну... Этотъ «скелетъ въ домѣ», какъ говорятъ англичане. И все-таки онъ безумно любилъ эту женщину. Когда она начинала страдать запоемъ, онъ запирался въ имѣніи... Ради нея онъ отказался отъ политической дѣятельности. Онъ былъ очень талантливый, даже выдающійся человѣкъ!

— Я бы повѣсился на его мѣстѣ,—бурчитъ Горленко.

Нелидовъ поднимаетъ голову и встаетъ.

— Да, чтобы отрезвить общество и спасти человѣчество отъ вырожденія, нужна жестокость. Нужно закономъ воспретить браки съ невропатами. И безпощадно карать за нарушеніе закона. Какъ караютъ за подлогъ и убійство. Потому что здѣсь, въ сущности, есть и то, и другое.

— Ну, тоже!—вдругъ раздражается дядюшка, вспоминая что-то, очевидно, наболѣвшее и разомъ забывая корректность.—

Посмотрѣлъ бы я, какъ помѣшали бы мнѣ сойтись съ любимой женщиной!. Къ чорту бы все и всѣхъ послалъ!..

— Дядюшка!.. Вы—прелесть!—Соня кидается цѣловать его.

— Вѣдь это эгоизмъ, Федя... А дѣти?..

— Не было бы дѣтей...

— А!—холодно восклицаетъ Нелидовъ и поднимаетъ брови.—Но для меня бракъ безъ дѣтей теряетъ смыслъ.

Дядюшка свищетъ:—Кто мнѣ запретитъ быть счастливымъ, коль я хочу?

— Мы—не дикари...

Дядюшка вдругъ багровѣетъ.—Общественные интересы, скажете? Полноте, Николай Юрьевичъ! Все это ничего больше, какъ страхъ жизни и боязнь страданій. Страхъ за собственную шкуру говоритъ въ васъ... А ну, представьте, какъ васъ полюбитъ дивное существо? Тѣмъ только и повинное, что у нея тамъ, въ пятомъ колѣнѣ что ли, кто-нибудь рехнулся, либо удавился?.. И вы отъ нея за это отступитесь?

— Отступлюсь.

— А если сами будете любить?

Нелидовъ молчитъ. Онъ блѣднѣетъ. И всѣ это видятъ.

— Все равно, отступлюсь,—глухо говоритъ онъ.

— Тьфу!.. Пропасть!.. Вотъ ужъ это жестокость... настоящая... Изъ-за какихъ-то тамъ будущихъ призрачныхъ несчастій разбивать свою и чужую жизнь... Это—трусость, Николай Юрьевичъ!

— Ну ужъ это ты... тово...

— Федя! Богъ съ тобой! Вотъ разошелся!

— Дядюшка... Прелесть!.. Я васъ задушу поцѣлуями...

— Отстань, Сонька! Чему обрадовалась? Ну, и молодежь пошла!.. Крови въ васъ нѣтъ... Точно изъ папье-маше сдѣланы... А вы... простите меня... Вы настоящій помѣщикъ, Николай Юрьевичъ! Вы о любви и семьѣ точно о усовершенствованіи холмогорскаго скота толкуете... Чортъ побери! Это уваженіемъ къ личности называется...

— Маня... Что съ нею?

Она вскочила, открывъ широко ротъ, какъ бы ловя воздухъ. Мертвенно бѣлая, хватаясь руками за грудь. Потомъ вдругъ взмахнула ими. Истерическій полусдавленный вопль вырвался изъ ея горла.

Она бѣжитъ. Соня кидается за нею.

Всѣ вскочили въ смятеніи. Издали несутся дикіе, истерическіе вопли.

— Зажгите огонь! Огонь!—кричитъ хозяйка, бросаясь въ темныя комнаты наверхъ.

Когда она возвращается, Нелидовъ неподвижно стоитъ, стиснувъ губы.

Онъ прощается наскоро. Онъ даже не спрашиваетъ, что случилось съ Маней. Его не удерживаютъ.

Сгорбившись, пригнувшись къ лукѣ сѣдла, скачетъ онъ домой, погоняя лошадь, какъ будто за нимъ мчатся Горгоны со змѣями въ рукахъ... «Забыть ее скорѣе! Забыть...»

— О чемъ, Маничка?.. Что съ тобой?—наперерывъ спрашиваютъ хозяйка и дядюшка.

Прошло уже два часа. Маня, вся разбитая припадкомъ, лежитъ на постели.

— Такъ... Право, не знаю... *Онъ* такъ страшно... такъ жестоко говорилъ... Милый дядюшка... Сядьте подлѣ!.. Вы такой добрый... Какъ вы хорошо ему возражали!.. «Гдѣ тутъ уваженіе къ личности?» Ахъ!.. Это такъ ужасно...

— Опять плачетъ... Ну, полно!.. Полно!..

Одной Сонѣ Маня признается. Конечно, онъ говорилъ о ней. Онъ уже считаетъ ее своей невѣстой... И вдругъ окажется, что въ роду у нея кто-нибудь алкоголикъ, эпилептикъ... Остается вѣдь только умереть... Потому что онъ разлюбитъ... проклянетъ... отречется... Она опять начинаетъ отчаянно рыдать.

Она точно чего-то не договариваетъ.

Сонѣ вдругъ становится жутко. Она вспоминаетъ...

— Послушай, Маня! Послушай... Что мнѣ пришло въ голову... Можетъ быть, вправду и у тебя...

Маня стоитъ передъ нею, вся выпрямившись, съ дикими, блуждающими глазами.

— Молчи!.. Молчи!.. Молчи!.. Не смѣй... никогда... Не заикнись ему! Я здорова... здорова... Боже мой!

Она падаетъ на подушки и смолкаетъ. Только все тѣло ея долго вздрагиваетъ и дергается.

Соня молчитъ, зажмурившись. Она начинаетъ догадываться.

VIII.

Проходитъ три дня. Словно туча опустилась надъ домомъ. Всѣ притихли какъ бы въ ожиданіи бѣды. Да и погода испортилась. Дожди. Прохладно.

Горленко опять всѣ дни въ полѣ. Одинъ дядюшка не унывастъ. И, надѣвъ непромокаемый плащъ, каждый вечеръ идетъ на свиданіе въ Липовку.

— Штейнбахъ пріѣхалъ?—спрашиваетъ онъ постоянно сторожа. И въ отвѣтъ слышитъ:

— Никакъ нѣтъ. А ждемъ каждый день.

Нелидовъ ѣдетъ въ Лысогоры. Страсть вцѣпилась въ его сердце когтями. И этого звѣря не осилить. Какъ бы то ни было, если даже оправдаются его догадки, онъ долженъ жениться. Назадъ нѣтъ дороги. Своими собственными руками, поддавшись безумному порыву, онъ сломалъ свою жизнь въ корнѣ. Но низость чужда ему. Онъ одинъ отвѣтитъ за свою ошибку. Онъ дастъ имя этой дѣвушкѣ. Онъ будетъ ежегодно выдавать ей сумму, которой хватитъ на то, чтобъ прожить безбѣдно. Лишь бы никогда не видѣть ее потомъ! Никогда не поддаться вновь преступной слабости...

Онъ идетъ на крыльцо. Исхудавшій, потемнѣвшій, больной.

Никто, кромѣ Мани, не видитъ его.

Она кидается въ переднюю и останавливается передъ нимъ.

Она ничего не говоритъ. Не спрашиваетъ. Только изъ огромныхъ глазахъ ея глядитъ на него ея душа. Любящая и покорная.

— Мари...

Забывъ все мгновенно, онъ смотритъ въ эти глаза, сверкающіе слезами. Онъ побѣжденъ.

Тогда она беретъ его руку и приникаетъ къ ней губами.

Онъ вздрагиваетъ, какъ обожженный. Онъ хватаетъ ее въ объятія. Цѣлуетъ захолодѣвшее личико жадно, алчно, съ той же больной, жестокой страстью.

— О!.. Я умираю...—говоритъ Маня.

Этотъ голосъ отрезвляетъ его.

Слышатся чьи-то шаги. Чья-то рѣчь.

Онъ знаетъ, что гдѣ-то тутъ вѣшалка. Но предъ глазами туманъ. Онъ безпомощно шаритъ по стѣнѣ. Тогда Маня молча беретъ пальто изъ его рукъ и вѣшаетъ его сама.

Въ это мгновеніе Вѣра Филипповна входитъ. Одинъ быстрый взглядъ на ихъ лица. И улыбка ея становится напряженной.

— Ай-ай!.. Что съ вами? Вы были больны?

— Усталъ на работѣ. Зато хлѣбъ ужъ свезенъ...

— Уже? Вотъ счастливецъ!

— Эврика!—радостно говоритъ Нелидовъ, на террасѣ по-

жимая руку хозяина.—Пойдемте въ кабинетъ. Я привезъ хорошія вѣсти.

— Что такое?—Горленко садится на диванъ и открываетъ ящикъ съ сигарами.—Эхъ, память! Все забываю, что вы не курите...

— Мы строимъ винокуренный заводъ...

— Кто строитъ?—съ выпученными глазами спрашиваетъ Горленко.

— Вы, я, Галаганъ, Лизогубъ... Дѣло будетъ на паяхъ... Въ этомъ есть потребность сейчасъ. Я уже наводилъ справки.

Горленко свищетъ.

— А карбованцевъ гдѣ возьмемъ? Безъ нихъ что начнешь?

— Я продамъ участокъ лѣса... И деньги будутъ, вообще,—настойчиво твердитъ Нелидовъ. И нервно ударяетъ по столу рукой.

— Штейнбахъ раскошелится что-ли?

Глаза Нелидова дѣлаются совсѣмъ свѣтлыми, какъ сталь.

— Обязываться жиду?.. Фи!.. Довольно того, что его отецъ скупилъ векселя моихъ кредиторовъ... Не поминайте мнѣ о Штейнбахѣ! Когда я подумаю, что въ домѣ моего прадѣда, въ его опочивальнѣ, гдѣ ночевала Екатерина II... на этой самой кровати, подъ балдахиномъ, спитъ наглый жидъ... Довольно! Я могу наговорить глупостей...

— Тэ-экъ-съ... Тогда ужъ я ничего не понимаю... У насъ, помѣщиковъ, во всей округѣ и пяти свободныхъ тысячъ не найдешь...

— Намъ дадутъ субсидію,—небрежно бросаетъ Нелидовъ.

— Что-о-о?

— Намъ дадутъ субсидію,—повторяетъ онъ. И нѣжный румянецъ загорается на его худыхъ щекахъ.—Я это знаю. Изъ вѣрныхъ источниковъ... Это важно для всего края... Особенно теперь, когда такая масса безработныхъ...

Горленко слушаетъ, полуоткрывъ ротъ. «Ну и ловкачъ!.. Нужны ему интересы края... И безработные...» Но тутъ же онъ вспоминаетъ о братьяхъ Нелидова, служащихъ въ министерствахъ, объ его связяхъ, о губернаторѣ. Взглянувъ пристально въ эти жесткіе глаза, онъ понимаетъ, что у Нелидова субсидія почти-что въ карманѣ... Иначе не сталъ бы онъ говорить такъ увѣренно.

— Ну, что-жъ? Берите и меня въ долю!.. Кого еще?

И они увлекаются на цѣлый часъ смѣтами, проэктами, ожидаемыми выгодами. Оба мечтаютъ разбогатѣть. Оба мечтаютъ сохранить родовыя гнѣзда...

За дверью звучитъ нетерпѣливый голосъ хозяйки:

— Ужинать, господа!.. Что у васъ тамъ за заговоръ? Отоприте, пожалуйста!.. Котлеты стынутъ...

За ужиномъ Нелидовъ опять сдержанъ, почти сухъ. Такъ стыдно за свой порывъ! Ему даже жутко. «Навожденіе», думаетъ онъ со злобой. При первомъ прикосновеніи къ этой дѣвушкѣ онъ летитъ куда-то головой внизъ, въ черную бездну... Не такъ надо выбирать. Не такъ надо жениться. Онъ точно слѣпецъ бродитъ въ темнотѣ. Довольно безумія!..

Онъ почти не глядитъ на Маню. А она такъ долго ждала его, сидя на ступенькахъ террасы. Она такъ преданно глядитъ на него сейчасъ, вся затихшая... «Такая трогательная», думаетъ Соня.

Послѣ ужина, уловивъ минуту, когда дѣвушки выходятъ покормить «косточками» собакъ, Нелидовъ говоритъ хозяйкѣ:

— Вѣра Филипповна, мнѣ нуженъ вашъ совѣтъ. Можете вы удѣлить мнѣ четверть часа?

У Вѣры Филипповны жалкое лицо.

— Пойдемте ко мнѣ въ такомъ случаѣ...

Горленко и дядюшка остаются одни за столомъ. Они молча курятъ и глядятъ другъ на друга круглыми глазами.

— Прошу заранѣе извиненія,—предупреждаетъ Нелидовъ и съ легкимъ поклономъ присаживается на край софы.

Вѣра Филипповна замѣтно волнуется.

— Въ чемъ дѣло, Николай Юрьевичъ?

— Вы, конечно, догадываетесь?—Взглядъ стальныхъ глазъ какъ бы вонзается въ ея добродушное лицо.—Я хочу знать все... Рѣшительно все о Ма... О m-lle Ельцовой...

Вѣра Филипповна безпомощно разводитъ руками. Но онъ не даетъ ей опомниться. Онъ требуетъ, во-первыхъ, соблюденія глубочайшей тайны, въ интересахъ самой Мари... Потому что онъ, вѣдь, не рѣшилъ. Онъ ничего еще не рѣшилъ.

— Помните вы нашъ разговоръ о наслѣдственности, Вѣра Филипповна? Я не возьму назадъ ни одного слова. Моя жена должна быть изъ вполнѣ здоровой, вполнѣ нормальной семьи... Вы знаете семью m-lle Ельцовой?

Она должна сознаться, что знаетъ очень немного.

Нелидовъ берется за воротъ рубашки, какъ будто ему душно...

— Вотъ... именно такъ... Я этого боялся...

— Да позвольте... Что же я сказала такого?—торопится хозяйка, чувствуя себя несчастной.—Чего, вообще, вамъ бояться,

Николай Юрьевичъ? Если истерика? Такъ вѣдь это со всякой можетъ быть!

— У васъ онѣ были?

— У меня?.. Нѣтъ, у меня не были... Но это еще ровно ничего не доказываетъ.

Нелидовъ нетерпѣливо закусываетъ губы.

— Я не скрою отъ васъ моего интереса къ m-lle Ельцовой... Но именно въ виду серьезности моихъ намѣреній я не могу сейчасъ рѣшиться. Осенью я съѣзжу въ Москву. И тамъ познакомлюсь съ ея семьей. Все-таки... скажите, пожалуйста, сейчасъ, что̀ вы знаете... Кто ея отецъ?

— Онъ умеръ... Полковникъ въ отставкѣ...

— А!—облегченно срывается у Нелидова.—Причина смерти вамъ неизвѣстна?

— Нѣтъ, конечно... Боже мой! Почему умираютъ люди? Ну, просто... пришла смерть...

— Къ сожалѣнію, это не такъ просто, какъ вы думаете, дорогая Вѣра Филипповна! Можетъ быть, онъ былъ алкоголикомъ? Не знаете? Ну, что дѣлать?.. А мать ея жива? Вы знакомы?

— По правдѣ сказать... Видите ли, въ чемъ дѣло,—лепечетъ она, перебирая и разглядывая свои кольца.—Я ее никогда не видала. Ее нельзя видѣть... У нея, кажется, отнялись ноги... Что-то въ этомъ родѣ... На нервной почвѣ...

Не глядя на гостя, она чувствуетъ, что онъ насторожился.

Начинается странный какой-то, бредовой разговоръ. Онъ допрашиваетъ, переспрашиваетъ, доискивается... Чудный братъ?.. Прекрасная сестра?.. Все это хорошо... Но мать-то, вѣдь, больна? И почему такая тайна?.. Она психопатка?

— О, что вы? Неужели если ноги отнялись, значитъ ужъ психопатка?

— Нейропатка, по меньшей мѣрѣ... А это сосѣдство близкое,—съ блѣдной усмѣшкой говоритъ онъ.—Не бываетъ дыма безъ огня, дорогая Вѣра Филипповна!

Задавъ еще нѣсколько внезапныхъ вопросовъ и совсѣмъ сбивъ съ толку бѣдную женщину, онъ встаетъ и прощается.

У Вѣры Филипповны горитъ лицо. Она прикладываетъ къ щекамъ похолодѣвшія руки.—Когда же вы къ намъ?

— Когда позволятъ дѣла. Благодарю васъ...

«Опять отгородился стѣнкой!» съ отчаяніемъ думаетъ хозяйка, выходя на крыльцо.

Маня и Соня уже тамъ. Ждутъ, недвижно сидя на скамьѣ галлерейки.

Черезъ минуту шарабанъ выѣзжаетъ за ворота.

«Уѣхалъ... Бѣгло простившись... Ни одного слова... Ужъ и остороженъ же!» съ горечью думаетъ Соня.

Маня молча большими глазами глядитъ во тьму.

Что она тамъ видитъ?

— Да почти рѣшилъ!—объясняетъ Вѣра Филипповна, запершись въ кабинетѣ съ мужчинами.—«Я, говоритъ, не скрываю своихъ намѣреній»... Фу!.. И задалъ же онъ мнѣ баню! Прямо судебный слѣдователь... Недовѣрчивъ до чего! На словахъ ловитъ...—Она разсказываетъ все въ подробностяхъ.

— И Маню, стало быть, въ ненормальности заподозрилъ? Фу, ты чортъ!—смѣется дядюшка.—Да это у него психозъ... Н-да... Скается съ нимъ дѣвчурка. Жаль мнѣ ее... Характеръ кремень у нашего обскуранта!

— Удивительно жаль!—сердится Вѣра Филипповна, ходя крупными шагами по комнатѣ.—Первой дамой въ уѣздѣ будетъ... Кто она, въ сущности? Сандрильона... И вдругъ такая блестящая партія!

— Н-ну! Отъ такого «блеска» избави Богъ всякую!

— А я-то мечтала, что Соня...

— Нуженъ онъ твоей Сонѣ, какъ прошлогодній снѣгъ... Нѣтъ. Этотъ бракъ разстроить надо... Маня черезъ годъ въ другого влюбится... А онъ, видите ли, развода не признаетъ!.. Не будемъ губить дѣвочку...

— Да ты съ ума сошелъ, Федя!

Горленко неожиданно багровѣетъ и накидывается на жену.

— Отъ-то баба!.. Да и ты дурень, Хведоръ! Либо женится, либо нѣтъ... Бабушка на-двое сказала... А ужъ онъ разводить собрался. Эй, жинка! Держи языкъ за зубами... Скаемся мы потомъ съ дивчиной!.. Хоть бы уѣзжали онѣ обѣ на свои курсы!—съ сердцемъ говоритъ онъ, выходя. И хлопаетъ дверью.

Странные слухи идутъ по уѣзду. У Лизогубовъ еще года три назадъ нашли руду въ землѣ. Но тутъ какъ разъ началась революція, аграрные бунты. Растерявшійся, разорившійся Лизогубъ продалъ землю старому Штейнбаху и выѣхалъ съ семьей за границу.

Вдругъ въ уѣздѣ объявились какіе-то инженеры. Начались изысканія. Старый Штейнбахъ за баснословную сумму пере-

продалъ землю Лизогуба какой-то бельгійской компаніи. Тогда выяснилось, что тамъ залежи. Цѣлое состояніе.

— Милліончикъ-то проворонили, батюшка?—спрашиваютъ сосѣди Лизогуба.—Теперь его Штейнбахъ скушалъ...—Лизогубъ хватается за голову, кляня хитрость «стараго жида.»

Теперь инженеры объявились опять.

Опять идутъ раскопки. Думаютъ, что лучшія жилы находятся въ Липовкѣ и рядомъ, въ Дубкахъ, въ землѣ Нелидова.

— Какъ вы думаете? Продастъ онъ Дубки?—волнуются помѣщики.

— Продастъ и въ Петербургъ махнетъ. Чего ему тутъ киснуть?

— Кто-жъ отъ денегъ откажется?

— Штейнбахъ перебьетъ. У него, говорятъ, Липовку торгуютъ. Огромную сумму даютъ...

— Откуда вы знаете?

— Еще два года назадъ торговались со старикомъ.

Мудрено ли, что въ этой горячкѣ наживы Нелидовъ забываетъ дорогу въ Лысогоры? Шансъ разбогатѣть, единственный шансъ, о которомъ онъ мечталъ, какъ кладъ дается ему въ руки.

IX.

— Маня... Маня... Штейнбахъ пріѣхалъ...

Какъ буря, Соня врывается въ свѣтелку. Она задыхается. Она помертвѣла отъ сердцебіенія.

Маня плакала ночью, и сейчасъ у нея болитъ голова. Но тутъ она поднимается на постели, вся прямая и неподвижная. Словно кукла, въ которой дернули пружину. Она съ ужасомъ глядитъ огромными глазами. Она отказывается вѣрить.

— Зачѣмъ?—шопотомъ спрашиваетъ она.

— Ахъ, Боже мой! Ну, что же ты? Вставай! Иди!.. Вѣдь онъ для тебя же пріѣхалъ...

— Я не пойду... Не могу...

— Боишься?

Маня молчитъ. Но лицо отвѣчаетъ за нее.

— Иди ты... Ради Бога, Соня!.. Иди и скажи ему... Все... Я не могу его видѣть...

— Что сказать? Да ты съ ума сошла! Развѣ можно третьему лицу давать такія порученія? Гдѣ твоя гордость, наконецъ? Да развѣ, въ сущности, ты чѣмъ-нибудь передъ нимъ виновата? Ну, увлекалась... А теперь полюбила другого... Такъ и скажи.

Только скажи мягче... Если онъ тебя не разлюбилъ еще, ему будетъ больно... Не смѣй ему дѣлать больно! Слышишь?

— Не могу... Скажи ты...

— Боже мой! Какъ ты его боишься?.. Почему?.. Неужели ты воображаешь, что онъ унизится до мести?.. Такой великодушный!.. И *что́* ты для него? Одна изъ тысячъ!.. Неужели онъ не видалъ такихъ? Услышитъ о Нелидовѣ... И вѣжливо дастъ ему дорогу... Вотъ и все!.. Ну, я иду!... А ты одѣвайся и выходи!.. И помни, Маня... Оскорблять его не смѣй!.. Я отрекусь отъ тебя, если ты его задѣнешь...

Ея шаги звучатъ по лѣстницѣ. Такъ быстро-быстро...

Маня сидитъ на постели, сгорбившись, спрятавъ лицо въ рукахъ. Плечи ея дрожатъ мелкой дрожью...

Почему она думала, что этой встрѣчи уже не будетъ.

— Здравствуйте, Маркъ Александровичъ!.. Куда же вы пропали?—развязно спрашиваетъ Соня, стоя передъ Штейнбахомъ задыхающаяся, съ пятнами на лицѣ.

Вѣра Филипповна, красная и смущенная, быстро встаетъ.

— Соня, займи дорогого гостя. Мнѣ по хозяйству надо... Вы, конечно, остаетесь пить чай?.. Сейчасъ подаютъ... Извините... На минутку...

«Позорно бѣжала»... думаетъ Соня.

— Пойдемте въ паркъ... Здѣсь душно! — говоритъ она, опять мѣняясь въ лицѣ.

«О, какіе у него глаза! Они глядятъ прямо въ душу...»

Она спѣшитъ впередъ.

— А Маня... Марія... Сергѣевна выйдетъ?

Его голосъ дрожитъ. И у Сони падаетъ сердце.

— Да, конечно... У нея, кажется, голова болитъ... Она, кажется, сердится....

— Но она выйдетъ все-таки?—вкрадчиво допрашиваетъ онъ.

— Да-да... Потомъ... Не сейчасъ... Ахъ, зачѣмъ вы такъ долго не были! Она такъ ждала васъ. Она такъ страдала!.. Ахъ, не глядите на меня, ради Бога! Я ничего больше не скажу...

Они молча сходятъ по ступенькамъ террасы. Подъ липами парка темно и тихо. Они одни.

— Сядемъ здѣсь,—нѣжно говоритъ Соня. И опять робко поднимаетъ голову и смотритъ въ любимое лицо. Какъ оно блѣдно!

Соня опускаетъ голову. Она чуть не плачетъ.

Онъ говоритъ сквозь зубы, какъ бы съ трудомъ.

— Что случилось?

— Ахъ! Ради Бога, не спрашивайте! Спросите *ее*... Я вамъ ничего не скажу...

Но не проходитъ минуты, какъ она уже все разсказала... О знакомствѣ съ Нелидовымъ. Объ этомъ обоюдномъ увлеченіи. О разговорѣ его съ Вѣрой Филипповной. Разсказала собственныя впечатлѣнія. И догадки о томъ, что онъ сдѣлаетъ предложеніе... Непремѣнно сдѣлаетъ... Онъ слишкомъ влюбленъ...

Объ одномъ, конечно, ни намека. О тайнѣ, открытой Маней... Но почему ей все время кажется, что онъ догадался самъ?

Онъ слушаетъ, опершись на колѣни локтями и держась за голову. Лица его не видно. Они сидятъ въ липовой аллеѣ, еще густой и зеленой. Но подъ ногами ихъ умираютъ золотые листья осени.

«Какъ его надежды», думаетъ Соня. Вотъ онъ глядитъ на нихъ... Что онъ думаетъ? Что онъ чувствуетъ? Почему молчитъ?

— Зачѣмъ вы уѣхали?—горестно говоритъ она.—Если-бъ вы были здѣсь, она бы васъ не забыла...

— Вы думаете?—страннымъ звукомъ срывается у него.—Я не могъ остаться, Софья Васильевна. У меня была больна дочь. Марья Сергѣевна это знала.

Онъ поднимаетъ голову. Онъ кажется спокойнымъ...

«Можетъ быть, онъ вовсе ужъ не такъ любилъ ее?..»

— А когда Нелидовъ былъ здѣсь въ послѣдній разъ?

— Нелидовъ?.. Постойте!.. Недѣлю назадъ... Да... Да... Ровно восемь дней назадъ...

Штейнбахъ встаетъ... Какъ онъ взволнованъ! Почему?.. Онъ дѣлаетъ нѣсколько быстрыхъ, порывистыхъ шаговъ. И опять садится.

— А ее не удивляетъ такое... странное отсутствіе?

— Всѣхъ насъ удивляетъ. Всѣхъ! Она плачетъ по ночамъ. А днемъ сидитъ въ бесѣдкѣ и глядитъ на дорогу. Она ужасно измѣнилась. Похудѣла... Подурнѣла даже... Ахъ! Я ничего хорошаго не жду отъ этого увлеченія...

— Отчего же? Онъ женится... Вы должны желать ея счастья...

Онъ улыбается. Ахъ эта улыбка! Покорная, скорбная... Какъ у Розы... Улыбка фаталиста. Улыбка еврея... Сонѣ опять хочется плакать.

— Да, по логикѣ, конечно... Но, вѣдь, у насъ, женщинъ, нѣтъ логики... Я терпѣть не могу Нелидова. Мнѣ кажется, онъ счастья ей не дастъ. Онъ не умѣетъ любить.

— Но вы же сказали, что онъ влюбленъ?

— Да... но... тутъ, должно быть, есть разница... Любить и быть влюбленнымъ. Маня тоже говоритъ, что онъ не умѣетъ любить...

— Почему она такъ думаетъ?—Трость, на которую онъ опирается, глубоко вонзается въ землю. Только легкій трепетъ въ голосѣ выдаетъ его чувство.

— Когда она любила васъ, она смѣялась и щебетала цѣлыми днями... И плясала... Теперь она плачетъ... Съ вами она была бы счастливѣе...

Соня вдругъ ярко краснѣетъ. Но отступать поздно.

Онъ тихонько беретъ ея руку и подноситъ къ губамъ.

Соня замираетъ отъ счастья.

Маленькая пауза. Трость Штейнбаха нервно, криво чертитъ что-то на влажной землѣ. Вдругъ онъ поднимаетъ голову. И Соня видитъ, что лицо его странно измѣнилось.

— Простите... Я не совсѣмъ понялъ васъ... Когда же день свадьбы?

— Свадь-ба?.. О ней никто и не говоритъ...

— А!..—коротко срывается у него.—Но почему же... тогда...

— Онъ ужасно странный, этотъ Нелидовъ. Мама говоритъ, что онъ хочетъ съѣздить въ Москву, навести справки... видѣть мать Мани... Говорила я вамъ сейчасъ, что у Мани мать нервно-больная? Или забыла?.. Ахъ, право, у меня голова кругомъ идетъ!..

— Я этого не зналъ.

Трость Штейнбаха дѣлаетъ зигзагъ и опять судорожно вонзается въ землю.

— Да... Да... Я припоминаю теперь, что говорили даже, будто она душевно-больная... Я это слышала еще въ гимназіи... А въ дѣтствѣ у Мани былъ страшный припадокъ съ судорогами... Ее хотѣли исключить тогда... Но это между нами, monsieur Штейнбахъ! Ради Бога!.. Маня сама, кажется, не знаетъ ничего о матери... А, можетъ быть, это сплетни?.. Но Нелидовъ хочетъ жениться на здоровой дѣвушкѣ, изъ нормальной семьи... И вотъ почему онъ медлитъ сдѣлать предложеніе... Ради Бога, не проговоритесь Манѣ! Она и такъ страдаетъ... Ахъ! Вонъ она идетъ!

Они оба встаютъ разомъ. Ни кровинки нѣтъ въ лицѣ Штейнбаха. Сощурившись и сжавъ губы скорбнаго рта, остро и мрачно глядитъ онъ на женскую фигуру, которая идетъ по дорожкѣ.

«Совсѣмъ соколъ. Какъ у Мани въ альбомѣ... Какъ она могла его разлюбить?..»

— Милый monsieur Штейнбахъ!.. Простите ей... если она будетъ рѣзка съ вами. У нея, оказывается, такіе больные нервы... Она такая несчастная... Не обращайте вниманія на ея слова...

Она идетъ, почти бѣжитъ въ другую аллею.

И вотъ они опять вмѣстѣ. Опять рядомъ. Но чужіе на этотъ разъ. Совсѣмъ.

Онъ низко склоняется передъ нею, снявъ панаму. Какъ будто видитъ ее въ первый разъ. Лицо его непроницаемо.

Она враждебно подаетъ ему руку... Пальцы ея инертны. Она безпощадна, какъ можетъ быть безпощадна только женщина, полюбившая другого, тяготящаяся ненужнымъ ей теперь чувствомъ. Она садится поодаль, опустивъ рѣсницы. Кровь то приливаетъ, то отливаетъ отъ щекъ. Она никогда, кажется, не рѣшится взглянуть ему въ глаза. Неужели это *онъ* цѣловалъ ее всю? Неужели онъ... Ей стыдно вспоминать сейчасъ, рядомъ съ нимъ, эти интимныя, жгучія картины, которыми она бредила еще мѣсяцъ назадъ. О, если-бъ ничего не было...

Но почему онъ молчитъ? Очевидно, Соня уже подготовила почву. Тѣмъ лучше! Объясненій не надо! Никакихъ намековъ на прошлое... Онъ ей такъ противенъ, что она, кажется, закричитъ отъ отвращенія, если онъ дотронется до нея...

Но онъ и не думаетъ «дотрогиваться». Чужой и далекій, онъ холодно щурится, какъ бы изучая ея лицо.

— Софья Васильевна говорила, что вы хвораете... Вы, дѣйствительно, измѣнились... Что съ вами, Марія Сергѣевна?

«Неужели разочаровался? Неужели такъ подурнѣла?..» Маня разомъ теряетъ остатокъ самообладанія.

— Нѣтъ... Почему вы думаете?.. Я здорова... У меня только голова болитъ... Но я... очень счастлива... Да... Здорова и счастлива!—говоритъ она съ вызовомъ. И въ первый разъ враждебно и прямо глядитъ въ его лицо.

Его губы кривятся.

— Я очень радъ за васъ... Поздравляю!..

Онъ отводитъ глаза и чертитъ что-то тростью на влажной землѣ.

Маня не этого ждала, конечно. Она сбоку съ любопытствомъ смотритъ на него. «Противный... Противный»... говоритъ она себѣ. «Чужой... Чужой»...

Но все глядитъ на его профиль. Все подмѣчаетъ невольно... Загорѣлъ. Похудѣлъ... Очень блѣденъ. Совсѣмъ какъ слоновая

кость цвѣтъ его кожи... Блѣдныя уши... Прозрачныя синеватыя вѣки... Противный!.. Какъ могла я его любить?.. Но рѣсницы хороши... Длинныя, черныя... И эти брови... Да... Онъ красивъ... Что бы тамъ ни говорилъ Нелидовъ,—онъ красавецъ... У него интересное лицо... Жуткое... Но съ чѣмъ онъ меня поздравляетъ? Что онъ знаетъ?»

Внезапно онъ поднимаетъ голову. И взгляды ихъ встрѣчаются. Маня краснѣетъ, отворачивается. И тутъ же сердится на себя.

Мгновенно она впадаетъ въ какое-то нервное состояніе. Равнодушіе Штейнбаха кажется ей страннымъ. Дерзкимъ. Разлюбилъ? Охладѣлъ? Разочаровался?..

— Вы давно вернулись изъ-за границы?—спрашиваетъ она съ дѣланнымъ спокойствіемъ.—Вамъ было весело? Тамъ интересно жить? Тамъ красивыя женщины? Вѣна—веселый городъ? Правда?

Она бьетъ носкомъ по землѣ. Покусывая трость, Штейнбахъ глядитъ на ея туфельки и колѣни. Она краснѣетъ до слезъ и прячетъ ногу.

Вдругъ какъ бы съ вытянутыми руками она падаетъ съ башни внизъ. Такое у нея чувство. Она оборачивается къ нему всѣмъ корпусомъ. Глаза ея пылаютъ. Она уже потеряла себя.

— Зачѣмъ вы молчите?—рѣзко, почти грубо кричитъ она.—Что вы этимъ хотите сказать? Зачѣмъ вы меня мучаете? Чего вы отъ меня ждете?..

Онъ не глядитъ. Онъ слушаетъ жадно, стараясь понять. Его ноздри трепещутъ.

— Я жду, когда вы мнѣ разскажете... о вашемъ счастьѣ...

— Я?.. Вамъ?..

У нея перехватываетъ горло...

— Развѣ я не заслужилъ вашего довѣрія?

— Зачѣмъ?—въ непонятномъ страхѣ шепчетъ она.—Зачѣмъ вамъ знать?

Его глаза холодны и непроницаемы. Онъ незамѣтно пожимаетъ плечами.

— Странный вопросъ... Если вы измѣнились... то, вѣдь, я остался тѣмъ же..

— Молчите! (Она поднимаетъ руку.) Ни слова о прошломъ! Его нѣтъ... Слышите? Его нѣтъ!.. И вы не смѣете говорить со мной такимъ тономъ!

Она забываетъ о томъ, что была оскорблена его равноду-

шіемъ. Сейчасъ намекъ на его любовь кажется ей самой страшной обидой.

— Да, да... Запрещаю!.. Или вы думаете, что вы не виноваты предо мною? Вы думаете, что когда-нибудь я прощу вамъ... (мои слезы,—хочетъ она добавить, но сдерживается.) И спрашиваетъ рѣзко, съ ненавистью:

— Почему вы такъ долго не возвращались? Я не вѣрю въ болѣзнь вашей дочери... Слышите? Все это была ложь...

— Моя дочь умерла.

Маня молча глядитъ. Въ зрачкахъ ея ужасъ.

Они долго молчатъ. Въ паркѣ глубокая тишина. Только издали съ огорода доносится пѣніе Мелашки. Яблоко рядомъ, въ фруктовомъ саду, глухо стучитъ, падая въ траву.

Вдругъ Штейнбахъ поднимаетъ голову. Онъ пристально смотритъ на Маню. Потомъ тихонько беретъ ея руку.

Она блѣднѣетъ. Память чувствъ ярка. Ее не усыпить... Прикосновеніе его такъ робко... Но нервы дрогнули и заныли блаженно и жутко. И прошлое встаетъ изъ бездны, куда сбросила его рука Нелидова.

— Вы меня ждали, Маня?—спрашиваетъ онъ чуть слышно.

— Да... Я васъ ждала...

— Вы слишкомъ долго меня ждали,—съ горечью говоритъ онъ.—Жизнь не ждетъ.

Сердце ея падаетъ. Боже мой! Опять хаосъ въ душѣ? Опять?.. Зачѣмъ ей жаль его? Не надо жалѣть!..

— Вы ничего мнѣ не писали... Ни одной строчки... Я думала, что я забыта... Я думала...

— Я ничего не забываю!—перебиваетъ онъ глухо, съ сдержанной страстью.—Я не умѣю забывать... Но что сталъ бы я писать вамъ? Слова любви, которыя могли попасть въ чужія руки и выдать нашу тайну? Я думалъ, что вы вѣрите въ меня. Я считалъ такимъ важнымъ и глубокимъ то, что возникло между нами...

Она въ ужасѣ встаетъ.

— Молчите! Молчите!..

— Не бойтесь меня, Маня!.. И не старайтесь оправдываться... Вы ни въ чемъ не виноваты передо мной... Цвѣты должны были расти тамъ, гдѣ ступила ваша нога. Вамъ суждено засыпать съ улыбкой и просыпаться съ радостью. А я далъ вамъ слезы и страданія. Я одинъ виноватъ...

Она садится, обезсилѣвъ мгновенно. И безсознательнымъ жестомъ закрываетъ лицо.

«Любитъ... Любитъ... Любитъ, какъ прежде!» бьетъ въ ея виски... звенитъ въ ушахъ, стучитъ въ мозгу. И у нея ужъ нѣтъ ненависти. Нѣтъ отвращенія. Страшное безволіе. Знакомое чувство... И это безумное, забытое влеченіе, опьянявшее ее когда-то... Да... да... Отъ него дрожитъ ея тѣло... Зачѣмъ оно проснулось? Изъ какой бездны оно встало?.. Оно вызвано его голосомъ, взглядомъ, однимъ прикосновеніемъ руки... Такъ скоро? Такъ легко? Но, вѣдь, не его она любитъ... Любила всѣ эти дни... Не о немъ мечтала... Не его ждала... Лицо Нелидова встаетъ передъ нею. Надменное, съ презрительной гримасой...

— Ма-а-ня!.. Ча-ай пить!—издали несется голосъ Сони.

Она содрогается. Она какъ будто очнулась отъ кошмара.

«Нѣтъ... Это надо кончить! Надо вызвать разрывъ... Оскорбить его? Намъ нельзя встрѣчаться!..»

Она отодвигается и поправляетъ волосы. Онъ видитъ, что руки ея дрожатъ.

— Соня, конечно, сказала вамъ все,—говоритъ она какимъ-то глухимъ звукомъ, не поднимая рѣсницъ.—Я люблю другого. И вы сами понимаете, Маркъ...

Она вдругъ останавливается. Она забыла.

— Александрычъ,—подсказываетъ онъ тихонько, глядя на нее снизу вверхъ и прижимая къ щекѣ набалдашникъ трости. И все лицо Мани загорается вдругъ до корня волосъ.

— Между нами все кончено!—жестко говоритъ она, упорно глядя на его уши.—Надѣюсь, вы сумѣете подчиниться моему рѣшенію?.. И уважать мою волю?

— Я развѣ когда-нибудь не уважалъ ее?—тихо-тихо спрашиваетъ онъ.

Сердце ея начинаетъ бурно колотиться въ груди.

— Вы отлично понимаете, что̀ я хочу сказать!—нервно кричитъ она, разомъ теряя голову.—Вы не смѣете стоять у меня на дорогѣ! Вы не смѣете просить у меня свиданій... Вы не смѣете просить... Ахъ! Вы отлично знаете, о чемъ я говорю...

— Отчего же не дать вамъ удовольствія отказать мнѣ въ моихъ просьбахъ?

Она вскочила. Туфелька ея бьетъ по землѣ.

— Не смѣйте смѣяться! По какому праву?.. Я васъ ненавижу... Слышите? Вы мнѣ противны... противны... И если вы...

не безчестный человѣкъ... вы должны забыть... Вы должны все забыть...

Ея глаза сверкаютъ, какъ алмазы. Она прекрасна. Онъ жадно глядитъ на нее снизу вверхъ. И его тонкія ноздри дрожатъ.

Ихъ глаза встрѣчаются. И она опять падаетъ духомъ.

Его вѣки опускаются... Синеватыя, прозрачныя вѣки. Онъ что-то пишетъ тростью на землѣ... И чѣмъ больше длится молчаніе, тѣмъ сильнѣе растетъ ея тревога.

— Ваша тактика, Марія Сергѣевна, мнѣ понятна. Но оскорбить меня вамъ не удастся! Кто любитъ, у того нѣтъ гордости... И вы напрасно безпокоитесь. Господинъ Нелидовъ никогда не узнаетъ о страничкѣ романа въ вашемъ прошломъ. Вы ее вырвали. И этого довольно. Остальное касается уже меня... Буду ли я васъ любить? Буду ли я помнить о томъ, что связало наши души и жизни? Какое вамъ дѣло до этого? *Это* останется между нами двумя...

— Да я не хочу никакихъ тайнъ между нами!—съ отчаяніемъ срывается у нея.—Слышите? Не хочу!

Онъ быстро, какимъ-то хищнымъ жестомъ вскидываетъ голову и смотритъ ей прямо въ зрачки. Безъ тѣни улыбки, съ какой-то странной угрозой. Онъ говоритъ тихо и вѣско:

— «Измѣнить прошлое безсильны даже боги...»

Краски сбѣгаютъ съ ея лица. Она глядитъ въ его глаза. Какъ глядятъ въ бездонный колодезь. И, тяжело дыша, опускаетъ рѣсницы.

«Что? Что онъ сказалъ сейчасъ?»

— А! Вонъ онъ гдѣ, нашъ иностранецъ!—издали кричитъ дядюшка и машетъ рукой. Онъ спѣшитъ на выручку.

Штейнбахъ встаетъ и идетъ навстрѣчу.

Они останавливаются шагахъ въ двадцати отъ скамьи. О чемъ-то говорятъ.

— Маня... Тамъ тебя звали... Чай пьютъ... Идешь, что-ли?

— Приду, дядюшка... Потомъ приду...

Они уходятъ. Ихъ шаги и голоса звучатъ далеко.

Одна...

Она открываетъ лицо, озирается...

Одна. И передъ нею на влажномъ пескѣ четко написанныя слова:

МАНЯ БУДЕТЪ МОЕЮ.

Она смотритъ недвижно. Ея сердце стучитъ.

— Никогда!—говоритъ она черезъ мгновеніе. И встаетъ.

— Никогда!—яростно кричитъ она. Озирается. И въ бѣшенствѣ начинаетъ топтать землю и стирать каблуками кривыя, острыя, готическія буквы.

Когда она возвращается на террасу, лицо ея пылаетъ. Глаза полны вызова.

— Эге!—подмигиваетъ ей дядюшка изъ-за самовара. Она сердито отворачивается.

Штейнбахъ бросаетъ на нее острый, бѣглый взглядъ. И продолжаетъ разговоръ. Дядюшка разсказываетъ:

— Нелидовъ говоритъ, что въ лондонской стачкѣ рабочіе были побѣждены, потому что фабриканты догадались пригласить безработный итальянскій пролетаріатъ. Онъ тогда прямо торжествовалъ. «Нѣтъ,—говорилъ онъ,—больше рабочаго вопроса!»

— Неужели онъ это серьезно говорилъ? Боюсь, что онъ рано торжествуетъ побѣду... Если-бъ это было такъ просто...

Шумъ поднимается за чайнымъ столомъ.

— Да...—подхватываетъ дядюшка.—Но пока они тамъ догадаются объединиться, желтый кули-китаецъ, голодный и покорный, вторгнется въ Европу и измѣнитъ всѣ соціальныя условія...

— Нелидовъ здорово на этого желтолицаго разсчитываетъ,—смѣется Горленко. И животъ его колышется.

Начинается безсвязный, какъ всегда, споръ людей, говорящихъ на разныхъ языкахъ и неспособныхъ понять другъ друга. Соня слушаетъ, не сводя глазъ со Штейнбаха.

Съ нимъ были сейчасъ преувеличенно-любезны. Но, вспомнивъ, что онъ открыто выражалъ свои симпатіи соціалъ-демократамъ во время революціи и денегъ имъ навѣрно передалъ «уйму», Горленко начинаетъ горячиться и говорить непріятности. Дядюшка старается смягчить его рѣзкости. У Вѣры Филипповны испуганные глаза.

Тогда вмѣшивается Соня и страстно поддерживаетъ гостя.

«Маня будетъ моею...»

Эти буквы какъ будто не на пескѣ, а въ мозгу Мани врѣзались. Они обжигаютъ ее.

«Нѣтъ... Нѣтъ... Никогда!.. Блѣдныя уши. Синія вѣки. Жидъ... Противный... Никогда тебя не любила...»

— О-о! Вотъ такъ капиталистъ!—вспыхиваетъ Горленко.—Какъ же вы такъ живете безмятежно?

— Всѣ мы на Везувіи живемъ. Въ этомъ есть острая прелесть... Впрочемъ, на нашъ вѣкъ хватитъ...

— Et aprés nous le déluge!—подхватываетъ дядюшка.

Штейнбахъ улыбается.

«Какая циничная, отвратительная улыбка!.. Какъ могла я его любить?..» все взвинчиваетъ себя Маня.

— А какъ же Нелидовъ говоритъ?

— Ахъ, это логика человѣка, живущаго минутой! Логика страуса, прячущаго голову подъ крыло. Здѣсь нѣтъ исторической перспективы.

Опять поднимается шумъ.

«Какъ онъ смѣетъ такъ говорить о Нелидовѣ?.. Наглый, самонадѣянный жидъ!» думаетъ Маня. И глаза ея сверкаютъ, встрѣчая взглядъ Штейнбаха.

Вѣрѣ Филипповнѣ надоѣла эта тема. Она наклоняется впередъ пышнымъ бюстомъ.

— Правда ли, что вы продаете Липовку бельгійцамъ?

— Я?.. Кто это говоритъ?

— Ахъ, всѣ!.. Всѣ... Вамъ даютъ полмилліона... Мы все знаемъ...

— Ельники, можетъ быть... Липовку никогда!

И онъ бросаетъ на Маню долгій взглядъ. Лицо ея вспыхиваетъ. Рѣсницы опускаются.

Она быстро встаетъ и сбѣгаетъ въ садъ.

Въ бесѣдкѣ она прильнула къ плетню. Пылающія очи пронзаютъ сумракъ. Зовутъ.

Стемнѣло. Штейнбахъ еще тутъ. А Нелидова нѣтъ.

«И не надо! Не хочу, чтобъ они встрѣчались! Эта встрѣча будетъ моимъ несчастіемъ», въ суевѣрномъ страхѣ думаетъ она.

Но тоска растетъ... Нынче вечеромъ весьмой день пошелъ. Почему не ѣдетъ?.. Ахъ, эти вопросы въ чужихъ глазахъ! Эти полуулыбки, которыя ищутъ унизить... Муки ожиданія. Но она все забыла бы за одинъ ласковый взглядъ!..

Онъ не ѣдетъ... А грудь такъ ноетъ! Такъ болитъ сердце...

«Я не хочу страдать. Хочу счастья!..» кричитъ ея душа.

Темно. Тоскующая, страдающая, она бредетъ домой. Она такъ устала... Боже! Какъ она устала!

Не террасѣ она останавливается внезапно.

У рояля горятъ свѣчи. Изъ открытыхъ оконъ льются широкіе, безбрежные звуки:

На воздушномъ океанѣ,
Безъ руля и безъ вѣтрилъ,

Тихо плаваютъ въ туманѣ
Хоры стройные свѣтилъ.
. . . . . .
Въ день томительный несчастья
Ты о нихъ лишь вспомяни.
Будь къ земному безучастна
И безпечна, какъ они!

Она поднимаетъ голову и смотритъ въ черное небо осени. Вонъ они горятъ передъ нею—далекія, таинственныя солнца! Небо говоритъ съ нею загадочнымъ языкомъ, который открытъ лишь немногимъ на землѣ. Оно говоритъ о вѣчности. О міровой душѣ. О тщетѣ нашихъ страданій. О цѣнности быстротечнаго мига...

Падающая звѣзда чертитъ огненную линію въ черномъ бархатѣ неба. И гаснетъ мгновенно...

«Какъ мы»... думаетъ Маня.

Странное что-то совершается въ ея душѣ. Замираетъ тоска. Засыпаетъ печаль. Лицо Нелидова уходитъ куда-то, въ серебристый туманъ. Встаетъ прошлое...

«Которое измѣнить безсильны даже боги...»

Къ тебѣ я стану прилетать,
Гостить я буду до денницы,
И на шелковыя рѣсницы
Сны золотые навѣвать.

Звуки льются. Для нея. Они ищутъ ее въ этомъ мракѣ. Зовутъ. Обѣщаютъ.

— Что?

О! Она знаетъ теперь. Сладкое забвеніе обидъ. Жгучее объятіе. Темную бездну наслажденія, въ которой тонетъ сознаніе.

«Маня будетъ моею...» вдругъ вспыхиваетъ въ мозгу.

Но душа не кричитъ. Душа не протестуетъ.

Она медленно входитъ и садится у двери.

Сны золотые навѣвать...

...звучитъ послѣдняя фраза. Задумчивая, какъ лунный свѣтъ. И всѣ молчатъ, очарованные.

Дядюшка первый приходитъ въ себя.

— Чародѣй!—говоритъ онъ.—Счастливецъ! Ничему такъ не завидую, какъ вашему голосу! Кто устоитъ противъ васъ, когда вы поете?

Всѣ окружили рояль. Всѣ настойчиво, восторженно просятъ

еще пѣть... Еще!.. Душа такъ изголодалась отъ прозы! Даже у Горленко подернулись туманомъ глаза.

«Онъ смотритъ. Зачѣмъ онъ смотритъ?» думаетъ Маня. И вся съеживается.

Мрачные, погребальные аккорды Шумана.

Это смерть души. Гибель юности съ ея вѣрой и иллюзіями. Это пѣснь утраченныхъ цѣнностей. Кто написалъ такую музыку, тотъ не могъ встрѣтить старость, какъ Гёте, съ яснымъ челомъ. Тотъ уже предчувствовалъ сумерки духа.

Почти шопотомъ, почти говоркомъ поетъ Штейнбахъ слова Гейне:

Я не сержусь... Пусть больно ноетъ грудь!
Пусть измѣнила ты!.. Я, право, не сержусь...

Соня вдругъ оборачивается и прямо смотритъ на Маню.

«Вы ни въ чемъ не виноваты передо мною. Цвѣты должны были расти тамъ, гдѣ ступила ваша нога...»

Маня поникаетъ головой.

Онъ поетъ:

Ты, какъ алмазъ, блестишь красой своей,
А въ сердцѣ ночь, безъ звѣздъ и безъ лучей...
Я это зналъ...

...съ горькой покорностью звучитъ голосъ. И чуть дрожитъ ироніей. Надъ собой ли? Надъ любовью?

Темпъ ускоряется. Аккорды нарастаютъ, ширятся. Спѣшатъ куда-то, въ страстномъ порывѣ... Ввысь... Вдругъ крикъ ужаса и боли...

И видѣлъ я, какъ змѣи вились въ немъ!
Какъ много мукъ въ сердечкѣ молодомъ!..

И опять покорный шопотъ. Нѣжный и робкій:

Я не сержусь... я не сержусь...

Хаосъ взмываетъ внезапно въ потемнѣвшей душѣ Мани. Она сидитъ недвижно, потрясенная голосами, которые звучатъ со дна. Изъ самыхъ тайныхъ, сокровенныхъ глубинъ. Куда зовутъ они ее? Что они велятъ ей?.. Она ихъ слушаетъ, закрывъ глаза...

Ахъ она знаетъ одно вполнѣ отчетливо и ясно... Его голосъ это пламенный лучъ, который пронзилъ мракъ. Онъ, какъ живой, коснулся ея сердца. Это золотой путь, какой мѣсяцъ зажигаетъ въ рѣкѣ, отъ одного берега къ другому. Онъ перебросилъ этотъ мостъ къ ея душѣ. И вошелъ въ нее.

«Маня будетъ моею...» говоритъ кто-то тамъ, на темномъ днѣ.

И все молчитъ въ отвѣтъ.

И ждетъ.

Крышка рояля хлопнула. Штейнбахъ всталъ.

Маня открываетъ глаза и озирается.

Всѣ окружили рояль. Нѣтъ! Нѣтъ! Его не пустятъ. Еще рано. Онъ только раздразнилъ всѣхъ.

— Безбожно поднять такую массу желаній, мечты—и не удовлетворить ее!—кричитъ дядюшка. И кидается къ нотамъ. Онъ думаетъ о Ликѣ.

Одна Соня молчитъ.

Но какъ она глядитъ на Штейнбаха! «Почему она такъ глядитъ?.. Неужели же она?.. И почему я раньше...»

Болѣзненная тревога охватываетъ Маню. Соня мгновенно становится ей непріятной.

— Что-нибудь лирическое. Это именно вашъ жанръ,—говоритъ дядюшка. И роется въ нотахъ.

— Не надо! Я пою наизусть.

Нѣсколько сильныхъ, отрывистыхъ аккордовъ въ минорномъ тонѣ:

Я плакалъ во снѣ.
Мнѣ снилось, лежишь ты въ могилѣ.
Проснулся. И долго,
И горькія слезы я лилъ.

— Ахъ, этотъ Гейне!—шепчетъ дядюшка Сонѣ.—Кто бы могъ отъ еврея ждать такой утонченности души?

А рыдающіе звуки льются:

Я плакалъ во снѣ.
Мнѣ снилось, ты любишь другого!

О, какой вопль отчаянія! Ревности, больной и жадной... Какъ будто распахнулись внезапно двери въ чертоги чужой души. Чертоги, объятые пожаромъ. И всѣ глядятъ туда, потрясенные. Съ невольнымъ уваженіемъ къ чужому страданію.

Мгновеніе тишины. «Проснулся...» звучитъ чуть слышно. «И долго... И жгучія слезы я лилъ...»

Маня стискиваетъ руки. Выпрямившись, она озираетъ большими глазами всѣ лица. Какъ бы безсознательно ища помощи... Нѣтъ. Всѣ далеки отъ нея. Всѣ ей чужды. Одна... И этотъ пламенный лучъ между ними, который жжетъ ея душу...

«Путь къ счастью», говоритъ темный голосъ со дна. «Ты его знаешь...»

Она низко опускаетъ голову. Короткое, сильное дыханіе, какъ тогда, передъ истерикой, вырывается изъ груди ея.

А Штейнбахъ поетъ. Голосъ его растетъ, звучитъ торжествомъ и страстью. Какъ удары молота, какъ слова приговора тяжко падаютъ аккорды:

Я плакалъ во снѣ.
Мнѣ снилось, ты любишь, какъ прежде...

— Ахъ!—глухо срывается у Мани. Она встаетъ съ безумнымъ лицомъ, задыхаясь. Вдругъ сильно блѣднѣетъ. И бросается изъ комнаты.

А вслѣдъ несутся и догоняютъ ее побѣдные звуки.

Проснулся... И долго,
И сладкія слезы я лилъ...

Она бѣжитъ въ паркъ. Дальше и дальше. Отъ этого голоса. Отъ прошлаго, которое охватило ее жгучимъ кольцомъ.

Но куда уйти отъ *себя*?

Хаосъ взмылъ въ душѣ. Взмылъ темной, стихійной волной И въ немъ утонула ея свѣтлая, высокая любовь...

Она въ бесѣдкѣ. Лицомъ внизъ падаетъ на скамью.

Боже! Спаси ее отъ того, что надвигается, какъ буря!.. Гдѣ спасенье? Гдѣ?..

«Почему ты не ѣдешь?» кричитъ она въ темную даль. И со стономъ протягиваетъ руки. «Тебя нѣтъ со мной! А *онъ* тутъ...»

Она рыдаетъ. Отъ горя? Отъ страха?

Или это счастье переполнило душу? Счастье, отъ котораго дрожитъ сердце и трепещетъ каждая жилка тѣла? О, вздохнуть полной грудью! Хоть на минуту! Такъ давно не было радости... Она не можетъ безъ нея жить! Она не хочетъ!..

Она садится. Оглядывается въ темнотѣ.

Сколько времени прошло? Ночь... Въ паркѣ ни звука.

Звали ее? Или нѣтъ? Уѣхалъ онъ? Или еще здѣсь?

О, возможно ли, чтобъ онъ уѣхалъ! Сейчасъ? Послѣ всего, что онъ далъ ей?

Она озирается. Слушаетъ.

Все кругомъ дышитъ *прошлымъ*. Эта бесѣдка. Эта скамья. Колдуетъ ночь, запахъ травы и кустовъ. Эти липы слышали ея клятвы, его поцѣлуи... Некуда уйти... Спасенья нѣтъ...

На черномъ фонѣ неба горятъ огненныя слова:

МАНЯ БУДЕТЪ МОЕЮ.

Она смотритъ на нихъ. И смѣется радостно.

За плетнемъ фыркаетъ и глухо топочетъ лошадь.

Его лошадь? Значитъ онъ простился и уѣхалъ?

И вернулся опять...

Какъ тогда... Вчера?.. Давно?.. Ахъ, не все ли равно? Онъ тутъ. Онъ не могъ покинуть ее... Она ждетъ его... Какъ тогда... Какъ вчера?..

Все ушло. Приснилось... Все кануло въ вѣчность... Ея слезы... Страданія... Сейчасъ онъ войдетъ... Войдетъ Радость. Онъ обниметъ... Кто?.. О! Все равно! Лишь бы упасть въ бездну экстаза! Въ эту черную бездну, откуда звучатъ ей голоса, которыхъ ослушаться нельзя...

— Наконецъ!!

Крикнула она это? Или только подумала?

Она даетъ себя обнять. Лицо ея горитъ подъ его поцѣлуями. Кто?..Все равно! Могучими волнами врывается въ душу божественная радость. Она пьянитъ, какъ вино. Она гаситъ сознаніе... Она любитъ того, кто несетъ ей эту долго жданную радость...

Она плачетъ на его груди. И смѣется какъ въ истерикѣ. И гладитъ его лицо.

— Это ты, Маркъ!.. Ты? Наконецъ... Я ждала тебя... О, какъ я ждала!.. Какъ мнѣ холодно безъ любви и ласки! Я застыла... Умирала безъ счастья... Цѣлуй меня горячѣй!.. Скажи, что любишь... Дай мнѣ радость! Унеси меня въ волшебный міръ!..

Ночь молчитъ, притаившись, какъ загадочный звѣрь. Недвижны липы, стражи тайны. Тревожно и страстно трепещутъ золотыя очи вверху.

Въ смятенной душѣ вдругъ наступаетъ такая странная, свѣтлая тишина...

Ее пойметъ пилигримъ, который шелъ дни и ночи каменистой пустыней, ища своего бога. И упалъ, наконецъ, у желанной цѣли. Умирающій, но умиротворенный...

— Это любовь, Маня.

— Любовь...

— Все было сномъ.

— Сномъ...

— Насъ разлучитъ только смерть!

— Смерть...

Маня сидитъ на постели, въ своей свѣтелкѣ. Призрачное лицо зари прильнуло къ окнамъ. И будто спрашиваетъ: «А завтра? Что будетъ завтра?»

— Не знаю,—вслухъ говоритъ Маня.—Не знаю.

Черезъ дверь доносятся рыданія.

Кто тамъ за дверью?.. Плачетъ кто-то... Ахъ, Соня...

Маня входитъ и молча садится въ ногахъ. Платье ея отсырѣло. Коса растрепана. Она медленно плететъ ее и смотритъ на блѣдный разсвѣтъ. Лицо у нея нѣмое. Непонятное.

Соня взглядываетъ на нее съ болью. Отворачивается къ стѣнѣ и рыдаетъ еще сильнѣе.

Часъ назадъ, испуганная отсутствіемъ Мани, она пошла искать ее. Въ бесѣдкѣ она услыхала шопотъ, ея невнятный лепетъ, ея блаженный смѣхъ, это *ты* между ними... Какъ раненая, она бѣжала къ себѣ.

Маня молчитъ. У нея опять лицо и жесты лунатика. Что-то жуткое въ этомъ безстрастномъ молчаніи.

Соня садится на постели, съ распухшимъ лицомъ, съ спутавшимися волосами. Она цѣпко беретъ руку Мани, какъ будто хочетъ сдѣлать ей больно.

— Ну, объясни ты мнѣ теперь! Ради Бога, объясни!.. Кого же ты любишь, наконецъ? Вѣдь если ты играешь съ Штейнбахомъ?.. Это безбожно такъ лгать!

— Лгать?.. Развѣ я лгу?

— Ну, тогда что же? Такъ цѣловаться... можно только любя... любя... Понимаешь? Ты, значитъ, Штейнбаха любишь?

— Я его любила,—звучитъ загадочный, тихій отвѣтъ.

— Когда любила?

— Сейчасъ...

— А теперь?—вскрикиваетъ Соня.

Маня молчитъ. Она глядитъ въ бездонный колодезь своей души. Тамъ темно. Ничье лицо не смотритъ на нее изъ бездны. Тишина и мракъ. Надо лечь и заснуть. Наконецъ тишина!!

— Ну, что же ты молчишь?

— Не знаю... Оставь!

— А Нелидова ты любишь?

Маня съ усиліемъ вслушивается въ эти далекіе, ненужные вопросы.

— Я тебя спрашиваю: Нелидова ты разлюбила?

— За что?—звучитъ странный, неожиданный отвѣтъ.

— Я почему знаю, за что? Тебѣ лучше знать...

— Я его люблю...

У Сони срывается отчаянный жестъ.

— Богъ знаетъ, что такое! Да развѣ можно любить двухъ?

— Не знаю. Не мучь меня... Я устала, Соня... Прощай!

— Постой! Постой... Ну, а если Нелидовъ это узнаетъ? Не отъ меня, конечно. Я не предательница... Но... все случается.., Ты понимаешь, конечно, что онъ отречется отъ тебя. И будетъ правъ. Да!.. Я всегда была за свободу чувства... Но... то, что *ты* дѣлаешь, безнравственно, позорно... Этому имени нѣтъ... О, какъ я въ тебѣ разочаровалась!

Маня плететъ косу и неподвижно глядитъ въ окно.

Жуткое лицо... Да еще слышитъ ли она что-нибудь?..

Страхъ ползетъ въ душу Сони.

— Ну, а если Нелидовъ запретитъ тебѣ встрѣчаться съ Штейнбахомъ?.. Что ты смотришь на меня?.. Поняла ты или нѣтъ? Ты бросишь тогда Штейнбаха? Пожертвуешь имъ для Нелидова?

— Да...

— Что да?

— Всѣмъ, всѣмъ для него пожертвую...

У Сони вспыхиваютъ глаза.

— И тебѣ не будетъ жаль Штейнбаха?

Маня думаетъ что-то, заплетая и расплетая косу.

— Жаль?.. Нѣтъ. Не будетъ жаль... Нѣтъ...

— Убирайся, въ такомъ случаѣ! Убирайся!—запальчиво кричитъ Соня и ногами толкаетъ Маню въ грудь.—Тряпка! Возмутительная... Зачѣмъ же ты цѣлуешься съ Штейнбахомъ, если не любишь его?

— Зачѣмъ?—повторяетъ Маня, какъ во снѣ.—Не знаю...

Она встаетъ. Затихшая, жуткая, съ тяжелыми полузакрытыми вѣками. И идетъ въ свою комнату.

«Да она ли это?.. Точно больная. Какая-то чужая...»

Вдругъ по неуловимой ассоціаціи вспоминается мать Мани. Таинственная женщина, которую никто не видалъ.

Соня жмурится и крестится маленькими крестами.

Реакція начинается только днемъ. Маня просыпается къ полудню. Соня стоитъ надъ нею съ растеряннымъ лицомъ и трясетъ ее за плечо.

— Обѣдъ скоро. Ну, что ты не встаешь? Вѣдь догадаются. Я и такъ солгала, что у тебя голова разболѣлась...

О, какъ знакомъ ей этотъ первый взглядъ Мани! Затуманенный, безсознательный взглядъ дремлющей души. Сколько разъ, еще въ гимназіи, она видѣла это прекрасное, невинное выраженіе, когда будила дѣвочку. Безъ трепета Соня никогда не могла заглянуть въ эти зрачки. Ей чудилось, она видитъ въ нихъ лазурный лучъ. Какъ мостъ, по которому душа спускается на землю изъ райскихъ высотъ, гдѣ блуждала во снѣ...

Она чувствовала въ эти минуты, ярче даже, чѣмъ когда читала *Эмиля* Руссо, что безгрѣшенъ и чистъ приходитъ человѣкъ на землю. И только жизнь научаетъ его грѣху. И законы дѣлаютъ его преступнымъ.

Соня глядитъ, потрясенная. О, эти невинные глаза души, не знающей лжи и грѣха!.. Какъ послѣ такой ночи, послѣ такого *паденія* лицо можетъ отражать невинность души? Быть такимъ прекраснымъ?

Но это длится только мигъ. Сознаніе пробѣгаетъ, какъ молнія, по чертамъ и искажаетъ ихъ. Маня вскакиваетъ и хватаетъ себя за голову. Отвращеніе, страхъ, мольба въ огромныхъ померкшихъ глазахъ. О, жалкое, бѣдное личико!

Но... порокъ наказанъ. И Соня чувствуетъ удовлетвореніе.

— Что я надѣлала? Боже!.. Что я надѣлала?!

Она падаетъ лицомъ въ подушки.

Что это было вчера? Не сонъ? Нѣтъ?.. Вотъ эти руки, ея руки обнимали чужого человѣка? Ея губы горѣли подъ его губами? И тѣло ея отдавалось безъ любви?.. Откуда это навожденіе?.. Не она ли еще вчера утромъ рѣшила стереть прошлое? А вечеромъ своими руками затянула петлю надъ своей головой!

Она плачетъ такъ отчаянно, что Соня смягчается. Она даже готова простить. Но презрѣніе еще звучитъ въ ея тонѣ. Невольное презрѣніе нормальнаго человѣка къ выродженцу.

— Ну, довольно! Успокойся!.. На... Выпей воды!.. Ахъ, Маня!.. Маня... Легкомысленная ты стрекоза... Теперь возьми себя въ руки и будь холодна съ Штейнбахомъ! Скажи ему, что ты...

Маня вдругъ вскакиваетъ.

— Я его ненавижу! Ненавижу!.. Мнѣ нечего ему говорить... О, какое отвращеніе!.. Онъ не смѣетъ... Онъ не долженъ больше пріѣзжать...

Она вдругъ хватаетъ стаканъ съ водою и хлопаетъ его о-земь. Вода обливаетъ туфли Сони.

— Ты съ ума сошла?

Соня въ испугѣ кидается въ сторону.

— Да!..Да!..Да!..—бѣшено кричитъ Маня, топочетъ ногами и рветъ на себѣ волосы.—Я хочу убить его!.. Я хочу умереть...

— Ахъ, пожалуйста!.. Сдѣлай одолженіе!.. Умирай!.. Никто не заплачетъ...

— Я ему напишу, чтобъ ноги его не было здѣсь!

Но Соня багровѣетъ мгновенно, какъ отецъ.

— Посмѣй только! Посмѣй!.. Ты забыла, что я его... Развѣ ты одна на свѣтѣ? Ахъ! Всегда ты была такой!.. Но я не позволю тебѣ оскорблять его!.. Слышишь ты?.. Не позволю...

Это первая ихъ крупная ссора.

X.

— Маня!—кричитъ дядюшка, стоя у лѣстницы въ свѣтелку.—Иди. Поклонникъ пріѣхалъ...

Съ площадки сверху глядитъ на него стаявшее блѣдное личико съ огромными испуганными глазами.

— Кто?

— Эге!.. Вопросъ недуренъ... Который изъ двухъ, спрашиваешь ты? Летучій Голландецъ...

— Штейнбахъ?—кричитъ Соня. И кидается внизъ, оттолкнувъ Маню.

— И знаешь, душа моя? Онъ очень эффектенъ верхомъ. И чудная лошадь. Вчера я не обратилъ вниманія... Не хуже твоего Нелидова на сѣдлѣ. Ей-Богу!.. Поди-жъ ты! И почему мнѣ всегда казалось, что нѣтъ еврея, который не боялся бы лошадей и собакъ?

Маня сходитъ внизъ не скоро. Всѣ въ паркѣ. «Слава Богу!..»

Какъ она ни старается владѣть собою, но лицо ее выдаетъ. Штейнбахъ говоритъ съ дядюшкой. Онъ внезапно оборачивается на ея шаги. И, окинувъ ее всю однимъ острымъ взглядомъ, почтительно склоняется передъ нею. Соня, сощурившись, съ видомъ классной дамы, зорко слѣдитъ за обоими.

Вотъ Маня подняла рѣсницы. Ахъ! Если бы взгляды могли убивать, бѣдный Штейнбахъ лежалъ бы бездыханнымъ на пескѣ... О-о! Какъ она отдернула руку! Точно дѣйствительно дотронулась до жабы. Она даже не хочетъ скрыть брезгливости.

«Подлая дѣвчонка!..» думаетъ Соня. «Ну, погоди...»

— Маня!—какъ-то слащаво говоритъ Вѣра Филипповна.—Какое удовольствіе предстоитъ намъ всѣмъ! Маркъ Александровичъ справляетъ послѣ завтра день рожденія. И приглашаетъ насъ на пикникъ. Будетъ катанье въ лодкахъ, иллюминація...

— И фейерверкъ, душа моя. Фейерверкъ, который ты обожаешь... Будутъ ракеты, похожія на тебя,—смѣется дядюшка.

— Сядь, Маня! Соня, подвинься!—подхватываетъ Вѣра Филипповна, испуганная блѣдностью дѣвушки.—А въ которомъ часу соберемся, Маркъ Александровичъ?

— Къ семи, если вамъ удобно, я пришлю коляску.

— Да, пожалуйста... Въ нашей мы всѣ не умѣстимся... А кто же будетъ еще?

Штейнбахъ чуть замѣтно поводитъ плечами.

— Я никого не зову, Вѣра Филипповна. Кто вспомнитъ, тому я радъ...

— Ахъ, днемъ у васъ навѣрно визиты будутъ?

— Опять-таки я никого не жду. Я здѣсь человѣкъ новый. И я не знаю до сихъ поръ, какъ моя репутація адвоката по политическимъ дѣламъ послѣ 905-го года отразилась на моихъ отношеніяхъ съ... друзьями отца. Впрочемъ... я этимъ мало интересуюсь...

«Это возможно», думаетъ дядюшка, внимательно вслушиваясь въ тембръ его голоса. «Возможно, что ты не врешь. Да и на что тебѣ губернаторъ?.. И, вообще, шутъ тебя знаетъ, чего ради ты тутъ околачиваешься?..»

Дядюшка въ мысляхъ «про себя» допускаетъ иногда тривіальность выраженій. Даже любитъ ихъ. Оно точно вознаграждаетъ себя за неизмѣнную корректность на-людяхъ.

«Надо ѣхать днемъ и поздравить», соображаетъ онъ за себя и зятя. «Неловко. Все-таки сосѣди».

— А фейерверкъ вы изъ Кіева выписали, конечно?—спрашиваетъ онъ съ легкой дрожью въ голосѣ.

— Изъ Москвы.

Дядюшка усиленно куритъ... Если бы ему такое состояніе!.. Вотъ не умѣютъ жить люди...

Маня рѣшается поднять глаза.

Онъ сидитъ далеко, на краю скамьи. Согнулся и опять что-то задумчиво чертитъ на землѣ рукояткой хлыстика.

Господи! Что онъ еще тамъ пишетъ?

Она то и дѣло смотритъ на его профиль. На немъ другая шляпа. Не панама. Гдѣ-то она уже видѣла его въ ней. Когда?.. «Ахъ, не все ли равно!» сердится она на себя. «Что мнѣ за дѣло?»

И костюмъ на немъ другой. Плаща нѣтъ. Темный пиджакъ. Онъ въ немъ кажется тоньше. Очень идетъ!.. И гетры... Какія у него стройныя ноги!

Вдругъ... кровь кидается ей въ голову. Она вспомнила. Въ этомъ костюмѣ она видѣла его въ тотъ вечеръ... Послѣдній. Передъ отъѣздомъ. Боже! Какъ она была безумно влюблена тогда...

Сердце глухо стукнуло и точно остановилось. Волшебный вечеръ ихъ перваго сближенія, осіянный поэзіей и нѣгой, вдругъ встаетъ передъ нею. Словно сказка Шехеразады.

Какія краски! Сколько ослѣпительнаго свѣта въ каждомъ пережитомъ мгновеніи!.. Можетъ ли стать чужимъ тотъ, кто создалъ ей этотъ міръ?.. Сможетъ ли она позабыть его? Когда-нибудь забыть?.. Если да, то душа человѣка ничтожна.

Почувствовалъ онъ ея взглядъ? Ея мысли?.. Его рѣсницы быстро взмахнули. И глаза ихъ встрѣтились. На мигъ. На одинъ мигъ. Но какой вихрь поднялся вдругъ въ замученной душѣ Мани! Какъ будто пламенный лучъ его голоса, пронзившій вчера ея сердце, опять вышелъ изъ глазъ его. И коснулся ея души, какъ реальная, живая ласка...

«Нѣтъ! Нѣтъ... Этого не будетъ... Никогда больше не будетъ!» въ ужасѣ твердитъ она себѣ. И отворачивается. И рада бы убѣжать.

— Вотъ скоро ѣдемъ въ Москву,—говоритъ дядюшка.— Хочу пристроить ихъ на курсы, квартиру имъ найти...

— Если только за этимъ... Позвольте мнѣ, Вѣра Филипповна, быть полезнымъ Софьѣ Васильевнѣ...

— Я все равно ѣду! Я, знаете, обносился. Это меня удручаетъ. И потомъ... пора встряхнуться!

— Вы... вы развѣ тоже въ Москву ѣдете?—замирающимъ голосомъ спрашиваетъ Соня гостя.

— Я тамъ живу, Софья Васильевна. У меня тамъ дѣла.

«Какое счастье!..»

— Если заглянете, Федоръ Филиппычъ, я буду очень радъ,—говоритъ Штейнбахъ. Дядюшка краснѣетъ отъ удовольствія.

«Нѣтъ. Ты не поѣдешь, проклятый!» думаетъ Маня. «Я не позволю тебѣ меня преслѣдовать! И на что мнѣ твой фейерверкъ, твой пикникъ, твои милліоны, твоя любовь? Нелидовъ бѣденъ. И я люблю бѣдность. Чудную бѣдность!..»

— Вы скоро ѣдете?—вдругъ спрашиваетъ Штейнбахъ. Онъ спрашиваетъ Соню. Но Маня вздрогнула.

Уѣхать? Порвать то, что завязалось здѣсь, между ними? И жизни ихъ пойдутъ врозь?.. А тамъ одна?.. И вотъ этотъ... ненавистный... по ея пятамъ...

— Должно быть перваго...

— Я никуда не поѣду,—вдругъ говоритъ Маня.

— ...потому что курсы... Что такое? Что ты сказала?— вдругъ враждебно оборачивается Соня.

Но Маня очнулась и молчитъ, стиснувъ зубы.

— Некуда спѣшить. Раньше 15-го сентября ученье не начнется... Лик... Лидія Яковлевна всѣ порядки знаетъ...

— Конечно, некуда торопиться,—сердито подхватываетъ Вѣра Филипповна.—Тебѣ бы, Софья, только изъ дома вонъ!

Они поднимаются и идутъ ѣсть дыни и кавуны.

Маня позади. Вытянувъ шею, она глядитъ на землю.

Ничего... Какія-то линіи, кривыя, острыя, рѣзкія... «Когти дьявола...» думаетъ она, передохнувъ невольно.

Когда она поднимаетъ голову, Штейнбахъ идетъ съ дядюшкой позади. Они что-то говорятъ. «Не видалъ. Слава Богу!»

Вдругъ онъ оглядывается.

Ахъ, эта ненавистная, кривая улыбка! «Глупенькая, ты меня считаешь за идіота?» какъ будто хочетъ сказать его усмѣшка.

Вся кровь ея загорается... Убила бы его, кажется!

У террасы Штейнбахъ замедляетъ шагъ. Маня подходитъ.

— Я ненавижу васъ... Понимаете?.. Ненавижу... Не смѣйте даже глядѣть на меня!..

— Маня!—кричитъ Соня съ вызовомъ.—Ты не видала, гдѣ ключи отъ буфета?

— Этого никогда больше не будетъ между нами!.. И сейчасъ же уѣзжайте!.. Не мучьте меня... Я не могу васъ видѣть...

Онъ слушаетъ, мрачно, упорно глядя въ ея жалкое лицо. Онъ уловилъ нотку страданія. Этого довольно.

— Ваше слово—законъ,—говоритъ онъ. И приподнимаетъ шляпу.

Она бѣжитъ за террасу, на другой ходъ, чтобъ ни съ кѣмъ не встрѣчаться.

Боже мой! Боже мой! Она отдала бы всю кровь по каплѣ, чтобы видѣть сейчасъ дорогое лицо. Чтобы почувствовать любовь, которую утратила...

«Отчего же ты не ѣдешь? Вѣдь скоро конецъ... Всему конецъ...»

Топотъ звучитъ... Она кидается къ окну. И смотритъ, какъ Штейнбахъ скрывается за воротами.

Что за пиръ! Что за обѣдъ въ Липовкѣ! Объ этомъ полгода потомъ вспоминаютъ въ уѣздѣ.

Всѣ съѣхались. Губернаторъ изъ N***, предводитель дворянства, предсѣдатель земской управы, помѣщики-сосѣди. Всѣ, кромѣ Нелидова.

— Шельма какая!—разсказываетъ дядюшка, вернувшійся навеселѣ съ Горленко, совсѣмъ уже пьянымъ.—«Никого, говоритъ, не жду...» А пиръ?.. Ты не повѣришь, Вѣрочка! Это море шампанскаго... Лакали всѣ...

— Ахъ, Федя!

— Извини, душа моя!.. Сейчасъ это простительно... И чортъ его знаетъ, откуда онъ такой рейнвейнъ досталъ? У Леве, въ Москвѣ, нѣтъ такого. И быть не можетъ. Изъ-за границы выписываетъ, очевидно. Lacrima Cristi, душа моя... Букетъ!.. (Дядюшка цѣлуетъ кончики пальцевъ.) А закуски?.. Да. Онъ по-княжески угощаетъ, этотъ жидъ... То-бишь, еврей. Ахъ, Вѣрочка, у меня въ головѣ шумитъ...

— «Крамбамбули... Отцовъ наслѣдство!»—вдругъ реветъ Горленко, ударяя кулакомъ по столу.

— Тише, Вася!.. Тише! Ахъ! Убери ты его, пожалуйста! Я не хочу чтобъ его дѣвочки видѣли...

— Сейчасъ... Сейчасъ мы уйдемъ... И мнѣ надо отдохнуть передъ пикникомъ... И хорошо, что я фракъ догадался надѣть!.. А знаешь, Вѣрочка? Нашъ помпадуръ передъ нимъ какъ разсыпался! «Вашъ незабвенный отецъ... Въ память вашего незабвеннаго отца... Для блага кхая (края)...»—грассируетъ дядюшка, подражая губернатору.

— Да что такое? Не разберу!..

— Пріютъ ему нуженъ для дворянскихъ сиротъ въ N***. А денегъ, конечно, нѣтъ... Вотъ онъ и подъѣхалъ... Тысячъ двадцать отсыплетъ ему Штейнбахъ.

— Двадцать!—Вѣра Филипповна всплескиваетъ руками. Въ глазахъ ея жадный огонекъ.

— Душа моя! Да что для него двадцать тысячъ? Все равно, что для насъ съ тобой двадцать рублей...

У дядюшки фатовскія нотки. Онъ хорохорится. Давно у него не было такой суммы на удовольствія.

Вѣра Филипповна печально задумывается.

— Нѣтъ!.. Умѣетъ жить этотъ ж-ж... еврей... Умѣетъ, надо отдать ему справедливость. И отецъ его умѣлъ... И женщинъ любилъ. И толкъ въ нихъ зналъ...

„Ахъ ты, кума, не журись!“

...вдругъ подхватываетъ Горленко. И, покачнувшись, собирается пуститься въ плясъ.

Вѣра Филипповна выталкиваетъ ихъ изъ комнаты и запираетъ двери.

Пикникъ удался на славу. На этотъ разъ здѣсь и дамы, и барышни. И весь служащій персоналъ Липовки и Ельниковъ.

У дядюшки до сихъ поръ хмель не вышелъ. И онъ кружитъ, какъ коршунъ, около Лики. Даже шокируетъ сестру.

— Ты себя компрометируешь, Федя,—шепчетъ она.—За тебя Лизогубы и сейчасъ отдали бы Катю... А ты...

— Э... э... душа моя... Ты бы за Соней глядѣла... Она въ Штейнбаха уже по-уши...

— Ну, что ты глупости-то все говоришь?

И она съ тревогой глядитъ на дочь.

Дѣйствительно, сіяетъ. И хозяинъ не отходитъ отъ нея ни на шагъ.

Маня въ сторонѣ. Одна... Какъ-то странно, никому ненужная. Лѣзетъ къ ней студентъ Ткаченко и говоритъ сальности. Она не слушаетъ.

Она ревнуетъ... Это ужасъ! Но это такъ. Она ревнуетъ дико, безобразно, мучительно. Онъ не взглянулъ на нее ни разу. Какъ будто ее здѣсь нѣтъ... Это послѣ того, что было! Разочарованъ? Пресыщенъ?.. А она такъ вѣрила въ его любовь!.. Все могло исчезнуть. Все могло измѣнить... Его любовь должна была остаться...

Изъ лѣсу мужчины возвращаются подъ хмелькомъ отъ бенедиктина и шартреза, который они, по элегантному выраженію дядюшки, «лакали» вмѣсто чаю. Дамамъ были предложены crême de vanille и prâlines grillées. Всѣ навеселѣ. Даже докторъ Климовъ, желчный и задорный, забылъ свою ненависть къ «буржую» и отъ души флиртуетъ съ Катей Лизогубъ. Катя хохотушка всегда. А теперь она никому не даетъ раскрыть рта. Такъ и закатывается, такъ и машетъ руками. И чуть не плачетъ. До того ей смѣшно.

Дядюшка въ шутку жметъ локти Аттиллы. Она замахивается на него, сердится, вдругъ начинаетъ хохотать своимъ молодымъ внезапнымъ смѣхомъ. То и дѣло слышится колючій хохотъ Лики.

Одна Маня примолкла. Угрюмая, измученная.

По дорогѣ въ Липовку ихъ застаетъ ночь.

Паркъ уже иллюминованъ. Какъ гирляндами волшебныхъ

цвѣтовъ обвиты фонариками аллеи... Огни дрожатъ и струятся въ темной водѣ озера. Но отступилъ въ сторону на два шага, и тьма...

«Лика... Лика...» шепчетъ дядюшка. И тянетъ ее за руку.

— Куда?—грозно рычитъ Аттилла. А Лика хохочетъ, ничего не понимаетъ. «Рыбка безкровная...» думаетъ дядюшка.

Мамаши растеряли дочекъ въ темнотѣ и немножко волнуются.—Соня... Соня... Гдѣ она? Маня!

— Катя... Вы не видали, господа, мою Катю?

«Ахъ! Если бы онъ любилъ меня!» думаетъ Маня съ жгучей тоской. «Вотъ въ этомъ паркѣ, гдѣ мы встрѣтились... въ этомъ самомъ паркѣ... Обняться... Слиться такъ страстно... Хоть на одно мгновеніе утонуть въ радости!.. Такая тьма кругомъ!.. Такая чудная тьма...»

Она не хочетъ оставить ихъ вдвоемъ. Она идетъ за ними тѣнью. «А если онъ поцѣлуетъ ее, я кинусь въ воду...»

— Марія Сергѣевна,—слышится вкрадчивый голосъ Штейнбаха. Она чуть не падаетъ.

— Позвольте вашу руку! Здѣсь темно. Не оступитесь.

Онъ беретъ ея какъ ледъ холодную руку. И чувствуетъ, что она вся дрожитъ.

Наконецъ!.. Наконецъ!.. Какъ нищій ловитъ она намекъ на нѣжность въ его голосѣ... Или это опять одна любезность? Она ждетъ, чтобъ онъ прижалъ къ себѣ ея локоть... Нѣтъ. Онъ равнодушенъ. «Все равно!» думаетъ она съ отчаянной рѣшимостью. «Не оставлю ихъ вдвоемъ...»

И сама она не сознаетъ, что вцѣпилась въ его руку, какъ кошка. И держитъ. Губы Штейнбаха раздвигаются въ темнотѣ.

Вотъ и пристань. Вся горитъ огнями. Какія въ этомъ освѣщеніи у всѣхъ странныя лица! Чужія и дикія... «О, брови!.. Милыя брови!.. Неужели я не поцѣлую васъ, какъ прежде?..»

Десять лодокъ съ флагами и фонариками ждутъ.

Дамы ахаютъ, оступаются, теряютъ равновѣсіе, падаютъ въ объятія гребцовъ и визжатъ. Смѣхъ вспыхиваетъ еще ярче.

— Простите... На минутку!—нѣжно говоритъ Штейнбахъ, наклоняясь къ Манѣ. Она не понимаетъ. Онъ тихо освобождается и самъ отходитъ къ лодкѣ.

— Что ты на немъ повисла?—сквозь зубы шепчетъ Соня.—Безстыдница!

— А тебѣ какое дѣло?—Глаза Мани пылаютъ.

Дядюшка, Климовъ, Катя, Лика, Анна Васильевна, Вѣра Филипповна и Наташа Галаганъ въ одной лодкѣ.

Въ другой Штейнбахъ, Маня, Соня, молодой Ткаченко, Роза.

Лика поетъ. Звонко несется ея голосокъ по далекому озеру. Эхо парка повторяетъ звуки. Дядюшка такъ раскисъ, что забылъ о рулѣ. И лодка ихъ налетаетъ на другую.

— Отъ-то дурни!—кричитъ Горленко.—Какой тамъ бисовъ сынъ на рулѣ торчитъ?

— Ахъ!..Ахъ!Мы опрокинемся!—вопитъВѣраФилипповна.

Штейнбахъ на рулѣ. Съ одной стороны Маня. Съ другой Соня.

Опять эта Соня... Она вѣшается ему на шею. Какъ она блаженно смѣется! Глупый смѣхъ! «Сейчасъ вскочу... Накреню лодку, опрокину. Всѣхъ утоплю!..» Маня еле сдерживаетъ слезы.

— Маркъ Александровичъ! Спойте вы!—просятъ, кричатъ со всѣхъ лодокъ.

— Пожалуйста!—кокетливо говоритъ Соня.

Даже Лика умоляетъ. Такъ странно слышать нѣжность въ ея голосѣ. «Ахъ, счастливецъ!» думаетъ дядюшка.

— Что вамъ стоитъ подарить намъ сказку!—кричитъ онъ въ тьму.—Вы запоете. И мы всѣ будемъ любить...

— Будемъ любить!—хохочетъ Катя Лизогубъ.

Климовъ ловитъ ея руку и цѣлуетъ. Она покатывается. Охъ, какъ смѣшно! А еще «эсъ-декъ»!

Штейнбахъ бросаетъ руль и поетъ.

Все смолкаетъ кругомъ. Все слушаетъ напряженно. И люди. И липы. И звѣзды. И ночь.

Что поетъ онъ? Не все ли равно? Тутъ важны звуки. Тутъ важно чувство, которое стучится въ чужія сердца и будитъ въ нихъ трепетъ. Жизнь стала сказкой. Всѣмъ хочется счастья. Всѣхъ томитъ жажда красоты. Забвенія вещей. Души дрогнули отъ порывовъ, которымъ нѣтъ предѣла. Отъ желаній, которымъ нѣтъ имени.

По лицу Мани бѣгутъ слезы.

Штейнбахъ тихонько въ темнотѣ находитъ ея руку. Какое робкое, милое прикосновеніе! «Я не противенъ тебѣ?» спрашиваетъ это пожатіе. И пальцы ея, впиваясь въ его ладонь, страстно отвѣчаютъ: «Твоя... Твоя...»

Взрывъ апплодисментовъ разносится по озеру. Эхо хлопаетъ и стрѣляетъ въ паркѣ.—Bravo!.. Еще!.. Bis!.. Bis!..

— Удивительно талантливые эти евреи!—восклицаетъ растроганная Аттилла.

— Это у нихъ отъ вырожденія,—говоритъ ревнивый дядюшка.

— Можно пожалѣть въ такомъ случаѣ, зачѣмъ вырожденіе дворянства не вылилось именно въ такихъ формахъ,—подхватываетъ Климовъ. Всѣ хохочутъ. Лика всѣхъ веселѣе.

— Маркъ Александровичъ! Еще о любви! Мы спустились на землю. И ссоримся!..

Повій витре на Вкраину!

...затягиваетъ вдругъ увлекшійся Горленко.

— Тише!.. Тише!.. Потомъ...

И Штейнбахъ поетъ вдохновенный гимнъ любви.

Долго несутся послѣднія высокія ноты надъ гладью озера. И теряются въ торжественномъ молчаніи парка.

— Ахъ, Лика!—какъ глубокій вздохъ, срывается у дядюшки. Онъ жметъ ея руку. И на этотъ разъ дѣвушка не смѣется.

И никто не смѣется. Не споритъ. Все такъ ничтожно передъ тѣмъ, что этотъ голосъ бросилъ, какъ заклятіе, въ темную ночь. Передъ тѣмъ, что вошло въ душу.

Бездумная, безвольная внимаетъ Маня голосамъ, что звучатъ опять *тамъ*... на днѣ. Безъ оглядки, безъ сомнѣній. Какъ эта нѣмая ночь, какъ эти черныя липы каждая капля ея крови вбирала въ себя звуки голоса Штейнбаха. И отдавала ихъ назадъ, какъ эхо парка, въ бурной волнѣ, въ жадномъ трепетѣ сердца. Теперь все ясно. Въ такую ночь долженъ былъ кто-нибудь пѣть о любви!.. Пѣть гимнъ жизни. И когда Штейнбахъ кончилъ,—она это уже знала темнымъ опытомъ души,—долженъ былъ зазвучать другой голосъ изъ сокровенныхъ глубинъ ея *я*. Она уже слышала его два раза. И онъ повелъ ее къ счастью. Слѣпую и опьяненную. Но и въ слѣпотѣ и въ опьяненіи свѣтилъ ей этотъ путь. И она знала, что дѣлаетъ...

Такъ будетъ и теперь. Иначе быть не можетъ.

Сладкая истома безволья сковала ее цѣпью. Но это не рабство. Въ душѣ чудится трепетъ крыльевъ, готовыхъ взмахнуть. «Любовь—мгновеніе...» Пусть!.. Этотъ мигъ вмѣщаетъ Вѣчность.

Вдали, гдѣ лужайка, вспыхиваетъ искра. И вдругъ ночь содрогается отъ оглушительнаго взрыва. Снопъ огня разлетается вверху. Визги женщинъ. Крики. Восклицанія мужчинъ.

— Это буракъ, господа!..

— Ей-Богу, думалъ, шимоза!.. Душа ушла въ пятки...

— Японца вспомнили... Хе!.. Хе!..

Первая ракета, какъ огненный змій, съ зловѣщимъ шипѣньемъ взмываетъ въ черную высь...

Дамы волнуются, кто въ восторгѣ, кто въ испугѣ.

— Ахъ! Ахъ!—кричитъ Лика. И тотчасъ смѣется своему страху.

Ослѣпительные метеоры гордо взлетаютъ одинъ за другимъ. И гаснутъ. Палки падаютъ стремительно въ воду и шипятъ.

— Рядомъ упала! Рядомъ... Господа! Отъѣзжайте дальше!—кричитъ Вѣра Филипповна.

Лодки прячутся около островка, подъ нависшими вербами.

Все небо горитъ отъ ослѣпительнаго потока. Римскія свѣчи распадаются вверху букетомъ цвѣтныхъ огней. Безмолвно умираютъ они. И бархатная тьма кажется еще глубже.

— Маня, это ты!—смѣется дядюшка.

— Какъ красиво!—восторгается Аттилла. Она и Лика сейчасъ такъ просты обѣ, такъ непосредственно наслаждаются! Молодость беретъ свое.

Горленко крякаетъ и мотаетъ головой.—Ну... ну...

— Изъ Москвы выписалъ, съ техникомъ вмѣстѣ,—говоритъ экономъ Ермоленко.—Съ курьерскимъ. Больше тысячи стоитъ.

— Отъ-то, дурень! Карбованцевъ не жалѣетъ!

— А на кой бисъ ему жалѣть ихъ?

Горленко чешетъ за ухомъ.

Вонъ огненная мельница завертѣлась на берегу. Чудовищное колесо. Ливень золотыхъ искръ... Каждая искра деньги.

— Вотъ какъ жгутъ деньги-то!—шепчетъ Лизогубъ.

«И для чего?» думаетъ Горленко. «Все для дивчины. А много она видала? И мало ли ихъ на свѣтѣ, такихъ?.. Э-эхъ-ма!..»

Фейерверкъ длится около часу.

Какъ околдованные, примолкшіе и утомленные избыткомъ впечатлѣній, гости идутъ въ палацъ.

Онъ залитъ огнями. Всѣ окна настежъ. Группа безмолвныхъ лакеевъ, одѣтыхъ въ ливреи, неподвижно ждетъ на террасѣ.

— Фу, чортъ!—говоритъ Климовъ. И плюетъ.

— Молчите ужъ!—шипитъ Аттилла. И сверкаетъ на него бѣлками.—Пришли, такъ и молчите!.. Ваши чувства намъ извѣстны...

— Кажется, я не съ вами говорю, Анна Васильевна?

Лика хохочетъ.

— А это кто?—спрашиваетъ Горленко эконома, показывая

на представительнаго брюнета во фракѣ и съ брилліантовымъ кольцомъ на мизинцѣ.

— Это метръ д'отель. Французъ. Тоже изъ Москвы.

— Да ну? А я думалъ, его родственникъ. Я нынче съ нимъ днемъ за руку здоровался.

Всѣ хохочутъ.

— А гдѣ сумасшедшій дядя?—спрашиваетъ Ткаченко.— Куда онъ его запряталъ?

— А бисъ его знае!

— А ну какъ войдетъ, да и начнетъ вокругъ стола шабашъ справлять?

И опять хохочутъ. Смѣхъ злой. Завистливый. Полный презрѣнія.

— Да это прямо Лукулловскій пиръ!—громко говоритъ дядюшка, обозрѣвая двухсвѣтный залъ, обращенный въ столовую.

— Какое, въ сущности, безобразіе!—шепчетъ Лика.

Но дядюшка беретъ съ вазы персикъ и кладетъ на ея тарелку.

— О принципахъ потомъ. А теперь будемъ наслаждаться. Хотите шампанскаго, Лика? Вы его любите?

— Никогда не пила...

— И мнѣ давайте!—вдругъ говоритъ учительница. Хмурясь, ставитъ съ размаху на столъ свой бокалъ. И вдругъ краснѣетъ. И внезапно хохочетъ, добродушно и непосредственно.

— Чему вы?—ядовито улыбается дядюшка.

— Нѣтъ, онъ такъ поетъ, что ему можно все простить...

— Простить?.. А чѣмъ же онъ предъ вами виноватъ, господинъ Фребель?

Учительница машетъ на него рукой. И хохочетъ. Шампанское она пьетъ большими глотками, точно квасъ.

«О, скиѳъ!» думаетъ дядюшка.

Лика пьетъ одинъ бокалъ. Другой. И быстро пьянѣетъ.

«Теперь она глупенькая и очаровательная», рѣшаетъ дядюшка.

Маня пьетъ мрачно и сосредоточенно.

«Какъ пьяница», думаетъ Штейнбахъ. Онъ тихонько отставляетъ отъ нея ликеры. Зачѣмъ ему ея опьяненіе? Такая побѣда не имѣетъ цѣнности.

Къ концу ужина, кромѣ хозяина, нѣтъ ни одного трезваго за столомъ. Даже у Сони кружится голова. Даже у Розы пылаетъ лицо. Всѣ говорятъ разомъ, другъ друга не слушая.

Маня молчитъ. Она глядитъ въ свою душу. Она слушаетъ ея голоса. Таинственные процессы совершаются въ глубинахъ ея

существа. Умираетъ Маня, которая днемъ была полна сомнѣній, раскаянія, тревоги. Встаетъ другая. Загадочная, темная, сильная.

Штейнбахъ зорко слѣдитъ за ея лицомъ. Оно уже другое. Вдохновенное словно. Глаза углубились. Когда онъ видѣлъ ее такою? Ахъ! Вспомнилъ... Въ тотъ вечеръ... Она плясала...

Подаютъ кофе и сифоны.

— Покажите мнѣ домъ. Ваши картины,—говоритъ Соня.

Штейнбахъ встаетъ. Маня безсознательно поднимается, глядя на него.

О, этотъ наивный взглядъ сверкающихъ глазъ! На мгновеніе Штейнбахъ теряется. Обѣщаніе блаженства глядитъ на него изъ темныхъ очей. Они говорятъ: «Твоя!..»

— Ваши руки, mesdames!..

Втроемъ они обходятъ палацъ.

Штейнбахъ опять не глядитъ на Маню. Опять занятъ Соней. Но что до того? Ревности уже нѣтъ. Той,—*другой*—темной, но сильной,—все понятно. Все ясно теперь.

— Ахъ, Маркъ Александровичъ!—говоритъ Соня, стоя предъ дверями кабинета.—Я не забуду этого вечера... Вы такъ пѣли...

Онъ цѣлуетъ ея руку.—Вы ангелъ!—говоритъ онъ.—Вы мой единственный другъ въ станѣ враговъ.

Маня видитъ этотъ поцѣлуй. Видитъ экстазъ въ лицѣ Сони. Но глаза ея все такъ же глубоки. Такъ же вдохновенно лицо. Все ничтожно, все безсильно передъ тѣмъ, что связало ее съ Маркомъ навсегда!

Они въ кабинетѣ.

Штейнбахъ оглядывается. И молча смотритъ на Маню.

Кольцо воспоминаній сомкнулось.

Она стоитъ недвижно. А память безмолвно и быстро ткетъ свою паутину. И обволакиваетъ цѣпенѣющее сознаніе.

Развѣ между *сейчасъ* и тѣмъ, что пережито здѣсь, въ тотъ вечеръ, было *что-то?* Что-нибудь реальное? Что-нибудь цѣнное?

Какъ призракъ, какъ тѣнь тѣни проносится предъ нею картина: Лихой Гай, жестокое лицо Нелидова, смятеніе непонятой души. Ея робкія слезы. Убогая рамка любви.

Гордая улыбка скользитъ по ея лицу.

Сюда велъ ее темный голосъ души. Въ эту комнату, гдѣ тайны жизни открылись передъ нею. Гдѣ упали ея первыя слезы. Откуда взлетѣлъ къ небу ея торжествующій, радостный крикъ.

— Какая дивная вещь! Откуда этотъ шкафчикъ?—какъ сквозь сонъ, доносится къ ней голосъ Сони.

Свѣтаетъ.

Гости поднимаются изъ-за стола. Безпорядочной толпой высыпаютъ на террасу.

Штейнбахъ не отходитъ отъ Мани. Онъ ждетъ.

Подъ тяжелыми шагами хруститъ гравій. Шумная толпа подвигается къ чугунной рѣшеткѣ, за которой ожидаютъ ее экипажи. Матери ищутъ дочерей и волнуются... Свѣтло только тамъ, куда падаетъ яркій свѣтъ электричества отъ фонарей. За этимъ кругомъ мгла.

— А гдѣ Маня?—тревожно спрашиваетъ Соня.—Маня!.. А-у!..

— Да найдется. Не булавка... Чего кричишь?—сердито останавливаетъ ее отецъ. Онъ ужъ успѣлъ всхрапнуть въ коляскѣ. Онъ такъ усталъ.—Ступай, Петро... что-ли?

— А какъ же Маня?

— Ее Федя довезетъ,—успокаиваетъ замученная въ конецъ Вѣра Филипповна.

— Не хочу спать! Хочу кататься!—говоритъ «глупенькая» Лика.

Дядюшка усадилъ ее въ чужой шарабанъ. «Э... пусть! Вотъ только свернуть въ аллею. Живо домчимъ назадъ...»

И не успѣваетъ шарабанъ свернуть на проспектъ, какъ онъ бросаетъ вожжи. Поворачиваетъ къ себѣ лицо дѣвушки и жадно цѣлуетъ ея губки.

Лика не сердится. Она хохочетъ. И онъ поневолѣ долженъ цѣловать ея зубы.

Маня у двери террасы.

Штейнбахъ вкрадчиво беретъ ея руку.

«Да!.. Да!.. Да!..» говоритъ ея вдохновенное лицо, говорятъ ея глаза, ея алыя губы. О, мучительная жажда радости! Упасть скорѣе въ бездну, что глядитъ изъ его очей...

Онъ сжимаетъ кисть ея руки. Внезапно отклоняется назадъ. Тяжелая портьера падаетъ за ними.

— Маркъ... Маркъ... Какое блаженство!

— Это любовь, Маня.

— Любовь...

— Все было сномъ.

— Сномъ...

— Насъ разлучитъ только смерть...

— Смерть...

XI.

— Телеграмма, Маркъ Александровичъ,—говоритъ лакей, стучась въ кабинетъ Штейнбаха.

— Войдите...

Онъ разрываетъ листокъ.

«Выѣзжайте немедленно. Ваше присутствіе необходимо. Андрей».

Онъ долго сидитъ у стола, недвижно глядя на клочки изорванной бумаги у его ногъ.

Положительно судьба противъ него! Уѣхать теперь? Послѣ того, что было вчера? Самому отогнать счастье, которое стоитъ у дверей?

Если презрѣть все?..

Но люди, какъ Андрей, не станутъ вызывать его по пустякамъ. Что-то случилось. Онъ одинъ можетъ выручить...

Онъ встаетъ и ходитъ по комнатѣ. Ходитъ до изнеможенія.

Что вернетъ ему утраченныя возможности?

Черезъ полчаса онъ звонитъ.

— Приготовьте чемоданъ. Ѣду курьерскимъ въ Москву. Постойте...

— Слушаю-съ...

Штейнбахъ глядитъ въ окно, кусая губы.

— Если здѣсь будутъ спрашивать... Кто-нибудь придетъ... Скажите... я вернусь черезъ двое сутокъ. Понимаете? Черезъ двое сутокъ,—повторяетъ онъ звукомъ выше.—Скажите, что я уѣхалъ по очень важному дѣлу. И черезъ двое сутокъ буду здѣсь...

Нелидовъ пріѣзжаетъ въ Лысогоры на третій день послѣ пикника. Онъ постарѣлъ словно. Румянца нѣтъ. Даже загаръ поблѣднѣлъ. Глаза ушли далеко, и на всѣхъ глядятъ надменно и жестко.

— Почему вы запропали?—хоромъ кричатъ хозяева, поднимаясь ему навстрѣчу изъ-за чайнаго стола.

— Болѣлъ.

— Неужто?

— То-то вы такъ осунулись!

— Развѣ осунулся?—спрашиваетъ Нелидовъ. И глядится въ зеркало.

— Будетъ вамъ его пугать, Вѣра Филипповна!—желчно смѣется докторъ Климовъ, обѣдавшій въ Лысогорахъ.—Ужъ

и такъ мнителенъ человѣкъ! Удивляюсь, какъ это можно такъ цѣпляться за жизнь?

— Она у насъ одна,—возражаетъ Нелидовъ и высоко поднимаетъ брови.

— И мнѣ кажется, что это вполнѣ нормальное чувство,— подхватываетъ дядюшка. Онъ Климова не терпитъ.

— Въ должной мѣрѣ, Федоръ Филиппычъ... Въ должной мѣрѣ. Въ противномъ случаѣ это уже есть психозъ.

— Я не трусъ, г. Климовъ. На войнѣ и на дуэли я сумѣю встрѣтить смерть лицомъ къ лицу. Но безсмысленной гибели я хочу избѣгнуть.

— Bravo!.. Bravo!..

— А что у васъ было?—торопливо перебиваетъ хозяйка.

— Жаба...

— Только и всего!—подхватываетъ Климовъ.—А г. Нелидовъ вообразилъ, что дифтеритъ...

— Одно только изслѣдованіе можетъ это опредѣлить. За границей...

— Виноватъ, г. Нелидовъ... Заграница, вы сами изволите говорить, намъ не указъ. А земскому врачу нетрудно наметать глазъ въ этихъ случаяхъ. Сотня человѣкъ въ день перебываетъ... А то и больше... Гдѣ за границей такая практика у заурядпаго врача? Ну, да что говорить! Меня—неуча выгнали. Человѣка въ N*** погнали съ слизью... Мерчанскаго выписали... Мамаша въ обморокъ... И Боже мой!.. А вышло все-таки по-моему: обыкновенная жаба...

Соня зло смѣется. «Жаль, что Мани здѣсь нѣтъ!..»

— А какъ насчетъ Дубковъ?—хмуро перебиваетъ Горленко.—Собираетесь продать?

— Усадьбу ни за что!.. Землю возможно, если дадутъ хорошую цѣну.

— Ишь какъ небрежно говоритъ!—шепчетъ Климовъ, наклоняясь къ Сонѣ.—А самъ, даже въ постели лежа, все волновался. Продешевить боится.

— Тише, ради Бога!.. Услышитъ...

Но Нелидовъ теперь уже не замѣчаетъ Климова. Смотритъ поверхъ головы его. Чувствуется, что и возражать ему не будетъ.

Выпивъ стаканъ чаю, онъ встаетъ.

— Василій Петровичъ, я, вѣдь, къ вамъ по дѣлу. Вы можете мнѣ удѣлить минуту?

— А еще бы!

Горленко оживленно встаетъ. Они запираются въ кабинетѣ.

Входитъ Маня. Она запыхалась. Въ волосахъ и рукахъ у нея водяныя лиліи. Башмаки и подолъ въ росѣ.

— Гдѣ ты пропадала?—подозрительно спрашиваетъ Соня.— Опять на болотѣ? Попадешь въ трясину когда-нибудь!

Нелидовъ сидитъ недолго. Когда они выходятъ изъ кабинета, у Горленко лицо красное и виноватое.

Нелидовъ холодно щурится на Маню, какъ на чужую. Сухо цѣлуетъ ея руку. У нея жалкое лицо преступницы, пойманной съ поличнымъ.

Забывъ самолюбіе и осторожность, она бѣжитъ за нимъ на крыльцо, опережая хозяевъ на полминуты.

Петро подводитъ лошадь.

Нелидовъ вдругъ оборачивается. Лицо у него больное. Даже губы бѣлыя.

— Вы очень веселились на пикникѣ?—сквозь зубы спрашиваетъ онъ. И сбѣгаетъ со ступенекъ.

Черезъ мгновеніе онъ скачетъ, не оглядываясь. Онъ безпощадно хлещетъ горячую лошадь, рискуя, что она его сброситъ.

Маня недвижно стоитъ на крыльцѣ.

Все пропало. Онъ не проститъ.

— Вотъ такъ гусь!—говоритъ Климовъ, глядя на пыль, вьющуюся по дорогѣ.

Горленко ерошитъ волосы и шумно отдувается.

— Жидовскаго пикника простить намъ не хочетъ... Я такъ понимаю,—говоритъ онъ вдругъ. И чешетъ за ухомъ.

Дядюшка смѣется.—Эге! Да онъ съ нами, какъ съ вассалами обращается!

— Подождите,—подхватываетъ Климовъ.—А продастъ землю, уѣдетъ въ Петербургъ. Голыми руками его не возьмете...

— И то собирается ѣхать...

— Куда?—вскрикиваетъ Вѣра Филипповна.—А какъ же заводъ?

— Что ему теперь заводъ, когда онъ не нынче-завтра разбогатѣть можетъ?

— Ну, положимъ, я ничуть не горюю... Какіе вы заводчики? Что вы понимаете?

— Прогорите черезъ годъ,—дразнитъ Климовъ.—И кончится тѣмъ, что Лысогоры пойдутъ съ молотка. Нелидова-то братцы петербургскіе выручатъ... А васъ кто?

Поднимается споръ.

XII.

Отъ Мани Нелидову.

«Вы, конечно, подумаете: Сумасшедшая, невоспитанная «дѣвчонка... Ахъ, мнѣ все равно! Я такъ изстрадалась, такъ «устала!.. Мнѣ уже нечего терять. Но сейчасъ я услыхала, что «вы уѣзжаете... Куда? Когда?.. Неужели мы уже не свидимся? «Вѣдь и я уѣду черезъ какую-нибудь недѣлю.

«Говорятъ, горе старитъ. Мнѣ теперь значитъ сто лѣтъ. «Потому что радость отлетѣла давно...

«Нѣтъ, не то. Гдѣ мнѣ найти слова, чтобъ коснуться ими «вашей души?

«Николенька, любили ли вы меня хотя-бъ одно мгновеніе? «Боюсь, что нѣтъ. А если такъ, то васъ не тронутъ ни мои «мольбы, ни эти слезы, которыя,—простите,—дѣлаютъ мое «письмо такимъ неряшливымъ...

«Ахъ, знаю, что я не стою вашей любви!.. Вы—сказочный «принцъ, какимъ былъ Янъ. А я Золушка. И я никогда не выйду «замужъ. Это завѣтъ Яна. И если вы хоть на мгновеніе думали «объ этомъ, забудьте, Николенька! Я не знаю, изъ какой я семьи? «Нормальна она или нѣтъ? Что вамъ до того? Я хочу только «любить васъ. Я такъ немногаго прошу отъ васъ, Николенька. «Не нужно даже того, что было тогда... Хотите, я скажу правду?.. «*Я этого не хотѣла*...

«Вы мнѣ страннымъ образомъ напоминаете Яна, мою первую «любовь. Нѣтъ, скорѣе, предчувствіе любви... Потому что все, «что смерть отняла у меня тогда, всѣ невысказанныя слова, «всѣ неоформившіяся грезы, всѣ ласки, что дрожали въ моемъ «сердцѣ и искали выхода,—все отдала я вамъ, моему Един- «ственному...

«У меня такія странныя желанія. Я представляла себѣ любовь «(съ вами, потому что о васъ я мечтала еще въ дѣтствѣ) какой- «то дивной связью душъ. Какъ у дѣтей и у ангеловъ. Я мечтала «сидѣть часами рядомъ, обнявшись, положивъ голову на вашу «грудь. Слышать біеніе вашего сердца, чувствовать ваши губы «на моихъ вѣкахъ и волосахъ, щекой касаться вашего пу- «шистаго милаго лица. Сколько красоты въ этихъ утонченныхъ «ласкахъ! Міръ поэзіи. Николенька, подарите мнѣ мои свѣтлыя «грезы! Вѣдь это такъ немного для васъ!

«Теперь, когда душа моя раскрылась вся; когда я, встрѣтивъ «васъ, выросла на голову,—я поняла сладость любить. Не быть

«любимой, а любить самой, Николенька. Я ставлю крестъ на «прошломъ. Я живу съизнова. Я была русалкой безъ души. «Любовь къ вамъ сдѣлала меня женщиной. Въ моей натурѣ, «эгоистичной, упрямой, причудливой и непокорной, открылся «кладъ. Это нѣжность. Не знаю, такъ ли любитъ мать свое дитя? «Но и я, какъ ребенка, хотѣла бы оградить васъ отъ горя. Хо«тѣла бы вырвать у судьбы ваше счастье, даже отдавъ въ вы«купъ всю мою кровь, до послѣдней капли... Маленькій мой, «чувствуете ли вы эту великую *жалость* къ вамъ? Я плачу... «Но это счастливыя слезы. Вы дали мнѣ ихъ. И я не смогу ни «забыть, ни разлюбить васъ. Ваши обиды, ваши оскорбленія... «Я ихъ предчувствую. Прощаю ихъ вамъ заранѣе!

«Когда я любила Яна, жизнь казалась мнѣ дорогой, залитой «солнцемъ. Мы идемъ съ нимъ рука объ руку въ золотую даль. «А цвѣты киваютъ намъ головками. И жаворонокъ поетъ намъ «высоко вверху нашъ свадебный гимнъ.

«Но почему я никогда даже во снѣ не вижу себя и васъ «идущими рука объ руку по такой дорогѣ? Почему чувство мое «соткано изъ грусти? И не потому ли люблю я васъ такъ без«завѣтно, что въ моей жизни вы мелькнете, какъ греза?

«Но что я буду дѣлать безъ васъ, Николенька?

«Переживаетъ ли мать смерть сына? Поэтъ—утрату вдохно«венія? Захочу ли я жить въ пустынѣ?

«Если-бъ я имѣла отъ васъ ребенка! Съ такимъ же лицомъ, «съ такими же ручками! Васъ, Николенька, въ миніатюрѣ! Быть «можетъ, я пережила бы тогда разлуку и ваше охлажденіе...

«Я не знаю, чего вы отъ меня хотите, чего потребуете. Я— «ваша. Только одного не надо: обязательствъ. Будемъ уважать «любовь, которая насъ избрала изъ тысячи другихъ. Это боже«ственная тайна, Николенька. Преклонимъ передъ нею колѣни. «Нѣтъ *вчера*. Нѣтъ *завтра*. Не будемъ искушать судьбу! Я бо«юсь, Николенька. Я боюсь...

«Любите меня, какъ *Голо* полюбилъ *Мелизанду!* Онъ нашелъ «ее въ лѣсу. Что зналъ онъ объ ея прошломъ? Но онъ прижалъ «ее къ сердцу, полному святого состраданія. И развѣ тайна мѣ«шала его счастью?

«Можете вы меня такъ любить, Николенька? Безъ вопро«совъ? Безъ сомнѣній?

«Нынче, въ полночь я жду васъ... Это часъ привидѣній. «Кончена реальная жизнь. Колдуютъ невѣдомыя силы... Я вѣрю «въ нихъ. Боги не умерли еще на землѣ... Пусть они нашепчутъ

«вамъ сладкія чары! Пусть опьянятъ васъ воспоминаніями!.. Вы «придете, Николенька, если вы меня хоть чуточку любите. Пріѣдете верхомъ по старой дорогѣ, къ большому тополю. Я васъ «встрѣчу и проведу въ бесѣдку. Никто насъ не увидитъ. Никто «насъ не услышитъ. Мы забудемъ условности. Мы будемъ, какъ «боги. Сказка свершится...» Ваша Мари.

. . . . . .

«Ты получишь это письмо днемъ. Быть можетъ, сомнешь его «и гнѣвно скажешь: нѣтъ! Но подожди до ночи...

«Ночью умираетъ наше *я*, которое днемъ жило, страдало, бо«ролось и каялось. Ночью живетъ наше другое *я*, котораго мы «не знаемъ, котораго мы боимся. Но оно сильнѣе насъ. Оно «прекрасно, ярко. Оно непобѣдимо. О, я это знаю, Николенька! «Я это знаю теперь...

«Перечти это письмо вечеромъ. Выйди на дорогу и посмотри «вверхъ... Глядѣлъ ли ты когда-нибудь въ звѣздное небо? Не «мелькомъ, какъ смотрятъ всѣ кругомъ. А долго и пристально? «Тогда тебѣ знакомъ трепетъ передъ Безконечнымъ.

«Погляди на звѣзды. И пойми, какъ коротка наша жизнь, «какъ мимолетно счастье...

«Николенька, ты придешь!

«Жду тебя! Жду...»

И онъ ѣдетъ.

Какъ можетъ онъ не ѣхать? Эта бумажка, облитая слезами, вся въ кляксахъ, такая смѣшная, съ дѣтскимъ страннымъ почеркомъ,—взбудоражила, поставила въ его душѣ все вверхъ дномъ. Онъ, какъ живую, чувствовалъ ее на своей груди весь день. Она жгла его пальцы, когда онъ ее читалъ и перечитывалъ.

«Да. Она психопатка. Несомнѣнно. Какая зрѣлость чувствъ! Какая глубина мысли въ такомъ ребенкѣ!.. Но что мнѣ дѣлать, когда я люблю ее?»

«Буду трезвъ и суровъ», говоритъ онъ себѣ, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, когда старый тополь выступаетъ изъ мглы. «Если она въ аффектѣ, то, вѣдь, я-то нормаленъ и умѣю держать себя на уздѣ... Я скажу ей нынче, что если...»

— Это ты!—летитъ навстрѣчу страстный звенящій крикъ.

Лошадь встала на дыбы.

— Мари! Назадъ!.. Она убьетъ васъ...

Онъ поворачиваетъ и скачетъ, какъ бѣшеный.

Она улыбается во тьмѣ, прижавъ руку къ сердцу.

Онъ вернется. Вернется Счастье.

Да... Вотъ и онъ. Ѣдетъ шагомъ. Остановился. Соскочилъ... Идетъ... «О, эти милые, легкіе и твердые шаги! Такая характерная походка...»

— Мари!.. Это безуміе...

— Молчите!.. Цѣлуйте меня!.. Дайте ваши глаза!..

— А если насъ встрѣтятъ?

— Кто?.. Русалки на греблѣ?.. Онѣ не разскажутъ. Вы видите, какая ночь? Луны нѣтъ. Огней нѣтъ. Всѣ спятъ.

— Говорите тише!.. Ради Бога!

У обвалившагося плетня она шепчетъ:

— Привяжите вашу лошадь вотъ къ этому дереву... Теперь дайте руку! Идите за мной...

— Какъ можете вы видѣть въ такой тьмѣ?

Она смѣется блаженнымъ смѣхомъ.

— Гдѣ мы?—спрашиваетъ онъ, озираясь.

— Это бесѣдка. Не пугайтесь! Вѣтка задѣнетъ васъ сейчасъ по лицу. Я отстраню ее... Теперь входите... Все прямо. Вотъ скамья...

Она вдругъ опускается передъ нимъ на колѣни и обнимаетъ его ноги.

У него чувство, какъ будто лавина обрушилась на его мозгъ.

— Что вы дѣлаете? Встаньте!

— Нѣтъ!.. Мнѣ хорошо такъ... Это моя мечта № 1-й... Ха!.. Ха!.. Я ее вамъ не уступлю, Николенька. Сидите смирно!.. Не мѣшайте мнѣ! Развѣ вамъ плохо такъ?.. Вотъ я обняла ваши стройныя ноги. Онѣ дрожатъ... Но это ничего. Я буду лежать на нихъ головою... Вотъ такъ... Какъ хорошо!..

— Послу-шай-те...

— Ради Бога, помолчите!.. Неужели такъ трудно молчать?

Онъ приготовилъ насмѣшки, укоры ея романтизму и распущенности... Все утонуло. Все забылось...

— Нѣтъ... Я не могу больше! Встаньте, Мари!.. Сядьте вонъ тамъ!.. Или... Я не ручаюсь за себя...

— Какъ жаль!

Она садится поодаль, гдѣ онъ ей указалъ мѣсто. Она слышитъ его прерывистое дыханіе.

Онъ пробуетъ воззвать къ благоразумію. Онъ говоритъ:

— Послушайте, Мари... Какая неосторожность!.. Въ сущности... мы оба страшно безразсудны...

Она тихонько и блаженно смѣется.

— Если насъ выслѣдятъ...

— Мнѣ все равно!—говоритъ она съ восторженнымъ жестомъ.—Мнѣ все равно!

Онъ молчитъ, сбитый съ позиціи.

— Нѣтъ!.. Такъ нельзя... Вы, конечно... Вы—дитя... Но мнѣ непростительно такое легкомысліе...

Она беретъ его руку и подвигается къ нему.

— Николенька... Глядите вверхъ!.. Въ это небо надъ нами... Кто знаетъ? Долго ли мнѣ жить? Не отымайте у меня этой радости...

Она робко кладетъ голову на его плечо. Онъ опять начинаетъ дрожать.

— Подождите! Не цѣлуйте меня... Дайте сообразить...

— Что?.. Что?..

— У меня голова кружится...

— И у меня тоже... Блаженство какое!

— Но мы должны говорить серьезно!—съ отчаяніемъ срывается у него.—Сядьте дальше!

— Нѣтъ, нѣтъ! Я буду здѣсь... Я люблю васъ...

Этотъ голосъ пронзаетъ его душу. Волнуетъ глубже, чѣмъ ея близость. Сердце его бурно стучитъ. Закрывъ глаза, онъ на мигъ отдается непосредственно чувству, затопляющему его душу до края.

Онъ прижимаетъ къ себѣ Маню. Его губы касаются ея волосъ. Это первый порывъ нѣжности. Это лучъ солнца, пронзившій хаосъ. Буря падаетъ мгновенно. Онъ чувствуетъ себя странно смягченнымъ и какъ бы обезсилѣвшимъ отъ этого новаго чувства.

«Вторая мечта... Вотъ я у его сердца... Милое сердце... Какъ оно стучитъ у моего виска!..»

— Я тоже люблю васъ, Мари,—говоритъ онъ мягко.—Не стану лгать... Да вы и не повѣрите, все равно, если я солгу теперь... Я люблю, какъ и вы... въ первый разъ. Съ гордостью могу вамъ признаться. Среди нашей jeunesse dorée немного такихъ. Ни одна женщина не имѣла надо мной власти...

«Лэди Гамильтонъ?..» (Она это подумала вслухъ.)

— Вы развѣ слышали?—Онъ отстраняется слегка, съ холодкомъ въ голосѣ и тѣнью въ душѣ. Но она прижимается тѣснѣе.

— Мнѣ все равно, Николенька... Я люблю васъ...

— Я не любилъ ее, Мари... *Такихъ* не любятъ. Съ ними только... живутъ. Простите это вульгарное слово!

— О, не говорите такъ! Мнѣ больно... Развѣ она не любила васъ? Развѣ она не страдала?

— Не всякое страданіе имѣетъ право на уваженіе... Но... забудемъ о ней... Вы первая, вы единственная,—говоритъ онъ страстно, беря ее за плечи, наклоняясь къ ея лицу.—О, я люблю васъ! Я безволенъ передъ вами...

Маня вздыхаетъ всей грудью. Улыбка разливается по исхудавшему лицу. Она закрываетъ глаза...

— Но, Мари!.. Вы сдѣлаете большую ошибку, если все-таки понадѣетесь на силу моего чувства къ вамъ... Есть въ моей душѣ что-то... сильнѣе и его... и васъ... Возможно, что я женюсь на васъ. Но... мы на другой же день разойдемся чужими... Какъ бы это ни было мучительно для меня...

— Мнѣ все равно... Я люблю васъ...

Она обвиваетъ его руками и прижимается щекой къ его щекѣ. «О, какая она горячая! Моя третья мечта»...

Онъ вздрагиваетъ и теряетъ нить мыслей.

— Постойте!.. Мари... Милая Мари! Вы мнѣ мѣшаете думать... Мнѣ надо сказать... такъ много важнаго...

— Вы придете завтра?

— Завтра? Сюда?.. Нѣтъ! Не приду!..

— Придите... Придите, милый!.. Буду ждать...

— Это безуміе!.. Чего вы отъ меня хотите? Вы меня мучите...

— Я? Васъ?.. Боже мой!.. Я такъ люблю васъ...

— Нѣтъ... Намъ здѣсь нельзя встрѣчаться... Оставьте меня!

— Отчего нельзя?

Онъ стискиваетъ зубы, хрустить пальцами и на мгновеніе прикрываетъ ими глаза.

— Я... поймите... не дерево... Я за себя не поручусь... О, Господи...

— Ахъ, не гоните меня, Николенька! Не сердитесь... Я жить не могу безъ вашей ласки!

Онъ хватаетъ ея руки. Крикъ боли и радости замираетъ на ея губахъ.

— Я не долженъ... пока ничего не выяснилось... я не смѣю... Боже мой! Поймите же, что я... я не хочу... чтобъ вы имѣли ребенка... сейчасъ... пока... Меня терзаетъ мысль, что можетъ-быть вы уже и сейчасъ... Вы что-нибудь замѣтили, Мари??

— Мнѣ все равно, Николенька... Я люблю васъ...

Она не понимаетъ. Она такъ далека отъ его строя мыслей. О, этотъ страстный, примитивный припѣвъ! Непосредственный

и цѣльный, какъ пѣнье влюбленной птички!.. Онъ слушаетъ съ наслажденіемъ звукъ ея голоса.

А она говоритъ:—Унизьте меня, если хотите. Бросьте! Разлюбите потомъ. Развѣ я держу васъ? Развѣ прошу чего-нибудь?.. Любовь свободна. Я тоже. Вы ничѣмъ не будете виноваты передо мною... Зачѣмъ вы боитесь радости?.. Зачѣмъ вы портите себѣ и мнѣ жизнь?

Стонъ срывается у него. Потрясенный до глубочайшихъ тайниковъ души, онъ закрываетъ лицо руками.

Но темный инстинктъ самосохраненія все еще стоитъ насторожѣ.

Она тихонько, робко кладетъ руку на его плечо.

Послѣ долгой паузы онъ снимаетъ эту руку и подноситъ къ губамъ.

— Маленькая язычница,—говоритъ онъ мягко и глухо.—Вы никогда не поймете меня... Вижу, вамъ дики и странны мои муки и колебанія... Ваше письмо я выучилъ наизусть... Вы въ немъ раскрыли мнѣ себя... Тѣмъ лучше! Я такъ, въ сущности, и понималъ васъ. Вотъ отчего минутами я васъ боюсь. Да... Какъ боятся дѣти того, что притаилось въ темной комнатѣ...

— Милый... маленькій!.. Говорите еще... Какъ хорошо васъ слушать! Я люблю вашъ голосъ...

— Ваше счастье, Мари, что вы напали на меня! Я не могу... органически не могу совершить подлость по отношенію къ вамъ... Но, Боже мой! Какъ вамъ легко погибнуть при вашей импульсивности! Мари... Теперь вамъ надо быть осторожнѣе. Вы... какъ бы связаны со мною. И должны брать себя въ руки... Вы знаете, что сказали бы о васъ, если-бъ узнали...

— Кто?

— Ну, кто?.. Горленко, напримѣръ... Лизогубы... Моя мать. Это главное... Они сказали бы: «Она бросается ему сама на шею...» О, Мари! Мнѣ было бы невыносимо это услыхать!

— Мнѣ все равно!

— Нѣтъ! Такъ нельзя говорить!—надменно срывается у него.—Мы—не дикари. Мы живемъ въ обществѣ... Надо цѣнить себя, Мари! Надо имѣть гордость...

— Маленькій... Зачѣмъ вы мнѣ все это говорите?.. Оглянитесь! Какъ хорошо!.. Развѣ мы не любимъ другъ друга сейчасъ?

Онъ смолкаетъ, разбитый ея безхитростной логикой.

Волна нѣжности опять затопляетъ его душу подъ ея довѣр-

чивой лаской. Они сидятъ, тѣсно обнявшись, плечо къ плечу, нога къ ногѣ. Дыханіе ихъ мѣшается.

Безсознательно, повинуясь требовательному инстинкту, она страстно обвиваетъ его руками. Ея губы бродятъ по его лицу... Ищутъ его губъ. Ловятъ его ухо... Такое нѣжное, бархатное ушко...

Онъ глухо вскрикиваетъ, теряя сознаніе. Узда порвалась.

Свѣтаетъ.

Виденъ узоръ вѣтокъ, контуры скамьи. Видны лица. Блѣдныя, словно призрачныя.

Послѣдняя звѣзда, тамъ наверху, слабо мигаетъ черезъ сѣтку вѣтвей. Робко чирикаютъ просыпающіяся птички.

Ея руки не хотятъ разомкнуться. Не отпускаютъ его.

О, сбылась греза!.. Самая завѣтная греза... Что дастъ ей жизнь выше этого мига? Умереть бы теперь!..

Но онъ угасъ опять. И душа его захолодѣла, какъ догорѣвшій костеръ. Дымно. Неловко. Ненужно.

— Пора!—говоритъ онъ, озираясь. И прислушивается къ тихому ржанью лошади.—Смотрите, Мари...

— Смотри!—повелительно перебиваетъ она.

— Смотри, какъ свѣтло!.. Скоро встанутъ рабочіе. Мы—безумцы, Мари!

И въ голосѣ его печаль и раскаяніе.

— Я не держу тебя,—говоритъ она, вздохнувъ. И думаетъ: «Ненавижу разсвѣтъ!»

— До свиданья, Мари!—Онъ цѣлуетъ ея руку.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Не такъ... Обними меня нѣжно!.. Развѣ мы не были близки и счастливы? Не жалѣй ни о чемъ!

— Такъ не поступаютъ съ дѣвушками, на которыхъ хотятъ жениться,—говоритъ онъ съ горечью.

— Николенька, тише! Ни слова о бракѣ! Я дамъ тебѣ одно несчастіе. Я не могу быть твоей женой...

— Теперь поздно объ этомъ говорить! Ты ею будешь... что бы меня ни ждало потомъ...

— Вотъ я цѣлую твои руки, маленькій. Твои милыя руки. Не будь суровъ и далекъ! Взгляни мнѣ въ глаза и улыбнись!

— Мари, мнѣ тяжело. Я презираю себя...

У нея срывается вздохъ. Для нея—это житель Марса, съ какой-то загадочной душой.

Она беретъ его за руку и ведетъ за собой.

У входа, какъ призракъ, бѣлѣетъ молодая березка. Она задѣваетъ росистой вѣткой по жаркимъ молодымъ лицамъ...

И Маня вдругъ вспоминаетъ Штейнбаха.

Безъ боли, безъ стыда, безъ раскаянія.

«Ошибка... Все равно! Вотъ любовь... Настоящая...»

Она отводитъ вѣтку въ сторону. Она смахиваетъ капли росы съ лица съ такимъ жестомъ, какъ будто стираетъ прошлое и всѣ его забытыя радости.

— Постойте!.. Совсѣмъ было забылъ... Кто этотъ Янъ?

— Онъ умеръ...

— А!.. Но кто онъ былъ?

— Анархистъ.

— Вы шутите?

— Зачѣмъ ты говоришь мнѣ *вы?* Ты разлюбилъ меня?

Онъ стискиваетъ ея руки.

— Откуда ты его знала?

— Ахъ, это долго разсказывать! Онъ жилъ здѣсь въ садовникахъ, подъ чужимъ именемъ.

— Ты его любила?

— Я думала, что люблю его.

— Ты съ нимъ цѣловалась?

— Да...

— Оставь меня!.. Не дотрогивайся!

— Маленькій мой!.. Развѣ я знала, что встрѣчу тебя?.. Не сердись! Не ревнуй... Это было такое высокое чувство между нами. Онъ былъ мнѣ, какъ братъ...

— Подожди... Что я еще хотѣлъ спросить? Боже мой! Я опять ничего не знаю о тебѣ, какъ не зналъ вчера... Мари!.. Отвѣть мнѣ правду!.. Чѣмъ больна твоя мать?

Онъ чувствуетъ, что она вся насторожилась и стала неподвижной. И это яснѣе ея словъ подтверждаетъ его догадки.

— Я не знаю ничего, клянусь тебѣ!—говоритъ она глубокимъ голосомъ, который опять, какъ мечъ, входитъ въ его душу.—Но зачѣмъ тебѣ объ этомъ знать? Что могутъ твои родные или моя мать отнять или прибавить къ этой ночи? Ты забылъ, что мы были счастливы? Ты все забылъ, Николенька?

— Да, въ сущности, это все равно!—говоритъ онъ съ холоднымъ отчаяніемъ.—Ни ты, ни я не можемъ ничего измѣнить въ нашей судьбѣ... И свершится то, что написано въ ея книгѣ... Прощай, Мари!.. Я знаю... я чувствую, что ты будешь моимъ несчастіемъ... И все-таки...

— Ты не можешь отречься отъ меня?—восторженно вскрикиваетъ она.

— Не могу...

— О, Николенька!!!

Она долго стоитъ у плетня, слушая глухой топотъ лошадиныхъ копытъ. Волосы ея, сырые отъ росы, круче вьются вокругъ лица. Вѣтерокъ играетъ ими. Слезы счастія бѣгутъ по блѣднымъ щекамъ.

Пусть ничего болѣе не подаритъ ей жизнь!..

Но *эта* ночь *была*...

XIII.

На рожденіе Вѣры Филипповны, какъ всегда, собирается полъуѣзда.

Соня и хозяйка изнемогли отъ заботъ. Улыбки у нихъ потеряли радушіе и стали напряженными.

— У меня даже глаза останавливаются,—передъ завтракомъ говоритъ Соня подругѣ.—Помоги, Маничка!.. Разставь закуски. У тебя есть вкусъ... Господи! Скорѣй бы уѣхать отъ этой глупой суеты!

Она волнуется, что нѣтъ Штейнбаха. Отъ Лики она знаетъ, что онъ внезапно выѣхалъ въ Москву. Неужели онъ забылъ объ этомъ днѣ? Она такъ просила его пріѣхать...

«Если пріѣдетъ, встрѣча съ Нелидовымъ неизбѣжна... А Манька?.. Она, кажется, даже не думаетъ объ этомъ. Вся сіяетъ... Хоть бы что!»

Нелидовъ является къ завтраку.

Хозяева встрѣчаютъ его съ замѣтной гордостью. Онъ краснѣетъ, ловя на себѣ сіяющій взглядъ Мани.

«Какъ она женственна! Какъ прекрасна!» думаетъ онъ. «Какой румянецъ! Блескъ глазъ! Смѣхъ!.. Можетъ ли у *такой* быть угрожающая наслѣдственность? Вѣдь это сама Радость...»

«Приходи въ бесѣдку!»—шепчетъ Маня, нагибаясь къ его плечу, чтобъ налить ему вина.

Онъ на мгновеніе жмурится... «Неужели никто не слыхалъ?.. Безумная...»

Но гамъ стоитъ за столомъ. Пятьдесятъ человѣкъ говорятъ разомъ, стучатъ ножами, звенятъ стаканами.

«Послѣ завтрака иди въ паркъ...» говоритъ она, почти не шевеля губами. Но ему все ясно.

— А, можетъ-быть, вы другого хотите?—голосомъ полнымъ иного значенія спрашиваетъ она. И смотритъ ему въ душу.

Онъ кидаетъ бѣглый взглядъ на сосѣдей и тогда только рѣшается отвѣтить улыбкой.

«О, маленькій! Какъ онъ смутился!..»

Внутри у нея все дрожитъ отъ счастливаго смѣха.

— Благодарю васъ,—нѣжно говоритъ онъ.—Я не пью вина.

— Пожалуйста!—И глаза ея говорятъ: «Приходи!..»

— Можетъ-быть, *вамъ* угодно этого вина?—спрашиваетъ онъ свою сосѣдку, хорошенькую Катю Лизогубъ.

— Да, пожалуйста!.. Ха!.. Ха!.. Ха!..

«Какая она глупая! Почему она смѣется?» раздражительно думаетъ Соня. «Неужели потому, что у нея красивые зубы? Ахъ, эти женщины!..»

Она усадила около себя Лику и Розу. Немного дальше сидитъ учительница. Всѣ три дѣвушки приглашены по ея настоянію, послѣ бурнаго объясненія съ матерью.

Когда подали жаркое, Христя подходитъ съ таинственной миной.

— Панночка, тамъ изъ Липовки чоловикъ пришелъ...

— Что такое?

Соня встаетъ. Бѣжитъ на кухню. И вскрикиваетъ.

— Откуда это?—спрашиваетъ она, большими глазами глядя на роскошную финиковую пальму.

Рабочій, весь въ пыли, сидя на корточкахъ, развертываетъ рогожи и осторожно снимаетъ бичевки.

Кухарка двумя пальцами далеко отъ себя держитъ громадный букетъ изъ орхидей и розъ.

— Господинъ Штейнбахъ прислалъ изъ Москвы,—отвѣчаетъ рабочій, не поднимая головы.

«Кацапъ...»—Съ вами прислалъ?—спрашиваетъ Соня.

— Со мной.

Рогожа падаетъ. Медленно развертываются вѣтки.

Рабочій встаетъ. Онъ молодой, широкоплечій, средняго роста. У него цѣлая шапка русыхъ, вьющихся какъ у негра волосъ. Борода и усы не могутъ скрыть крупнаго чувственнаго рта.

— А развѣ самъ онъ... не вернулся? Не будетъ?..

Этотъ голосъ, замирающій и молящій, такъ предательски понятенъ!

Рабочій быстро поднимаетъ голову и смотритъ на Соню. Она на него.

Какіе глаза! Лобъ!.. Низкій и упорный, съ сильно развитыми надбровными дугами. Выдающееся лицо...

— Вамъ письмо,—говоритъ онъ мягко. И передаетъ Сонѣ конвертъ изъ бумаги, толстой какъ картонъ.

Она беретъ его разсѣянно. Она не можетъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что передъ нею—живая загадка...

«Вѣрѣ Филипповнѣ Горленко!»

Въ первый разъ она видитъ почеркъ Штейнбаха. Странныя, какъ бы нарочно выписанныя буквы: твердыя, острыя, готическія какія-то. И въ то же время судорожныя, кривыя, неровныя.

— Благодарю васъ!—говоритъ она робко.—Я сейчасъ передамъ букетъ. Вы подождете?

— Я долженъ внести пальму!—такъ же мягко отвѣчаетъ онъ глубокимъ басомъ.

Соня входитъ съ букетомъ и письмомъ.

Вѣра Филипповна растрогана. Она читаетъ вслухъ письмо. «Если позволите, буду къ обѣду...»

— Такъ онъ здѣсь?—кричитъ Соня, разомъ теряя голову... Хорошо, что никто не замѣтилъ.

Женщины разсматриваютъ букетъ.

— А гдѣ же пальма?—спрашиваетъ хозяйка. Извиняется и идетъ на кухню.

— Лика, Лика!.. Пойдемте!.. На минутку,—шепчетъ Соня.

Учительница, Лика и Роза, всѣ заинтересованныя, спѣшатъ за нею, бросивъ салфетки на столъ.

— Какая красота!—срывается у Вѣры Филипповны.

Соня чувствуетъ, что рука Лики дрогнула. Она и учительница останавливаются, какъ вкопанныя, на порогѣ, полуоткрывъ губы. Какъ будто восклицаніе хочетъ сорваться съ ихъ устъ.

Изъ-подъ густыхъ бровей запавшіе сѣрые глаза сверкаютъ имъ навстрѣчу, какъ привѣтъ, какъ предостереженіе.

Но это одинъ мигъ. Рѣсницы опускаются. Лицо опять безстрастно.

И дѣвушки тоже овладѣли собой. Хотя у Лики лицо въ пятнахъ. И она начинаетъ нервно хохотать.

У Сони бьется сердце.

— Внесите пальму, пожалуйста, въ залу,—говоритъ Вѣра Филипповна рабочему.

Всѣ повскакали съ мѣстъ. Дядюшка машетъ салфеткой.

— Это удивительный экземпляръ, господа! Такой я видѣлъ только въ оранжереѣ покойнаго барона.

— Вы думаете что? Навѣрно полсотни стоитъ,—говоритъ Лизогубъ.

— Будетъ вамъ! Брешете!—Горленко машетъ на него рукой. Онъ совсѣмъ захмелѣлъ отъ горилки.

— Какая прелесть!—задумчиво говоритъ Маня. И рука ея нѣжно ласкаетъ экзотическое растеніе.

Всѣ наперерывъ подаютъ совѣты, гдѣ поставить пальму: въ тѣни ли, въ комнатѣ, на террасѣ ли? Какъ поливать? Надо, чтобъ ей не было тѣсно...

Только Нелидовъ брезгливо молчитъ.

Вѣра Филипповна растерялась... Съ одной стороны совѣстно, съ другой лестно. Она такъ любитъ цвѣты.

Лика жадно глядитъ въ лицо рабочаго. Ей досадно, что онъ смотритъ на Маню. Ну, чего онъ на нее такъ смотритъ?

Маня оборачивается невольно и встрѣчаетъ взглядъ смѣлыхъ глазъ.

Что они хотятъ сказать ей? Неужели...

Щеки ея загораются румянцемъ. Восхищеніе рабочаго трогаетъ ее и волнуетъ. Она отвѣчаетъ ему нѣжной и благодарной улыбкой. Это длится всего мигъ.

Вѣра Филипповна подходитъ и неожиданно суетъ серебро въ руку посыльнаго.

— Ахъ!—тихонько срывается у Сони.

Онъ разжимаетъ кулакъ. Смотритъ на деньги и киваетъ головой. А у Лики и Аттиллы довольныя лица.

— Пожалуйста... Не хотите ли пирога?—застѣнчиво спрашиваетъ его Соня.

Маня опять ловитъ на себѣ его взглядъ. Шаловливо улыбается ему и краснѣетъ опять. Ея пріятно, что и онъ смутился, какъ мальчикъ. Какіе у него страшные глаза! Смѣлые, упорные... Вотъ такой на всякое преступленіе пойдетъ...

— Да, да... Христя, проведите его на кухню,—кричитъ Вѣра Филипповна.

Онъ киваетъ какъ-то надменно головой. Опять встрѣчается глазами съ Маней. Видитъ ея кокетливую улыбку и поворачивается, чтобъ уходить.

— Пойдемте!—говоритъ Соня.—Можетъ, вы чаю хотите? У насъ его не любятъ. А москвичи пьютъ.

— Благодарю васъ,—глубокимъ басомъ отвѣчаетъ онъ.

И въ этомъ гармоничномъ голосѣ чуется столько силы и

спокойствія, что Сонѣ становится безотчетно легко. Вся тревога ея стихаетъ мгновенно. Ей даже весело сейчасъ.

— Вотъ сюда!—говоритъ она, усаживая рабочаго въ дѣвичьей, пустой и прохладной.—Мы вамъ дадимъ покушать. Вы прямо со станціи?

— Нѣтъ. Мы пріѣхали вчера къ ночи.

— Значитъ Маркъ Александровичъ вчера пріѣхалъ?

— Со мной въ одномъ поѣздѣ.

Какія мягкія интонаціи! Онъ какъ будто бережно гладитъ ее по головѣ.

Отчего у нея къ нему такое довѣріе? Она смотритъ на него съ тихой улыбкой, полной значенія. Онъ улыбается тоже.

— Отрѣжьте мнѣ пирога!—въ это время повелительно говоритъ въ столовой Аттилла дядюшкѣ.—Да селедку передайте! И шпроты что ли? Да ну! Живѣе поворачивайтесь!

— О, скиѳъ!—лепечетъ дядюшка.

Учительница входитъ съ тарелкой въ дѣвичью.

— Безъ скатерти?—говоритъ Соня съ ужасомъ.

Учительница внезапно смѣется.—Эка невидаль!

— Нѣтъ... я сейчасъ...—Соня исчезаетъ.

— Какая удача! Вотъ неожиданность!..

— Тише!.. Рядомъ люди...

— Я до сихъ поръ въ себя не могу придти... А Лидія чуть не выдала себя и васъ...

— Меня зовутъ Григорій Морозовъ... Не ошибитесь!

Лика появляется съ бутылкой водки и рюмкой.

— Вы себя выдаете, господа! Зачѣмъ столько вниманія?—весело спрашиваетъ онъ.

— Мы вамъ такъ рады!..

— Но какъ же вамъ удалось бѣжать?

— Тише!..

Входитъ Соня со скатертью. Видитъ дрожащія губы, сверкающіе глаза, взволнованныя лица. Она убѣгаетъ.

— Какая славная!—говоритъ рабочій.—Теперь уходите. Вечеромъ свидимся. Сейчасъ лягу спать. Двѣ почти ночи не спалъ... Завтра буду далеко.

— За границей?

— Да... Уходите!.. Надо быть осторожными.

— Васъ такъ мѣняетъ борода! Не сразу узнаешь.

— Я на это и разсчитывалъ. Кстати... бабуся вамъ кланяется.

— Кто??

— Надежда Петровна. Она опять вернулась.

— О, милая!—какъ-то благоговѣйно говоритъ Лика. И у учительницы такое лицо, какъ у вѣрующаго въ храмѣ.

— Такую эпопею она мнѣ разсказала о своихъ похожденіяхъ въ этихъ краяхъ!.. Чисто сказка... Ну, и молодчина же этотъ Штейнбахъ! Какъ онъ ее пряталъ!

— Да, онъ славный,—горячо говоритъ учительница.

Въ людской, рядомъ, гремятъ посудой, ухватомъ, ножами.

Дѣвушки выходятъ взволнованныя, съ счастливыми, значительными лицами.

Нелидовъ говоритъ Манѣ, которая сидитъ рядомъ:

— Какая вы кокетка!.. Я все видѣлъ.

Лѣвая бровь у нея поднимается.

— Что же вы видѣли?

— Вы переглядывались съ этимъ рабочимъ. Я не зналъ, что вы такая кокетка...

Они въ паркѣ. Ускользнули незамѣтно. Народу такъ много. Кто за ними услѣдитъ?

Она бѣжитъ впередъ, раздвигаетъ вѣтки. Онъ позади.

Вдругъ онъ видитъ ея туфли. Ея сбитые каблуки.

«Не женись на дѣвушкѣ, которая носитъ стоптанные башмаки»... вспоминается ему нѣмецкая поговорка. И ему становится не по себѣ.

Они садятся въ бесѣдкѣ.

— Я ревнивъ,—говоритъ Нелидовъ, до боли сжимая руки Мани.—Я ревную даже безъ любви. Изъ одного самолюбія. Нынче я понялъ, какія муки вы мнѣ готовите... И мнѣ стало страшно.

— Опять это *вы?* Не сердись, Николенька!.. Бѣдный рабочій! Можетъ-быть, въ жизни его нѣтъ красокъ и солнца? И онъ теперь будетъ мечтать обо мнѣ... Неужели ты не чувствуешь, сколько здѣсь красоты?

— Ты должна улыбаться мнѣ одному,—говоритъ онъ, не сдаваясь на ея ласки.

— Обними меня, маленькій! Ты еще ни разу не поцѣловалъ меня...

— Нѣтъ... Сейчасъ пріѣдетъ Штейнбахъ... Почему говорятъ, что ты была въ него влюблена?.. Неужели это возможно?.. Не лги мнѣ, Мари!.. Ты вся измѣнилась сейчасъ, когда я помянулъ его имя... Ты любила его?

— Никогда! Я любила и люблю только тебя!

Онъ вѣритъ звуку ея голоса и смолкаетъ.

— Хорошо. Пусть такъ!.. Ты должна знать, что я ненавижу этого человѣка... Это мой злѣйшій врагъ... Хотя мы не сказали съ нимъ двухъ словъ. Все равно! Я тоже чувствую его ненависть... Поэтому, если онъ пріѣдетъ, я запрещаю тебѣ смѣяться съ нимъ и говорить! Слышишь, Мари? Запрещаю!.. Я отрекусь отъ тебя, если ты будешь игнорировать мою волю...

Онъ ходитъ по бесѣдкѣ, нервный, растревоженный, дѣлая непривычные жесты. Она сидитъ съ поникшей головой.

— Вотъ ты и смолкла! И радости въ тебѣ нѣтъ... Мари, я люблю твой смѣхъ. Онъ мнѣ нуженъ... Ну, засмѣйся же! Засмѣйся!..

Онъ подходитъ сзади. Обнимаетъ ее мягкимъ жестомъ за шею и опрокидываетъ назадъ, себѣ на руку, ея голову.

Солнце ярко озаряетъ нижнюю часть ея лица. Ея алыя губы. Но глаза въ тѣни. Надъ ними вѣтка.

Она глядитъ удивленно снизу вверхъ въ это наклонившееся и опрокинутое надъ нею, такое странное и какъ будто чужое лицо.

Но онъ не цѣлуетъ ее. Какой холодный взглядъ! Онъ тоже разсматриваетъ ее, какъ чужую... Въ это короткое мгновеніе они чувствуютъ внезапно, что между ихъ душами пропасть, черезъ которую нѣтъ моста.

— Почему ты мнѣ не улыбаешься?

— Потому что... мнѣ грустно...

— Грустно? Какъ можетъ тебѣ быть грустно рядомъ со мною?

Она дѣлаетъ движеніе губами... Да... Онъ ясно видитъ въ ея лицѣ насмѣшку. Онъ теряется внезапно.

И вдругъ слѣпой, холодный гнѣвъ овладѣваетъ имъ. Встаютъ подозрѣнія. Онъ еще не оформилъ ихъ. Но сердце стучитъ.

— Что значитъ твоя усмѣшка?—сдержанно спрашиваетъ онъ.—Ты бунтуешь, Мари?

— А тебѣ это странно?

Даже звукъ голоса другой. Онъ глядитъ въ ея усталое, чужое лицо.

— Я ревную и хочу твоей покорности.

— Развѣ любовь чего-нибудь требуетъ?

— Да... Да... Да!.. Любовь это рабство. Всегда... Я хочу тебя всю... Съ твоими мыслями, желаніями, чувствами... Вотъ такъ...

Онъ срываетъ вѣточку липы и, судорожно сломавъ ее, мнетъ въ своей рукѣ.

Она глядитъ съ холодомъ. И внезапно гордо встряхиваетъ головой. Онъ блѣднѣетъ.

— Что значитъ этотъ жестъ, Мари?

— Я не выношу насилія...

— Да?.. А на что тебѣ твоя свобода?

Она встаетъ.

— Куда ты?—удивленно срывается у него.

Глаза Мани погасли. Углы рта опустились. Совсѣмъ чужое лицо. Даже некрасивое. Странно!

— Мнѣ обидно... Мнѣ досадно на тебя...

— Почему?

Онъ крѣпко держитъ ее за руку. Его ноздри трепещутъ.

— Неужели ты не чувствуешь, что ты разбилъ мое настроеніе?.. Этого нельзя простить!

— Мари... Не смѣй такъ говорить со мной!

Онъ почти не возвышаетъ тона. Но голосъ его дрожитъ.

Она гордо поднимаетъ голову. И съ вызовомъ смотритъ темными глазами, какъ бы мѣряясь силами. Красота ея вспыхиваетъ опять.

— Ты не должна меня критиковать! Это не любовь...

— Я и не люблю тебя въ эту минуту,—говоритъ она спокойно. И идетъ дальше, потому что рука его разжалась.

Черезъ мгновеніе онъ догоняетъ ее въ аллеѣ. Она чувствуетъ, что онъ растерялся. Въ первый разъ она сознаетъ свою силу.

Нѣсколько мгновеній они идутъ молча рядомъ.

Странныя мысли бѣгутъ въ головѣ Мани. У него нѣтъ чуткости... Онъ несложенъ... Вспоминается Янъ. Вспоминается Штейнбахъ... Все было поэзіей и сказкой рядомъ съ ними. Ни одного мгновенія, за которое можно покраснѣть.

Вдругъ она останавливается и беретъ его руку.

— Маленькій, мнѣ тебя жалко. Забудь, что я сказала!..

И въ голосѣ ея звенитъ грусть объ исчезнувшей иллюзіи.

Но онъ ничуть не тронутъ ея нѣжностью. Его губы стиснуты. Глаза свѣтлы.

— О чемъ ты думала сейчасъ?—сквозь зубы спрашиваетъ онъ.—Вѣрнѣе... о комъ ты думала? Во всякомъ случаѣ, не обо мнѣ.

Ея бровь приподнимается. Она шаловливо смѣется.

— У этого рабочаго такое интересное лицо! Право, можно подумать...

Она вдругъ смолкаетъ, что-то вспомнивъ.

Нелидовъ зорко смотритъ на нее.

— Это возможно,—говоритъ онъ медленно.—Твой Янъ жилъ здѣсь нелегальнымъ... Я давно подозрѣваю, что этотъ Штейнбахъ...

— Молчи!.. Молчи!.. Ради Бога, молчи!—кричитъ она въ ужасѣ. И кладетъ пальцы на его губы.

Онъ гнѣвно сдергиваетъ ея руку съ своего лица.

— За кого ты испугалась? За *него?*..

Она дрожитъ, отвернувшись.

Съ глухимъ, полусдавленнымъ восклицаніемъ онъ отталкиваетъ ея руку.

— Ты боишься, что я выдамъ эти... тайны?.. Ты считаешь меня... способнымъ на предательство?

— Николенька! Прости... Милый, прости!.. Я этого не думала...

— Ты забыла, кто я?..

— Николенька...

— Берегись, Мари!.. Берегись!.. Если я прощу тебѣ такую обиду...

Голосъ его вдругъ срывается. Онъ идетъ отъ нея быстро-быстро.

Она садится на скамью, закрываетъ лицо руками.

Черезъ мгновеніе она уже въ бесѣдкѣ. Лежитъ лицомъ внизъ...

Она оскорбила его. Онъ не проститъ...

Она не помнитъ, сколько времени прошло, какъ они разстались. Солнце тогда заливало скамью. Тѣни березъ колыхались и плясали на ней. Теперь солнце опустилось за липу. Прохладно и тѣнисто кругомъ. Далеко звучатъ смѣхъ, голоса. Здѣсь тихо.

Вдругъ шаги...

Маня садится, выпрямляется. Слушаетъ, вытянувъ шею.

Кто-то идетъ... Сюда?.. Да, да... Это онъ?.. Онъ, конечно... Простилъ.... Любитъ...

Стремительно кидается она къ выходу, отбрасываетъ вѣтку березы. И чуть не падаетъ на грудь Штейнбаха.

— Вы?.. Это вы?

— Къ сожалѣнію, да...

Съ кривой, печальной усмѣшкой онъ поднимаетъ панаму. Его глаза безъ улыбки и блеска глядятъ ей въ зрачки.

Ей кажется, что кровь замерзаетъ въ ея жилахъ, что сердца уже нѣтъ.

— Вы позволяете войти?

Она молча дѣлаетъ шагъ назадъ. Онъ входитъ.

Она садится на край скамьи. Лучъ солнца изъ-за липы зо-

лотитъ ея затылокъ, край щеки, длинныя стрѣлы опущенныхъ рѣсницъ.

— Я прошу разрѣшенія сѣсть,—говоритъ онъ робко. И садится поодаль.

— Васъ видѣлъ кто-нибудь, какъ вы шли сюда?—быстро спрашиваетъ она. И въ глазахъ ея мольба.

— Г. Нелидовъ играетъ въ шахматы съ Федоромъ Филиппычемъ въ кабинетѣ.

— Вы его видѣли? Видѣли?

— Онъ меня не видалъ. Я прошелъ мимо.

— Онъ васъ ненавидитъ, Маркъ... Онъ васъ ненавидитъ...

— Я это знаю...

— Зачѣмъ вы пріѣхали? Зачѣмъ?

— Это жестоко, Маня. Я хотѣлъ васъ видѣть.

— Намъ не надо встрѣчаться! Если вы меня любите, постарайтесь не попадаться на моей дорогѣ... Онъ ревнуетъ. Онъ никогда не проститъ. Я его потеряю...

Штейнбахъ молчитъ.

— Что вы думаете?.. Маркъ... Почему вы молчите?

Она робко кладетъ пальцы на его рукавъ. Онъ тихонько завладѣваетъ ея рукой. И цѣлуетъ ея пальцы одинъ за другимъ, медленно и сладострастно, вдыхая въ себя запахъ ея тѣла.

Она начинаетъ дрожать.

— Маркъ... умоляю васъ... Если вы меня любите, уйдите!.. Забудьте обо мнѣ!.. Намъ тѣсно втроемъ на свѣтѣ, Маркъ!.. Поймите!.. Я между вами двумя страдаю невыносимо... Я себя не понимаю... Вчера я забыла о васъ... Вы для меня не существовали нынче... Сейчасъ, когда вы вошли, я васъ ненавидѣла... Теперь...

Онъ перевертываетъ ея руку и цѣлуетъ ея ладонь.

— Не могу!.. Уйдите!—говоритъ она, задыхаясь.—Я не знаю, что въ васъ тянетъ меня къ вамъ... неодолимо... Уйдите!.. Я не могу... Я вся дрожу... Но не васъ я люблю... И вы это знаете...

— Это все равно, Маня. Теперь это все равно...

— Оставьте мою руку!.. Постойте!.. Вы уѣдете? Да? Вы благородный, Маркъ... Великодушный. Вы уѣдете? Иначе все погибнетъ... Я не могу больше жить между вами двумя...

— Вы отдались ему?—чуть слышно спрашиваетъ онъ.

— Да... да... да...

Она вырываетъ руки и прячетъ въ нихъ лицо. Плечи ея согнулись, какъ будто она хочетъ исчезнуть. Уши и край щеки горятъ.

Вдругъ она чувствуетъ, что рука его коснулась ея волосъ. Мягко гладитъ ея голову.

— Я разгадалъ вашу тайну давно. Изъ первыхъ словъ Сони, когда вернулся. Изъ ея растеряннаго лица. Изъ вашей безпощадной жестокости въ тотъ вечеръ...

— Вы?.. Вы угадали?—Она глядитъ на него большими глазами.—Почему же тогда...

Онъ тихо смѣется.

— Неужели это могло измѣнить мое чувство къ вамъ? Развѣ вы не остались тою же? И развѣ есть такая сила въ мірѣ, которая могла бы стереть прошедшее?

— Я поставила на немъ крестъ. Да, да... Клянусь вамъ, Маркъ! Между нами все кончено теперь... Послѣ того, что я пережила съ другимъ... Нѣтъ, я не скажу больше ничего! Не глядите на меня... Ничего не скажу... Но я уже не буду мечтать о васъ теперь, какъ мечтала раньше... Я счастлива... И вы должны уйти, Маркъ... Вамъ больше нѣтъ мѣста въ моей жизни...

Онъ выпускаетъ ея руку и остается неподвиженъ.

Его плечи сгорбились. Голова опущена на грудь. Вѣки полузакрыты.

«Совсѣмъ Гейне», думаетъ она. Но ей не жаль его. Нѣтъ. Она видитъ его уши, вѣки. Она его совсѣмъ не любитъ.

— Хорошо,—говоритъ онъ тихо, не глядя на нее и не мѣняя позы.—Я подчинюсь. Я исчезну...

— Маркъ!

Растроганная, она кладетъ руку на его плечо.

Онъ поднимаетъ голову и смотритъ ей прямо въ глаза:

— Но вы дадите мнѣ слово, что... если *онъ* отречется отъ васъ, вы позовете меня...

— Онъ? Отречется? За что?

— Мы часто отвѣчаемъ за чужіе грѣхи. Въ писаніи сказано: «Кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ до седьмого колѣна!..»

Звуки смолкли. Но она долго еще слушаетъ. Душой слушаетъ эти загадочныя слова. Полуоткрывъ ротъ, расширивъ глаза. Какъ бы вникая въ ихъ темный смыслъ.

Вдругъ струя холода бѣжитъ по тѣлу...

— Маркъ...—слабо лепечетъ она.

— Маня... Дитя мое... Вы сейчасъ слышали шаги судьбы... Судьбы неизбѣжной и одинаковой для насъ обоихъ. Пусть вы любите не меня! Оставьте мнѣ маленькій уголокъ въ вашей жизни!.. Не будьте жестоки... Вы богачка. Васъ проситъ ни-

щій. Я бросаю мою любовь вамъ подъ ноги... Топчите ее, если нельзя иначе... Но не отрекайтесь отъ меня!

Она встаетъ, полная тоски и тревоги.

Звуки гонга разносятся по парку. Обѣдъ ждетъ.

Онъ медленно идетъ за нею по аллеѣ.

Вдругъ Маня останавливается. Вдали, въ концѣ аллеи, она видитъ Нелидова. Правда, на одно мгновеніе. Видитъ его жестъ изумленія, надменное выраженіе, тѣсно сжатыя губы... Онъ шелъ къ ней...

Теперь все кончено. Исчезъ.

Она кричитъ, какъ раненое животное, и бѣжитъ впередъ.

XIV.

На террасу Штейнбахъ входитъ медленно, задумчивый, подавленный. И взглядъ его падаетъ на Нелидова... Наконецъ!

Нелидовъ говоритъ съ дядюшкой. Но тутъ онъ мгновенно теряетъ самообладаніе. Онъ блѣднѣетъ такъ сильно, что дядюшка оглядывается.

— Вы незнакомы, господа?—спрашиваетъ онъ, поднимая брови.

— Мы встрѣчались,—холодно говоритъ Штейнбахъ, кланяясь издали. И слегка приподнимаетъ панаму.

Нелидовъ надменно киваетъ головой, не трогаясь съ мѣста.

Дядюшка улыбается. «Красивый моментъ. Ей-Богу!»

О, какой кошмаръ этотъ день! Весь послѣдующій вечеръ...

Нелидовъ за обѣдомъ сидитъ рядомъ съ Катей Лизогубъ. Онъ пьетъ... Да... Въ первый разъ. Ему больно... Слезы подступаютъ къ горлу Мани. Какъ его увѣрить въ томъ, что она не... Ахъ! Все равно... Онъ не повѣритъ. А говорить *все*—еще страшнѣе.

Онъ не глядитъ даже на Маню. Весь поглощенъ хорошенькой сосѣдкой. И худощавыя скулы его пылаютъ.

Но Маня не ревнуетъ. Ей такъ жаль его! Такъ жаль...

Урвать бы минутку... Выпросить прощенье... Онъ не долженъ такъ уѣхать... Когда еще они свидятся? И гдѣ?..

Она ничего не ѣстъ, не пьетъ, не замѣчаетъ взглядовъ Штейнбаха, шутокъ дядюшки.

Когда кончается этотъ ужасный обѣдъ, она бѣжитъ въ свѣтелку и, какъ раздавленная, падаетъ на постель.

Вдругъ звучатъ шаги. Входитъ Соня.

— Ты здѣсь?.. Плачешь?.. Нѣтъ?.. Пойдемъ скорѣе на террасу... Послушай, какъ они спорятъ!

— Кто?

— Твой Нелидовъ съ Штейнбахомъ. Такъ и сцѣпились! Точно враги. Даже жутко на нихъ смотрѣть... А споръ интересный. И знаешь, о чемъ? О вырожденіи... Постой! Куда ты? Причешись, по крайней мѣрѣ! На кого ты похожа! И все лицо распухло. Нѣтъ... Тебѣ нельзя идти...

— Все равно... Все равно... Пойдемъ...

— Чего ты испугалась? Воображаешь, что они въ самомъ дѣлѣ подерутся? Оба корректны и сдержанны. Только слишкомъ ядовиты... А потомъ глаза... Ей-Богу, у меня такое впечатлѣніе, что всѣ догадались... Умойся, Маня!.. На что похожъ твой носъ?

— Ахъ! Мнѣ все равно!—съ отчаяніемъ говоритъ она.

Сонѣ жаль ее. Она беретъ ее подъ руку.

Вотъ *они* сидятъ, раздѣленные длиннымъ чайнымъ столомъ, окруженные большимъ и равнодушнымъ обществомъ. Но взгляды ихъ скрещиваются, какъ шпаги на поединкѣ. И горятъ непримиримой ненавистью...

Климовъ страстно вмѣшивается въ разговоръ. Онъ на сторонѣ Штейнбаха. Дядюшка за Нелидова. Иногда Лика и учительница бросаютъ замѣчанія, какъ сучья въ костеръ. Послѣ чего споръ вскипаетъ еще сильнѣе.

Маня садится въ уголку. Вошла, какъ мышь. Беззвучная. Но оба ее почувствовали и безсознательно насторожились.

Нелидовъ говоритъ Климову:

— Спенсеръ и Гексли оба враждебно относятся къ соціализму. Спенсеръ считаетъ соціализмъ величайшимъ бѣдствіемъ для культуры...

— Военной диктатурой,—подсказываетъ дядюшка.

— Но они уже сданы въ архивъ, ваши буржуазные экономисты,—страстно перебиваетъ Климовъ.

— Кто же ихъ сдалъ? Вы?—спрашиваетъ дядюшка.—Мнѣ нравится эта манера, съ которой вы безцеремонно сметаете все, что стоитъ по дорогѣ вашего божка...

— Что же касается Дарвина,—холодно продолжаетъ Нелидовъ,—то теорія его діаметрально противоположна ученію соціалистовъ. И самъ онъ печатно признавался въ полномъ равнодушіи къ этимъ вопросамъ.

— Что-жъ изъ этого?—выпаливаетъ учительница. И съ наслажденіемъ пускаетъ Нелидову въ лицо клубъ дыма.

Онъ щурится на нее.

«Какъ на козявку...» чувствуетъ Лика.

— Вы, можетъ-быть, и Дарвина отрицаете, господа соціалисты?—язвитъ дядюшка.

— Марксъ его не только не отрицаетъ,—тихо говоритъ Штейнбахъ,—но если вы читали его *Капиталъ*...

— Я его читалъ,—враждебно перебиваетъ Нелидовъ, и его щеки загораются.—Марксъ дѣлаетъ натяжки. Есть цѣлая школа дарвинистовъ, которые указываютъ на промахи его и Энгельса... И открещиваются отъ всякой солидарности съ соціализмомъ...

— Однако позвольте!—вступается Климовъ.—Энрико Ферри...

— Вотъ именно... Его-то выводами больше всего возмущается Спенсеръ. У Энрико Ферри—какое-то беззастѣнчивое жонглированіе чужими мыслями... Впрочемъ, для соціалъ-демократовъ это обычный пріемъ...

Поднимается неистовый шумъ на мгновеніе. Въ голосъ кричатъ Лика, учительница, Климовъ и дядюшка.

Нелидовъ слушаетъ надменно и какъ будто небрежно. Но всѣ нервы его натянуты. Онъ ждетъ репликъ Штейнбаха. Все остальное не важно.

Когда шумъ падаетъ, Штейнбахъ, глядя въ лицо Нелидова, говоритъ тихо и вкрадчиво, какъ всегда:

— Мнѣ кажется, г. Нелидовъ, что на этотъ разъ именно вы... подтасовываете выводы.

Тотъ мгновенно оборачивается, какъ ужаленный.

— Что вы этимъ хотите сказать?

— Вы называете аристократическимъ ученіе Дарвина? Но, вѣдь, борьба за существованіе говоритъ о переживаніи наиболѣе приспособленныхъ. Не лучшихъ, замѣтьте. А только болѣе приспособленныхъ... Кто же, по-вашему, лучше вооруженъ въ нашъ капиталистическій вѣкъ въ борьбѣ за жизнь?

— За наслажденіе жизнью,—подсказываетъ дядюшка.—За выгоды.

— Извините!—страстно перебиваетъ учительница.—За кусокъ хлѣба... Только...

— Развѣ самые талантливые?—спрашиваетъ Штейнбахъ.

— Нѣтъ, обезпеченные,—подхватываетъ Лика.

— Господа капиталисты,—кричитъ учительница, раздувая ноздри.

— Пожалуйста, нельзя ли безъ личностей!—съ страдальческимъ лицомъ вмѣшивается хозяйка.

Нелидовъ дѣлаетъ жестъ рукой. Его надменная улыбка говоритъ: «Не волнуйтесь! Я стою выше этихъ оскорбленій».

— Вотъ въ томъ и дѣло, что соціализмъ смягчаетъ эту борьбу... самую свирѣпую борьбу въ мірѣ,—вдругъ говоритъ Роза, застѣнчиво молчавшая до сихъ поръ.

На нее всѣ оглядываются. И она конфузится.

— Конечно, — поддерживаетъ ее Климовъ.—Онъ вводитъ принципъ морали тамъ, гдѣ царствуютъ сила и произволъ. Справедливость вмѣсто хищничества...

— И общую нивеллировку?—подхватываетъ дядюшка.

— Всѣхъ остричь подъ первый №?—шутитъ Лизогубъ.

Катя думаетъ, что поняла. И хохочетъ. Нелидовъ невольно оглядывается и болѣзненно щурится. Его раздражаетъ этотъ безпредметный смѣхъ.

«Маленькій», думаетъ Маня. «Тебѣ больно. Ты золъ, потому что страдаешь... Чѣмъ мнѣ умилостивить тебя?»

Споръ разгорается. Тщетно хозяйка старается вставить не идущія къ дѣлу реплики и дѣлаетъ дядюшкѣ страшные глаза. Онъ точно съ цѣпи сорвался... А ужъ этотъ Климовъ!.. Эта Лика... учительница... Что за невоспитанные люди! И все Соня... Такъ и кажется, что кончится дракой.

Климовъ «насѣлъ» на Нелидова. Галстухъ его развязался. Изъ-подъ горбомъ поднявшейся манишки видна его волосатая грудь. Онъ дѣлаетъ возбужденные жесты. Катѣ Лизогубъ видно его тѣло. Ей смѣшно и любопытно.

Штейнбахъ корректно возражаетъ дядюшкѣ. Онъ говоритъ тихо, но Нелидовъ слушаетъ только его. Слушаетъ напряженно, выдавая себя передъ всѣми.

— Соціализмъ никогда не отрицалъ различія индивидуальныхъ способностей,—говоритъ Штейнбахъ.—Болѣе того: онъ стоитъ за полное развитіе индивидуума...

— А значеніе личности въ исторіи! Кто это отрицаетъ?..

А Климовъ говоритъ въ свою очередь:—Я бы вамъ совѣтовалъ, г. Нелидовъ, проштудировать, что Каутскій говоритъ по этому вопросу... И откуда вы взяли...

— Я настаиваю на принудительномъ характерѣ соціалистическаго строя,—разсѣянно и брезгливо бросаетъ ему Нелидовъ, прислушиваясь къ спору на другомъ концѣ стола.

— Ну, да... Это такъ... Но что же изъ этого? Вы думаете, что будетъ хуже, чѣмъ сейчасъ?

— Этого довольно. Этимъ все сказано...

— Но позвольте...

— Вы хотите возврата къ варварству, Лидія Яковлевна?— кричитъ дядюшка.—Коммунизмъ, соціализмъ—утопіи. Да развѣ въ мірѣ, въ природѣ есть равенство? Возьмите десять листковъ съ этой вонъ липы. Есть ли между ними два одинаковые? А вы хотите равнять людей?

— Вы ошибаетесь, Федоръ Филиппычъ, — вмѣшивается Штейнбахъ и улыбается.—Основная задача соціализма—не равенство, а равноправіе. Продоставьте каждому право на развитіе въ одинаковыхъ условіяхъ... А тамъ увидимъ! Побѣдитъ не обезпеченный, какъ теперь. Не «приспособившійся» и ограниченный, зачастую. А дѣйствительно сильный. Въ лучшемъ смыслѣ этого слова...

Не дослушавъ Климова, Нелидовъ внезапно оборачивается и говоритъ, нагибаясь впередъ всѣмъ станомъ:

— Я ловлю васъ нà-слово, г. Штейнбахъ. Если должны выживать и побѣждать сильные въ новомъ строѣ, то все-таки—какъ никакъ—это зиждется на гибели слабыхъ, какъ и въ природѣ. Не такъ ли? А ваша пресловутая филантропія соціалистовъ? Куда же она дѣнется?

— По нравственному закону,—говоритъ Штейнбахъ медленно и вѣско,—всякій имѣетъ право на счастье.

— Извините! Выродки его не имѣютъ. Это естественный законъ. Слабые и уродливые гибнутъ, не оставляя потомства. Природа расчищаетъ путь всему жизнеспособному. Природа не дѣлаетъ ошибокъ и преступленій. Ихъ дѣлаетъ человѣкъ. Онъ мѣшаетъ природѣ. Его филантропія—это искусственное и преступное размноженіе выродковъ на счетъ здоровыхъ...

Нелидовъ говоритъ съ такой силой и страстностью, что темное, но важное значеніе этого отвлеченнаго спора вскрывается само собой для всѣхъ, кто знаетъ объ его отношеніяхъ къ Манѣ.

«Онъ безпощаденъ. О, какъ онъ золъ!» думаетъ она. «Онъ оскорбитъ Марка. Онъ и мнѣ хочетъ сдѣлать больно...»

Штейнбахъ спокойно возражаетъ, щурясь на Нелидова и дѣлая чуть замѣтныя нервныя движенія вѣками:

— Путь человѣчества къ прогрессу одинъ и неизмѣненъ. Вашъ свирѣпый естественный законъ онъ замѣняетъ этическимъ...

— И этимъ понижаетъ расу... Да! Это такъ!—вызывающе подхватываетъ Нелидовъ.—Во имя интересовъ минуты, въ угоду близорукой и слащавой сантиментальности, вашъ якобы

прогрессъ приноситъ въ жертву судьбы всего человѣчества. Это ведетъ къ вырожденію.

— Что же вы предлагаете? (Улыбка Штейнбаха почти больная.) Тарпейскую скалу въ каждомъ городѣ? Въ каждой деревнѣ? Вы думаете, что не всѣ имѣютъ одинаковое право на существованіе? И жизнь людей не равноцѣнна?

Маня съ замираніемъ сердца переводитъ глаза съ одного лица на другое. Чувствуется, что здѣсь не только столкнулись два враждебныя міросозерцанія. Здѣсь замѣшана женщина. Любовь, соперничество. Желаніе оправдать будущую жестокость. Стремленіе защитить любимое существо.

Надменная улыбка скользитъ по чертамъ Нелидова.

— Я вспоминаю,—говоритъ онъ медленно и вѣско,—книгу Лапужа, извѣстнаго селекціониста. Лѣтъ десять тому назадъ я читалъ ее еще юношей. Она поразила мое воображеніе. Авторъ предлагаетъ выселить всѣхъ дегенерантовъ въ отдѣльный городъ. Открыть имъ всѣ кабаки, всѣ игорные дома, всѣ притоны наслажденія. Предоставленные самимъ себѣ, они быстро исчезнутъ съ лица земли. Человѣчество будетъ спасено отъ вырожденія.

— Возмутительно!—вдругъ громко говоритъ Соня изъ своего угла.

Штейнбахъ бросаетъ бѣглый взглядъ на жалкое лицо Мани и продолжаетъ:

— А вы поручитесь за то, что съ этими дегенерантами не уйдетъ изъ міра Красота? Не исчезнутъ всѣ возможности? Богатство замысловъ? Творчество? Самый прогрессъ?

— Вы считаете его дѣломъ рукъ выродковъ?—дерзко усмѣхается Нелидовъ. То-есть онъ думаетъ, что это усмѣшка. Просто верхняя губа его поднимается, обнажая зубы.

— О, несомнѣнно! Наступитъ царство посредственности. Его создастъ нормальная семья.

— Это любопытно,—говоритъ Лика, и голубые глаза ея злобно сверкаютъ.—Что называете вы, г. Нелидовъ, вырожденіемъ? И кто это будетъ рѣшающимъ судьей въ этихъ вопросахъ?.. Ну, вотъ, напримѣръ, среди насъ, тутъ сидящихъ: кто сильный? Кто слабый? Кого, по справедливости, надо сбросить съ Тарпейской скалы? Васъ? Меня?..

— Лидія Яковлевна...—Дядюшка качаетъ головой.

— Г. Нелидовъ... Вы развѣ думаете, что вырожденіе не есть

прежде всего результатъ классовой борьбы?—спрашиваетъ Штейнбахъ вкрадчиво.

— Въ ту и другую сторону, не забудьте!—подсказываетъ Климовъ.—Не только между подонками, но даже между высшей кастой ищите его...

— Тамъ-то, я думаю, больше всего,—вслухъ думаетъ Аттилла. И, какъ всегда, имѣетъ успѣхъ. Катя Лизогубъ заливается смѣхомъ и машетъ руками. Хозяйка дѣлаетъ круглые глаза и усиленно подчуетъ Нелидова свѣжимъ чаемъ.

— Наука давно дала отвѣтъ на вашъ вопросъ,—обращается Нелидовъ къ Ликѣ.—Эпилептики, алкоголики, истерички...

— Э, нѣтъ!—кричитъ Климовъ.—Ставьте вопросъ шире!.. Излишняя мнительность, агорофобія, тики, боязнь прикосновенія, навязчивыя идеи... Хе!.. Хе!.. Господинъ Нелидовъ! Не прокатиться ли и намъ съ вами на лодочкѣ на Островъ Мертвыхъ?.. То бишь, въ веселый городокъ?

— Господинъ Климовъ!..

Нелидовъ встаетъ съ потемнѣвшимъ лицомъ.

Всѣ замираютъ мгновенно.

Климовъ вдругъ теряется подъ взглядомъ Нелидова.

— Не волнуйтесь, пожалуйста!.. Я пошутилъ...

— Ну, что вы, ей-Богу?.. Бисъ васъ знае!—съ упрекомъ срывается у молчавшаго все время Горленко.

— Рюриковичи раса молодая,—хихикаетъ Климовъ подъ шумокъ опять поднявшагося спора.

— Перестаньте! Ха!.. Ха!.. Ха!..—И Катя Лизогубъ дергаетъ его за рукавъ. Ей такъ нравится Нелидовъ. Ей обидно, что всѣ на него накинулись.

Нелидовъ садится. Онъ теперь не смотритъ на доктора. Чувствуется опять-таки, что не будетъ возражать ему, что бы тотъ ни говорилъ. Онъ обращается непосредственно къ Штейнбаху:

— Вы настаиваете, что человѣчество по пути къ прогрессу, какъ стадо, идетъ за эпилептиками и истеричками?

— Я отошлю васъ къ Шарко, къ Ферэ, къ Крафтъ-Эбингу... Геній, талантъ, помѣшательство, вырожденіе,—все это звенья одной цѣпи...

— Это говоритъ Ломброзо...—подхватываетъ дядюшка.

— Извините... — говоритъ Штейнбахъ. — Ломброзо — безнадежный мѣщанинъ. Довольно его взгляда на проституцію...

— Нѣтъ. Въ этомъ именно онъ правъ,—жестко перебиваетъ Нелидовъ.

Штейнбахъ пожимаетъ плечами.—Если-бъ, г. Нелидовъ, вы дали себѣ трудъ прослѣдить жизнь работающей дѣвушки въ Берлинѣ, Парижѣ и Лондонѣ...

— А у насъ? А у насъ?—кричитъ Климовъ съ другого конца стола.

Лика и учительница не могутъ слушать хладнокровно жестокихъ выводовъ Нелидова. Онѣ опять вмѣшиваются... Костеръ опять вспыхиваетъ.

Но Нелидовъ внезапно бросаетъ безъ отвѣта всѣ нападки. Онъ упорно переводитъ разговоръ на то, что волнуетъ его.

— Человѣкъ это утонченное животное,—говоритъ онъ.— Развратное и чувственное. Онъ никогда не будетъ обуздывать своихъ страстей во имя высшихъ цѣлей. Его размноженіе должно быть регулировано закономъ...

— Кампанелла? Эге!—смѣется дядюшка.—Милый Николай Юрьевичъ, вы роковымъ образомъ вернулись къ соціализму...

— Какъ?—вскрикиваетъ Лика, перегибаясь черезъ столъ.— Вы хотите, чтобъ государство вмѣшивалось даже въ личную жизнь?

— Да, да... да!.. Законы должны оберегать общество отъ вырожденія. Спариваться и любить могутъ только сильные и здоровые...

— Извините,—перебиваетъ Штейнбахъ съ недоброй усмѣшкой.—Мы не въ конюшнѣ...

Взрывъ хохота поднимается кругомъ. Хохочутъ дядюшка, Климовъ, Катя, Роза, Лика. Учительница и Соня злобно и громко смѣются. Нелидовъ встаетъ опять.

«Ударитъ сейчасъ Марка... Ударитъ!» въ ужасѣ думаетъ Маня.

— Ахъ, чудакъ! А куда же вы дѣнете любовь? Право выбора?—спрашиваетъ дядюшка.—Вы, конечно, шутите, Николай Юрьевичъ?

— Я спрошу иначе, — подхватываетъ Штейнбахъ, кривя губы.—Что же останется тогда на долю дегенерантовъ?

— О, многое!—вдругъ говоритъ учительница. Съ такой силой и страстью говоритъ это она, что всѣ съ любопытствомъ оглядываются на нее.—Неужто вы думаете, что кромѣ этого размноженія, что ли, нѣтъ у людей другихъ задачъ? А искусство? А творчество? А борьба за свободу?

— Вы правы.—И въ голосѣ Штейнбаха слышится волненіе, понятное одной Манѣ.—Нормальный человѣкъ не откажется отъ собственности. Не отречется отъ семьи. Не вступитъ въ ряды

соціалистовъ. Не увлечется утопіями анархизма. Это жребій тѣхъ, кто судьбою выброшенъ за бортъ.

— Эге!—смѣется дядюшка и подмигиваетъ Манѣ.

— Нормальные люди, это—то сплоченное большинство, съ которымъ боролся Штокманъ. Толпа безнадежно-мѣщанская, тупая, себялюбивая. Она ненавидитъ новаторовъ. Она камнями побиваетъ пророковъ... Во всѣхъ попыткахъ, во всѣхъ порывахъ человѣчества къ счастью и справедливости, — впереди идутъ дегенеранты. Только они—носители прогресса. Они—предвѣстники зари...

— A la bonne heure!

Съ этимъ возгласомъ Нелидовъ отодвигаетъ стулъ и идетъ къ хозяйкѣ.

— Какъ? Вы уже ѣдете?

— Да... Покидаю поле брани,—говоритъ онъ съ надменной усмѣшкой.

— Со щитомъ иль на щитѣ? — коварно спрашиваетъ дядюшка.

— Это какъ вамъ будетъ угодно... Я не гонюсь за оцѣнкой... «сплоченнаго большинства». И не боюсь остаться при особомъ мнѣніи... Думается мнѣ, однако, что эта позиція менѣе шаткая, чѣмъ... роль адвоката вырожденцевъ... какими бы мотивами здѣсь ни руководились... До свиданія!

Онъ жметъ руку хозяина, отдаетъ всѣмъ общій поклонъ. Взглядъ его на мгновеніе скрещивается съ недобрымъ взглядомъ Штейнбаха. Онъ выходитъ.

Всѣ большими глазами глядятъ другъ на друга.

Горленко, шумно отодвинувъ стулъ, спѣшитъ за гостемъ.

Маня улучаетъ одно мгновеніе, когда Нелидовъ садится въ экипажъ. Горленко смотритъ на нее, стоя у калитки. Пусть! Теперь все равно.

— Николенька!—съ рыданіемъ въ голосѣ шепчетъ она, кидаясь къ экипажу. И протягиваетъ руки.

Нелидовъ смотритъ на нее, какъ на чужую.

— Я васъ не знаю,—говоритъ онъ надменно.

Маня лежитъ въ свѣтелкѣ. Все рухнуло. Счастья не будетъ. Жизнь не имѣетъ цѣны и смысла.

Внизу галдятъ, хлопаютъ дверями. Гремятъ экипажи. Лошади дерутся и ржутъ. Гости разъѣзжаются.

Половицы скрипятъ подъ легкими шагами Сони.

— Маня... Ты здѣсь?.. Маня...

— Ну???

— Штейнбахъ уѣзжаетъ. Хочетъ проститься... Ты пойдешь?.. Нѣтъ?.. Что же ему сказать? Онъ ждетъ...

— Скажи ему, что я его ненавижу!.. Онъ пойметъ...

XV.

Въ Лысогорахъ гости еще не разъѣхались, будутъ до утра играть въ карты.

Но въ Липовкѣ все тихо и темно. Огни свѣтятся только въ квартирѣ Лики. Тамъ, за самоваромъ, сидитъ тотъ, кого зовутъ сейчасъ Григоріемъ Морозовымъ. Онъ пьетъ пятый стаканъ и гладитъ себя рукой по груди. На лбу выступили мелкія капельки пота. Передъ нимъ варенье изъ райскихъ яблочекъ.

— Важно,—говоритъ онъ наивнымъ звукомъ и довѣрчиво улыбается Аттиллѣ. Та куритъ и задумчиво, почти нѣжно глядитъ на него. Единственный «эсъ-декъ», котораго она ставитъ высоко, недосягаемо высоко. Какъ своихъ.

Онъ имъ разсказываетъ подробно, какъ бѣжалъ изъ Нарымскаго края. Бѣжалъ глухой зимою, когда не опасаются побѣговъ. Остяки шли съ караваномъ на собакахъ, приняли его къ себѣ. Когда онъ надѣлъ ихъ мѣховой мѣшокъ, и морозъ покрылъ инеемъ его рѣсницы, вся опасность быть узнаннымъ исчезла. Было навѣрно 50°, когда они двинулись. Дыханіе спиралось въ груди. Отъ непривычки ноги мерзли такъ, что онъ падалъ на колѣни и терялъ мужество. Зачѣмъ бѣжалъ онъ въ эту пору? Остяки поили его водкой и подъ руки тащили дальше. Онъ не ложился, чтобъ не лишиться ногъ. Это былъ кошмаръ.

Потомъ его везли въ ящикахъ, съ соленой мерзлой рыбой. Открывали ящикъ и кормили. Долго все тѣло его болѣло отъ соли.

Въ Москвѣ онъ прожилъ четыре мѣсяца. Пробовалъ работать. Чуть не пропалъ опять.

— Какая-жъ теперь работа?—говоритъ Лика.—Все замерло, все развѣяно.

Его глаза сверкаютъ.

— Вотъ тутъ-то и нужны люди, когда всѣ бѣгутъ, и все расползается между рукъ... Такъ обидно, что нельзя было продержаться еще немного!

— Удивительный у васъ темпераментъ!—говоритъ Аттилла.—Не эсъ-декомъ бы вамъ быть.

— Ишь ты!—усмѣхается онъ и беретъ у нея изъ портсигара

папиросу.—Ваши... тоже дѣйствуютъ,—кидаетъ онъ, закуривая папиросу на свѣчѣ. Его глаза смѣются, когда онъ садится.

— Да ну?.. Что такое?

Обѣ дѣвушки кладутъ локти на столъ и подвигаются.

— Былъ я въ Разумовскомъ на-дняхъ, въ лѣсу. Туманъ. Сырость. Вдругъ натыкаюсь на фигуру. Ужъ стемнѣло. Лица не различишь въ двадцати шагахъ. А *онъ*... лежитъ и читаетъ.

— Ну, такъ что-жъ?—спрашиваетъ удивленная учительница.

— Вотъ то-то и оно-то!—съ неподражаемымъ комизмомъ подмигиваетъ Григорій.

Лика вдругъ краснѣетъ.—Было собраніе въ лѣсу?

— Ужъ конечно... Не безъ того... Зачѣмъ же лежать въ лѣсу въ эту пору, въ сырости? Да еще дѣлать видъ, что книгу читаешь? Ребенку ясно...

— Скажите, пожалуйста! — сердится догадавшаяся учительница.—Вы-то ужъ очень умны...

— Я не прошелъ тридцати шаговъ, другой субъектъ шагаетъ по дорогѣ. Увидалъ меня и насвистывать началъ...

— Ну, такъ что же? Нельзя развѣ гулять?

— Отчего же? Можно. И я гулялъ... Только, вѣдь, это надо умѣючи дѣлать... А то гимназисты догадаются... Хорошо еще, что не наткнулся на собраніе! А то сейчасъ палить начали бы...

— Вы насъ совсѣмъ за идіотовъ считаете?—спрашиваетъ учительница.

— Нѣтъ. Зачѣмъ?.. Только ужъ очень вы романтичны... И ногами не пользуетесь...

— Вы-то хороши...

Начинается споръ. Анна Васильевна говоритъ дерзости. Григорій неуязвимъ.

— Довольно!—разсѣянно перебиваетъ Лика, возвращаясь съ крыльца.—Пойдемте гулять, господа! Посмотрите, ночь какая! Луна взошла... Она скоро зайдетъ...

— Куда же мы? Въ паркъ?

— Нѣтъ, что тамъ въ темнотѣ дѣлать? Пойдемте во флигель, въ Лысогоры. Тамъ насъ Соня ждетъ...—И Лика краснѣетъ.

— Ахъ, кстати... Кто эта красавица?

Дѣвушки смѣются.

— А еще женатый!.. Не знали мы за вами такой прыти... Точно вашъ Андрей...

— Что же я ослѣпъ, коли женился?—смѣется Григорій.

— А не глупости ли мы дѣлаемъ?—вдругъ говоритъ учительница, когда Лика гаситъ лампу. — Можетъ, это неосторожно?..

— Какой вздоръ! Кто его тутъ знаетъ? И кого вы боитесь? Сони? Розы?

— А этотъ... вашъ... поклонникъ?

— Онъ нашъ!—горячо перебиваетъ Лика.—Какъ вамъ не стыдно?.. Развѣ я не давала ему порученій? Развѣ онъ не выполнилъ ихъ?

— Напрасно вы довѣряетесь панамъ, Лидія... А онъ—балаболка,—ревниво бурчитъ Аттилла.

Глаза Григорія весело смѣются, перебѣгая съ одного лица на другое.

— Айда!—говоритъ онъ.—Чего тутъ думать? Нашъ вѣкъ коротокъ Ахъ, чортъ возьми! Ночь какая!.. Слушайте, Лидія Яковлевна... Достаньте-ка у патрона какой-нибудь инструментъ!.. Віолончель, гитару, мандолину...

— Вы развѣ играете?

Онъ встряхиваетъ пышной гривой.

— Вы не знали, что я въ консерваторіи учился?

— Нѣтъ... Что вы—пѣвецъ, я знала...

— Страсть какъ изголодалась душа по музыкѣ! Пошлите кого-нибудь къ Штейнбаху!

— Это чудесно!—говоритъ учительница.—Я тоже люблю музыку... Даже совѣстно сознаться, до чего люблю и оперу, и драму!

По дорогѣ онъ говоритъ измѣнившимся голосомъ:

— Я вспомнилъ сейчасъ, Богъ вѣсть почему, одно настроеніе... Оно охватило меня тамъ... въ тундрѣ, подъ полуночнымъ небомъ... Я шелъ въ караванѣ, глухой въ своемъ мѣховомъ мѣшкѣ, среди молчаливыхъ остяковъ, почти слѣпой отъ застывающихъ слезъ... И вотъ всталъ передо мной одинъ вечеръ... Я возвращался зимой съ урока... Это было въ Москвѣ. Спѣшилъ домой. Было морозно... Хотѣлось чаю. Дома меня ждала жена... и моя дѣвчурка... И... больше ничего... Это все. И вотъ... вы не повѣрите... Эти простыя вещи, эти повседневныя мелочи показались мнѣ такимъ раемъ въ ту минуту, въ этой страшной пустынѣ... У меня брызнули слезы... Я забылъ холодъ... Изъ груди рвались крики... Я бы отдалъ, безъ рисовки говорю, всю жизнь, чтобъ пережить снова тотъ мигъ...

Дѣвушки долго молчатъ, подавленныя.

— А когда вы опять встрѣтитесь съ женой?—тихонько спрашиваетъ Лика.

— Не знаю...

— Вамъ навѣрно жалко дѣвочку?—робко спрашиваетъ Аттилла.

И его глубокій голосъ дрожитъ, когда онъ отвѣчаетъ:

— Жалко...

Вотъ они собрались во флигелѣ. Всѣ окна открыты. А все-таки душно. Столъ дядюшки уставленъ закусками и винами, которыя Соня съ Христей перетащили сюда.

У Сони горитъ лицо. Она такъ счастлива довѣріемъ Лики! Сердце ея бьется, когда она встрѣчаетъ яркіе глаза рабочаго.

— А красавица не придетъ?—шепчетъ онъ Ликѣ.

— Гдѣ Маня, Соня? Почему ея нѣтъ?

— Ахъ! Не спрашивайте!.. Она такая несчастная...

Лицо рабочаго становится задумчивымъ. Вдругъ онъ поднимаетъ глаза. Вдохновенно глядитъ передъ собою и беретъ мандолину.

Всѣ стихаютъ...

Соня вышла на крыльцо. Ночь темна. Луна зашла. Вдали огнями горитъ усадьба. Только лошади гостей фыркаютъ и тихонько ржутъ, переговариваясь на дворѣ. Да яблоки рядомъ, въ фруктовомъ саду, глухо стучатъ, падая въ траву, на сухую растрескавшуюся землю.

Учительница стоитъ въ двухъ шагахъ. Она куритъ и смотритъ въ звѣздное небо. Хорошо, что темно. И никто не видитъ ея волненія. Какъ онъ игралъ сейчасъ, этотъ талантливый человѣкъ! Онъ всколыхнулъ ея душу. Онъ разбудилъ прошлое. Содрогнулись забытыя могилы. И дорогія тѣни встали.

— Это вы, Анна Васильевна?

— Я...

— Какая дивная игра!.. Такъ самоучки не играютъ.

Черный силуэтъ молчаливъ и неподвиженъ.

— Ахъ, простите!.. Я не имѣю права спрашивать и догадываться... Но что онъ—интеллигентъ, это чувствуется во всемъ... А въ музыкѣ его больше всего... Развѣ могъ бы онъ понимать *Тристана* и *Изольду?* Онъ былъ артистомъ.

— Нѣтъ... Онъ только мечталъ о сценѣ. До 1905 г. онъ былъ

помощникомъ присяжнаго повѣреннаго. Революція перевернула всю его жизнь.

Соня молчитъ. Она не узнаетъ этого мягкаго, глубокаго, богатаго голоса. И оттого, что лица учительницы ей не видно во мракѣ, ей кажется, что съ нею говоритъ другая,—загадочная женщина.

— Мы съ Лидіей встрѣтили его въ дни революціи. Пришлось работать бокъ-о-бокъ, хотя мы изъ разныхъ партій... Но ужъ это были такіе странные дни... Онъ велъ себя, какъ герой... Чтобъ спасти товарищей, которые были въ засадѣ, онъ пошелъ на гибель... Онъ далъ имъ сигналъ... Онъ ночью запѣлъ на улицѣ... Въ него дали залпъ... Онъ упалъ. Мы всѣ думали, что онъ убитъ... Какъ онъ не истекъ кровью, не знаю... Но онъ отвлекъ вниманіе и далъ другимъ возможность бѣжать... Только черезъ часъ онъ доползъ къ сосѣднему подъѣзду. Его нашли случайно. Случайно онъ остался живъ.

Соня слушаетъ, широкими глазами недвижно глядя въ тьму. Вдругъ она оглядывается и вскрикиваетъ.

— Кто тутъ? Кто это?.. Маня, ты?.. Господи, какъ ты насъ испугала! Чего ты тамъ стоишь?.. Иди сюда!..

— Она слышала,—говоритъ учительница.

Соня обнимаетъ подругу.

— Вы можете не бояться. Ни ея, ни меня... Все, что вы говорите, Анна Васильевна, падаетъ намъ въ душу... И будетъ тамъ лежать глубоко... И кто знаетъ, что выйдетъ потомъ изъ этихъ брошенныхъ мыслей?..

Учительница думаетъ надъ ея словами.

— Хорошо... Я не раскаюсь въ томъ, что сказала. Я вѣрю въ юность...

— Лика говоритъ, что онъ женатъ?

— Да. Онъ встрѣтилъ дѣвушку. Это было въ тѣ дни. И они сошлись. Но даже любовь не остановила его, когда онъ шелъ почти на вѣрную смерть... Это крупной марки душа... Вотъ теперь всѣ устали. Всѣ извѣрились, испугались, охладѣли. Онъ остался тѣмъ же. Онъ разорвалъ всѣ связи съ прежней жизнью, съ интеллигенціей. Онъ утерялъ всѣ навыки, всѣ привычки. Вы думаете, это легко не измѣнять себѣ?.. Кажется, вотъ-вотъ совсѣмъ покончилъ, все началъ заново... Глядишь... Маленькая подробность... Часы, напримѣръ, которые привыкъ заводить на ночь и ставить на ночной столикъ... Купленный букетъ фіалокъ... И вотъ ты опять въ плѣну у прошлаго... Или подой-

дешь къ столбу съ афишами... Нѣтъ... Это надо пережить!.. Говорятъ, и змѣя болѣетъ, теряя шкуру... Намъ еще труднѣе... А онъ не сдается. Не пугаетъ его нужда, ночлежка, безработица, отсутствіе бани... Вамъ этого не понять, Соня! Вы не знаете, какая страшная сила—эта сила вещей надъ всѣми нами! Онъ хочетъ дѣлить *ихъ* долю во всемъ... Въ тяжеломъ и безотрадномъ... Онъ ничѣмъ не хочетъ выдѣлиться изъ толпы... Я не жалѣю, нѣтъ... не раскаиваюсь въ томъ, что все сказала вамъ... Завтра онъ будетъ далеко. Вы никогда не встрѣтитесь. И вы правы: кто знаетъ, что западетъ въ вашу душу?

Она неожиданно подходитъ и цѣлуетъ ихъ щеки. Эта ласка такъ внезапна, экспансивность замкнутой, суровой дѣвушки такъ трогательна... Соня не можетъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что передъ нею другой человѣкъ, съ таинственной и богатой душой.

— Тише!.. Онъ сейчасъ будетъ пѣть...

Онѣ стоятъ подъ окномъ и жадно смотрятъ въ его лицо.

Дерзкіе, «страшные», сейчасъ смягчившіеся глаза вдохновенно глядятъ въ темную ночь. Что они видятъ тамъ? Это противъ законовъ физики, но Манѣ чудится почему-то, что онъ глядитъ въ ея глаза, что онъ поетъ для нея...

Тебя я, вольный сынъ эфира,
Возьму въ надзвѣздные края...

Могучій басъ, мягкій и звучный, какъ віолончель, льется въ сумракъ ночи, что-то будя, что-то колдуя... Что?.. Что?..

И будешь ты царицей міра,
Подруга первая моя...

— Ахъ!!

Это крикнула Маня.

Она вспомнила...

Соня огромными глазами глядитъ на пѣвца. Она держитъ трепещущую руку Мани. И слушаетъ забытые голоса прошлаго...

Отъ Нелидова Манѣ.

«Вы уѣзжаете, конечно. И на этотъ разъ я васъ не удержи-
«ваю. Пусть насъ раздѣлятъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, тысяч-
«чи верстъ, разница интересовъ, жизненныхъ условій, новыя
«встрѣчи, мои заботы, ваши радости и мои страданья, которыя
«кончатся же когда-нибудь... Уѣзжайте и не возвращайтесь ни-
«когда въ эту глушь! Это моя единственная къ вамъ просьба.

«Но въ память прошлаго, которое уничтожить нельзя, я «нахожу необходимымъ выяснить вамъ мое поведеніе.

«Жениться на васъ я считалъ долгомъ чести, несмотря на «всѣ мои зловѣщія предчувствія. Объ этомъ знала моя мать. «Вопросъ былъ только въ томъ, пойдутъ ли наши жизни ря«домъ, по одной дорогѣ? Я долженъ былъ ѣхать за вами, ви«дѣться съ вашимъ братомъ, выяснить характеръ болѣзни ва«шей матери,—всю, вообще, тайну, которая окружаетъ васъ. Не «стану лгать. Я такъ безумно любилъ васъ—до вчерашняго «дня,—что готовъ былъ даже презрѣть предчувствія и угрозы, «которыя терзали меня весь этотъ мѣсяцъ. Готовъ былъ посвя«тить вамъ всю жизнь, какъ первой женщинѣ, которую я по«любилъ тѣмъ чувствомъ, которое не переживаешь дважды.

«Но вы этого чувства не оцѣнили. Вы—кокетка. Это от«крытіе я сдѣлалъ вчера. Хорошо, что не поздно! Я не хочу «быть одураченнымъ. Мнѣ нужна любовь самоотверженная, «беззавѣтная, глубокая. Я даю такую. И такой же требую вза«мѣнъ. Ни іоты меньше! Мнѣ нужна забота и женственная ласка «здоровой, сильной и спокойной женщины. Непремѣнно спокой«ной и уравновѣшенной. Я нуждаюсь въ покоѣ. Иначе я не могу «работать. Мнѣ нуженъ товарищъ. Нуженъ вѣрный другъ. По«тому что я бѣденъ, и жизнь моя сурова. За всѣ лишенія, «которыя дала мнѣ судьба, я ищу утѣшенія въ любви и семьѣ.

«Но развѣ вы дадите покой? Развѣ у васъ есть чувство дол«га? Развѣ вы способны на вѣрность? Вы—язычница съ головы «до ногъ. На такихъ не женятся. Вы скажете, быть-можетъ, «что мое поведеніе по отношенію къ вамъ низость или трусость? «Но кто осудитъ человѣка, который отступаетъ въ ужасѣ отъ «бездны, внезапно раскрывшейся подъ его ногами?

«Я не буду ставить точекъ надъ *і*... Вы и такъ поймете, по«чему *теперь* я не вѣрю въ вашу любовь.

«Къ моему несчастію, я—изъ породы людей, которыхъ зо«вутъ однолюбами. И мнѣ нелегко забыть васъ. Но въ минуты «слабости я буду вспоминать вчерашній день. Вы осмѣлились «играть мною. Я постараюсь вычеркнуть васъ изъ моей памяти».

Нелидовъ.

Внизу, уже другимъ почеркомъ, измѣненнымъ и слабымъ, стоитъ приписка:

«Если вы почувствуете себя матерью, напишите. Я обвѣнчаюсь, чтобъ дать имя ребенку и оградить васъ отъ нужды.»

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Они въ Москвѣ. Остановились въ гостиницѣ. Взяли двѣ комнаты.

— Что мнѣ съ нею дѣлать? — говоритъ Соня вполголоса, сидя въ номерѣ дядюшки. — Она какая-то ненормальная. Цѣлыми днями валяется на постели. Ничего не ѣстъ...

— Она всегда была ненормальной.

— Нѣтъ, дядюшка... Не говорите! Мнѣ страшно за нее. Всю дорогу она не сказала ни слова. И здѣсь молчитъ уже третій день. Я за нее сама прошеніе подавала на курсы...

— Очень нужны ей твои курсы!

— Ахъ, дядюшка! Вы меня раздражаете! Что же ей, по-вашему, надо дѣлать?

— Родить, душа моя...

— Что такое?!!

— ...а тамъ видно будетъ...

— Дядюшка... Что вы такое говорите?

Соня всплескиваетъ руками. Она такъ покраснѣла, что даже глаза у нея горятъ.

— Ахъ, душа моя! Самая обыкновенная исторія съ такими отчаянными дѣвицами. Неужели ты не замѣчаешь, что она...

— Тише!.. Ради Бога! Она услышитъ...

— Не знаю только, отъ кого изъ двухъ у нея этотъ ребенокъ... Вѣрнѣе, что отъ Штейнбаха. Но и Нелидовъ промаха не дастъ... Постой, постой!.. О чемъ ты?

Соня страстно рыдаетъ, упавъ въ кресло и пряча лицо въ спинку.

Дядюшка растерялся. Бѣгаетъ за водой. Плещетъ Сонѣ на колѣни изъ стакана. Старается поцѣловать ея голову. Она отстраняетъ его враждебно, съ какимъ-то отвращеніемъ.

Черезъ часъ, немного успокоившись, Соня плотно притворяетъ двери въ номеръ, гдѣ лежитъ Маня, и садится передъ дядюшкой съ лицомъ злымъ, больнымъ и полнымъ рѣшимости. Дядюшка радъ бы «удрать». Да неудобно.

— Почему вы узнали... что она... Ну, словомъ... почему вы думаете...

— Можетъ-быть, я и ошибаюсь...

— Нѣтъ! Нѣтъ! Не виляйте, дядюшка! Я должна все знать...

— Видишь ли... есть такіе признаки... Вѣдь она страшно измѣнилась... Подурнѣла...

— Да...

— И это отвращеніе къ ѣдѣ. И это... помнишь вчера?.. И въ вагонѣ?..

— Да... Да...

— Но, я повторяю, здѣсь нуженъ докторъ. Что могу я?

— Я свезу ее къ фрау Кеслеръ. Она ее любитъ... Такъ вотъ почему она не хочетъ показаться дома... Постойте!.. Что я хотѣла сказать?.. Нѣтъ... Я навѣрно знаю, что она такъ же мало понимаетъ во всемъ... *этомъ*... какъ мало понимаю я. Она убита разрывомъ съ Нелидовымъ. Она не хочетъ жить... У нея не осталось ни капли энергіи...

— Сама виновата. Любишь одного, не играй съ другимъ!..

— Постойте, дядюшка!.. Вы невыносимы нынче. И сядьте, ради Бога! Что вы мелькаете?.. Слушайте... Почему вы думаете, что она... и Штейнбахъ...

— О, sancta simplicitas!.. А что они дѣлали весь іюнь, когда она къ нему бѣгала въ паркъ? Да я ее нисколько за это не осуждаю. Это дѣло ея. Для кого ей было беречь себя?

Соня блѣднѣетъ и долго молчитъ.

— Она мнѣ въ этомъ никогда не признавалась.

— Еще бы!..

— А почему же... когда съ Нелидовымъ...

Она вдругъ вспыхиваетъ. И смолкаетъ.

— Видишь? Стало быть, я угадалъ... Теперь все ясно. Нелидовъ раскрылъ ея тайну. И не хочетъ простить. И знаешь, душа моя? Ни одинъ мужчина не женится въ такихъ условіяхъ. Ужъ на что я? Тебѣ извѣстны мои взгляды. И все-таки я призадумался бы.

Соня сжимаетъ виски.

— Подождите!.. У меня голова кругомъ идетъ. Неужели... Неужели вы думаете, что она... жила съ двумя?

— Э, нѣтъ, душа моя!.. Сначала съ однимъ. Потомъ съ другимъ... Все это такъ просто... Теперь надо только, чтобы эта исторія кончилась безслѣдно и безшумно. У нея цѣлая жизнь впереди... Стоитъ убиваться изъ-за такого вздора!..

Квартира найдена. Фрау Кеслеръ обѣщала черезъ двѣ недѣли устроить ихъ у невѣстки своей, Эммы Васильевны, когда та вернется изъ Крыма. Какъ она обрадовалась дѣвушкамъ!

— Маня больна. Что съ Маней?—спрашиваетъ она, гладя исхудавшее, словно стаявшее личико.

Маня давно ждала ласки. Душа ея устала въ одиночествѣ. Она плачетъ на груди фрау Кеслеръ.

— Милая... Не спрашивайте... Все скажу потомъ...

II.

Онѣ уже съ недѣлю въ Москвѣ.

Осень стоитъ холодная. Началась слякоть.

Соня уже на курсахъ. Маня показалась раза два. И больше не ходитъ. Все лежитъ и смотритъ въ одну точку.

Дядюшка сшилъ себѣ новую пару, побывалъ во всѣхъ «кинемо» и въ Буффѣ. Спустилъ всѣ деньги и собирается домой.

Приходитъ письмо отъ Вѣры Филипповны.

«На тебя одного вся надежда. Штейнбахъ ѣдетъ въ Москву. «Мы должны платить по второй закладной. Но чѣмъ мы будемъ «платить? Ты знаешь, какой былъ урожай этотъ годъ? Скажи «ему, чтобъ отсрочилъ... Отчего Соня не пишетъ? Голова идетъ «кругомъ. Вася смотритъ удавленникомъ. Боюсь, что запьетъ...»

— Вы были у него, дядюшка?

Соня сидитъ на кончикѣ стула и глядитъ на дядюшку горячими глазами.

— Не засталъ, душа моя. Оставилъ записку, что буду вечеромъ. Какъ его трудно застать!

Входитъ коридорный и подаетъ карточку.

— Скажите! Quand on parle du loup... Этотъ баринъ тутъ?

— Дядюшка!.. Онъ?

— Никакъ нѣтъ-съ... Приходили и не застали васъ... Въ третій разъ приходятъ...

— Что такое?

— Точно такъ-съ... Да у насъ швейцаръ былъ ушодши... Доложить некому...

— Господи! Вотъ порядки!..

— Точно такъ-съ...

— Ah! Il m'agace les nerfs!.. Если еще разъ онъ придетъ, скажите, я дома... дома... Поняли?

— Нѣтъ, дядюшка... Вы лучше сами къ нему ступайте!.. Ахъ, зачѣмъ эти проклятыя деньги стоятъ между нами!.. Я пошла бы съ вами...

— Да, неудобно... Ахъ, непріятное порученіе дала мнѣ Вѣра!..

— Дядюшка, знаете? Я видѣла его домъ.

— Ну?

— Я каждый вечеръ хожу туда... Онъ въ переулкѣ. Такой дивный! Во дворѣ. Точно замокъ. Строгій. Мрачный. Какая рѣшетка!

— А-га!.. И ты замѣтила?

— Дядюшка, ей-Богу, въ Москвѣ нѣтъ дома красивѣе!

— Очень оригинальный. Если это его вкусъ, можно его поздравить... Я тоже любовался.

— Но тамъ всѣ окна темны, дядюшка... И во дворѣ совсѣмъ нѣтъ жизни. Я дождалась дворника, когда онъ зажигалъ фонарь надъ воротами. Хотѣла спросить, гдѣ хозяинъ? Но онъ на меня такъ сурово взглянулъ...

— Это мнѣ тоже нравится, душа моя. Это стильно.

III.

Вечеромъ дядюшка сидитъ въ кабинетѣ Штейнбаха.

Въ каминѣ пылаетъ огонь. Вся мебель изъ темной дорогой кожи, съ бронзой. Ковры и шелковыя темныя портьеры заглушаютъ шаги, смягчаютъ звуки. Мраморныя цѣнныя статуи и группы красиво сверкаютъ бѣлизной на мрачномъ фонѣ. Дядюшка не можетъ налюбоваться коллекціей восточнаго оружія на стѣнѣ и персидскими коврами дивнаго рисунка на тахтѣ, въ глубинѣ комнаты. Совсѣмъ уголокъ Востока. Недостаетъ опіума и гашиша.

— Есть и то, и другое,—улыбается Штейнбахъ.—Но для любителей.

— А вы?

— Увлекался въ юности. Но отсталъ... съ большимъ трудомъ. Хотите попробовать?

— Нѣтъ... нѣтъ! Богъ съ вами!—Дядюшка машетъ руками.

Какія картины! Мейссонье, Манэ, Миллэ, Пюви Шаваннь, Бастіэнъ-Лепажъ, Беклинъ, Штукъ, немного Шнейдера...

— Я его не люблю,—говоритъ Штейнбахъ.—Онъ истериченъ. Поразительно хороша только вотъ эта фигура...

И онъ указываетъ на Христа. Какимъ-то страстнымъ широкимъ жестомъ, обнимающимъ міръ, раскинулись руки его въ воздухѣ. Гордо, съ вызовомъ глядитъ онъ въ лицо діаволу. За нимъ призрачно рѣютъ очертанія креста. Діаволъ на скалѣ, увидавъ эту фигуру, отступаетъ въ ужасѣ... Побѣда...

— Это, вы знаете, только копія, но очень удачная. Не правда ли? Подлинникъ въ музеѣ.

— Удивительно!—говоритъ дядюшка...—Но до чего у него некрасивъ и примитивенъ діаволъ! Этого ему нельзя простить... Вообще, грубый талантъ. Я больше цѣню Штука.

— Да. Штукъ язычникъ... Вы видите улыбку этого Кентавра, похищающаго нимфу? Это надо пережить самому...

— Не скажите... А это?—И дядюшка указываетъ на другую картину: знаменитую Laster, женщину со змѣемъ на плечѣ.— Такъ изобразить Еву, или просто женщину, могъ только семитъ... А вы что любите больше всего изъ вашей коллекціи?

— Представьте, не оригиналы... Несмотря на ихъ несомнѣнныя достоинства и цѣнность. Я люблю вотъ эту простую гравюру. Я бы ничего не пожалѣлъ, чтобы имѣть подлинникъ.

— А... *Островъ Мертвыхъ*... Да... Здѣсь много настроенія...

Они сидятъ за круглымъ небольшимъ столикомъ. Онъ весь изъ синяго агата, съ инкрустаціей изъ серебра. Передъ ними мадера, бисквиты, фрукты.

— Куда ни оглянешься, шедевры, — говоритъ дядюшка, вздыхая.—Откуда это у васъ? Этотъ столикъ?

— Я купилъ его на аукціонѣ въ Римѣ, послѣ смерти одного кардинала... Вотъ эту вазу тоже. Она изъ цѣльнаго оникса. Я ее люблю, какъ все, что дышитъ древностью. Этимъ вещамъ двѣ тысячи лѣтъ.

— Но живопись и скульптуру вы, я вижу, предпочитаете современную?

— О, да. Въ ней такъ много тонкости и сложности! Древніе были слишкомъ примитивны...

— Ну... не скажите!.. А Петроній? А римскіе нравы?

— У насъ есть все, что было тогда въ смыслѣ разврата, роскоши и индивидуализма. Прибавьте къ этому элементы, привнесенные христіанствомъ, соціализмомъ, наконецъ. И вы поймете, насколько современная душа утончилась. Возьмите хотя-бъ Родэна, Бартелеми... Вы это видѣли?

Они подходятъ къ знаменитой мраморной группѣ *Любовь*.

— Какая мощь! Не правда ли? Здѣсь что-то стихійное. Это Толстой въ скульптурѣ. Это геній, пролагающій новые пути.

— Надо, однако, долго смотрѣть, чтобъ понравилось,—говоритъ дядюшка неодобрительно.

— Да. Но потомъ Канова кажется такимъ... манернымъ. Точно Массенэ послѣ Вагнера... А это?.. Какой контрастъ! Какъ долженъ былъ этотъ Бартелеми любить жену, чтобъ создать вещь съ такимъ настроеніемъ!.. Опять-таки душа семита...

— Постойте... Гдѣ я это видѣлъ?

— Если вы были въ Парижѣ, на кладбищѣ Перъ-Лашеза. Это при входѣ. «Посвящается мертвымъ».

Уже въ концѣ визита, когда Штейнбахъ вкрадчиво выспросилъ у дядюшки все, касающееся Мани (кромѣ его собственныхъ предположеній),—дядюшка вдругъ дѣлаетъ такое лицо, точно съѣлъ лимонъ. Онъ вынимаетъ письмо сестры и молча кладетъ его передъ Штейнбахомъ.

Тотъ читаетъ, расширивъ глаза.

И вдругъ поднимается въ глубокомъ волненіи. Никогда дядюшка не видалъ его такимъ.

— Вы понимаете, конечно, Маркъ Александровичъ... Это такое щекотливое порученіе...

Штейнбахъ, схватившись за виски, бѣгаетъ по комнатѣ.

— Ради Бога, Федоръ Филиппычъ!.. Ни слова... Меня, какъ Эзопа, преслѣдуетъ какой-то рокъ... Стоитъ мнѣ подойти къ людямъ, привязаться къ нимъ, какъ всплываетъ это... прошлое... Точно изъ могилы своей отецъ все еще протягиваетъ руку... И сѣетъ вокругъ меня одиночество... Это было такъ всегда, и раньше... Онъ не одни милліоны оставилъ мнѣ въ наслѣдство, Федоръ Филиппычъ... И не скоро еще зацвѣтетъ трава тамъ, гдѣ онъ прошелъ случайно...

Дядюшка прижался въ углу софы и глядѣть боится... Вспоминается все, что онъ слышалъ о враждѣ между отцомъ и сыномъ. За послѣдніе три года всего разъ наѣзжалъ Штейнбахъ въ Липовку, чтобъ навѣстить больного старика. И дяди сумасшедшаго никто не видалъ въ ихъ краяхъ, пока не умеръ старикъ баронъ.

Волненіе Штейнбаха такъ глубоко и неожиданно, что дядюшка растерялся. Какія-то перегородки словно падаютъ между нимъ и этимъ всегда замкнутымъ, страннымъ человѣкомъ. «Онъ

никогда не былъ счастливымъ», думаетъ дядюшка. И чувствуетъ удовлетвореніе.

Штейнбахъ уже овладѣлъ собою. Онъ подходитъ къ софѣ.

— Дайте мнѣ это письмо, Федоръ Филиппычъ!.. Вашей сестрѣ передайте, что я очень извиняюсь передъ нею. Все это забывчивость моего повѣреннаго... Пусть она спитъ спокойно!.. Я никогда не забуду ея радушія и... доброты Софьи Васильевны...

У дядюшки бьется сердце... Спросить страшно... Неужели? Какъ дрожитъ его голосъ!.. Такими горячими нотками... Какое у него сейчасъ прекрасное лицо! Неужели...

Они молча жмутъ другъ другу руки.

Штейнбахъ провожаетъ гостя до лѣстницы.

Соня дежуритъ въ корридорѣ. Она бѣжитъ навстрѣчу дядюшкѣ.—Что онъ сказалъ?.. Вы говорили ему?

Дядюшка разводитъ руками. У него странное, задумчивое лицо. Они входятъ въ номеръ.

Маня сидитъ на диванѣ, за самоваромъ, и разсѣянно болтаетъ ложкой въ остывшей чашкѣ.

— Удивилъ меня твой поклонникъ... Удивилъ и растрогалъ.

И дядюшка подробно разсказываетъ.

У Мани большіе глаза. Соня задумалась.

— Дядюшка!—вдругъ вскрикиваетъ она.—Вы поняли, что это значитъ?

— Боюсь думать, душа моя...

— А я знаю... Знаю... О!

Она хватаетъ себя за лицо. Ея глаза сіяютъ.

— Дядюшка!.. Я говорила вамъ, что вы его не понимаете!.. Ахъ! Мнѣ все равно самой... Мнѣ денегъ не надо... И бѣдности я не боюсь... Жалко маму... И отца, который такъ бьется... Но я счастлива сейчасъ, потому что никто изъ васъ теперь... никто не посмѣетъ назвать его «жидомъ»!..

— Такъ ты думаешь...

— О, я навѣрное знаю... Ахъ, молчите!.. Не надо!.. Разскажите мнѣ еще разъ... Повторите, какъ онъ это сказалъ... «Изъ-за Софьи Васильевны»... Онъ обо мнѣ думалъ, дядюшка... Онъ думалъ обо мнѣ...

— Сонечка... О чемъ ты плачешь?

— Ахъ!.. Оставьте!.. Не мѣшайте!.. Я такъ сча...стли...ва...

Она убѣгаетъ.

Маня безмолвно и неподвижно глядитъ ей вслѣдъ.

На другой день по пріѣздѣ дядюшки въ Лысогоры, Вѣра Филипповна получаетъ заказное письмо. На адресѣ почеркъ Штейнбаха.

— Федя!—кричитъ она дикимъ голосомъ.

Горленко въ ригѣ. Братъ вбѣгаетъ. Беретъ изъ ея рукъ конвертъ и вскрываетъ его.

На полъ падаетъ разорванная на-двое закладная.

— Что это такое?.. Что это?

— Вотъ... вотъ... Я такъ и думалъ... Я догадался... Вѣрочка, какое счастье!

Вѣра Филипповна заливается слезами. Въ письмѣ стоитъ:

«Простите! Не могу понять, какъ въ числѣ всѣхъ другихъ «уничтоженныхъ мною долговыхъ обязательствъ могла сохра«ниться эта бумага. Забывчивость моего стараго повѣреннаго «одна виною всему. Смерть отца уничтожила всѣ его претензіи «къ должникамъ, всѣ сдѣлки. По закону, я—наслѣдникъ иму«щества. Но проклятія и ненависть, которыя шли по его пя«тамъ, непосильная ноша для моихъ плечъ.

«На-дняхъ я уѣзжаю за границу. И не знаю, когда вернусь «въ Ваши края. Примите Вы и вся Ваша семья мою глубочай«шую благодарность за радушіе, которое я встрѣтилъ въ Ва«шемъ домѣ». М. Штейнбахъ.

Барону Штейнбаху. Москва. Собственный домъ.

«Маркъ Александровичъ, мама все написала мнѣ. Но я и «раньше изъ словъ дядюшки поняла, что̀ вы сдѣлали для насъ.

«Мама проситъ передать вамъ письмо отца въ руки. Напи«шите, когда я могу васъ застать.

«Я знаю, что отецъ пишетъ вамъ рѣзкости. Онъ весь подъ «вліяніемъ Нелидова. Нелидовъ тоже поступилъ благородно. Онъ «самъ предложилъ отцу эти пять тысячъ, которыя вамъ высы«лаютъ. Маркъ Александровичъ, вы поймете—его. Вы, вѣдь, все «можете понять. Бѣдные люди самолюбивы и обидчивы. Въ «сравненіи съ вами отецъ—бѣднякъ. Онъ обѣщаетъ расплатиться «съ вами черезъ семь лѣтъ. Пусть утѣшается! Не отнимайте «у него этой радости. И если онъ предложитъ векселя, возьмите. «Не все ли вамъ равно? Сердце мамы вы купили навсегда и «всецѣло. У насъ—женщинъ—, должно-быть, нѣтъ самолюбія. «И мы умѣемъ видѣть красоту души тамъ, гдѣ другіе видятъ... «какіе-то загадочные разсчеты.

«Маркъ Александровичъ, я знаю, что при встрѣчѣ съ вами «не найду словъ... И можно ли намъ совсѣмъ не говорить объ «этомъ? Какъ будто это случилось съ другими, въ книгѣ или «во снѣ... Но сейчасъ я хочу тоже горячо поблагодарить васъ. «Не за то, что вы отогнали отъ мамы безсонныя ночи и огор«ченія. Не за то, что вы продлили несомнѣнно жизнь моего «отца, устранивъ его тревоги... Я благодарю васъ за мои свѣт«лыя слезы! Благодарю васъ за мою вѣру въ человѣка... За мою «вѣру въ васъ.

«Кто знаетъ?.. Не сумѣю ли я, въ свою очередь, доказать «вамъ мою преданность? Мы живемъ въ такое странное время, «когда и дѣти и дѣвушки вдругъ выростаютъ на голову. И дѣ«лаютъ вещи, которыя подъ силу мужчинѣ. Все, что я знаю «о васъ, и что наполняетъ восторгомъ мою душу,—позволяетъ «мнѣ надѣяться, что я когда-нибудь окажусь вамъ полезной... «Развѣ мы не молимся однимъ богамъ?

«Вы можете всегда дать мнѣ порученіе. Самое опасное, са«мое серьезное. И если даже жизнь моя будетъ стоять на картѣ, «я съ улыбкой отдамъ мою жизнь за васъ». Соня.

Внизу приписка: «Нынче Маня переѣзжаетъ къ брату».

IV.

Въ началѣ октября, когда первые заморозки сковали грязную землю, въ сумеркахъ подъ окнами дома № 8 останавливается извозчичья пролетка. И въ тихой квартирѣ Ельцовыхъ вдругъ раздается звонокъ.

— Маня!.. Маня!.. Она!—кричитъ Анна Сергѣевна. И кидается въ прихожую.

Петръ Сергѣевичъ прильнулъ къ окну.

Дѣйствительно, у воротъ стоитъ женская фигура. Извозчикъ слѣзъ съ козелъ и тащитъ на крыльцо большую плетеную корзину-сундукъ. Петръ Сергѣевичъ бѣжитъ на крыльцо. Сестры стоятъ, обнявшись.

— Подсобите, Марья!—нервно кричитъ Петръ Сергѣевичъ кухаркѣ, которая испуганно выглянула въ сѣни.

Маня кидается ему на грудь. Нервы ея такъ слабы, что слезы выступаютъ... Хорошо, что темно...

— Ну, ну... слава Богу!.. Что же ты такъ... внезапно?.. Написала бы, что ли... Я бы встрѣтилъ на вокзалѣ...

Его ласковый голосъ дрожитъ. Онъ цѣлуетъ свѣжія щеки дѣвушки. Анна Сергѣевна кашляетъ.

— Аня!.. Ступай въ комнаты!.. Простудишься... Марья снесетъ... Сколько надо извозчику?

— Ахъ, Боже мой!—лепечетъ Анна Сергѣевна.—Ну, какъ же это такъ? Хоть бы письмомъ предупредила...

— Ха!.. Ха!.. Какіе вы чудные!.. Точно не рады мнѣ... Виноватые какіе-то...

— Богъ съ тобой!.. Мы просто поглупѣли на радостяхъ... Аня!.. Да уйди ты!.. Безъ тебя справимся... Самоваръ, Марья!.. Да, пожалуйста, поживѣе... Сколько извозчику?

Сестры входятъ въ столовую.

— Ухъ!.. Какъ у васъ темно!.. Отчего огня нѣтъ?

— Сейчасъ... сейчасъ...—Петръ Сергѣевичъ бросается къ лампѣ. Потомъ выхватываетъ изъ рукъ кухарки картонку на самомъ порогѣ въ гостиную.

— Ступайте!.. Самоваръ поскорѣе!..

Онъ старательно запираетъ за нею дверь на крючокъ, ставитъ картонку прямо на полъ и начинаетъ зажигать висячую лампу.

— А мама гдѣ?—спрашиваетъ Маня, раздѣваясь.

— Мама?—Анна Сергѣевна растерянно оглядывается.—Мама спитъ... Она сейчасъ только заснула... Будемъ говорить тише!..

Она понизила голосъ, какъ только переступила порогъ дома. И Маня ловитъ себя на томъ, что и она сама говоритъ тише. Она вспоминаетъ, что даже тамъ, на крыльцѣ, въ первое мгновеніе, казалось, непосредственной, яркой радости, Аня чего-то боялась словно... И крикъ-то радости былъ подавленный. И самая радость была только вполовину.

«Ухъ, тоска какая! И какъ это они, несчастные, могутъ жить въ этой тишинѣ?»

— А я къ вамъ ненадолго... Соня комнату нашла у брата фрау Кеслеръ... Помнишь, гдѣ мы жили тогда? Она освободится черезъ недѣлю, — говоритъ Маня, снимая шляпу. — Мы, вѣдь, обѣ на курсы поступили. Вмѣстѣ жить будемъ... Пріютите меня только пока... Не хочу стѣснять Соню. Номерокъ у нея маленькій.

Братъ съ сестрой переглядываются.

— Мы тебя устроимъ въ угловой, въ моемъ кабинетѣ,—говоритъ онъ.—Я сейчасъ снесу твои вещи... Аня, помоги!..

— Корзина тяжела. Вы надорветесь. Позовите кухарку...

— Нѣтъ!..Зачѣмъ?Мы сами...Мы всегда все дѣлаемъ сами...

— Ахъ, какъ жаль, что ты не дала знать!—причитаетъ Анна Сергѣевна.

Они скрываются, волоча корзину.

Маня оглядывается съ страннымъ чувствомъ.

Вотъ изъ міра безумно-яркихъ, сказочно-прекрасныхъ переживаній она спустилась сюда, въ эту убогую жизнь. Чужая и далекая всѣмъ. Какъ житель Сатурна. Она любила, страдала, наслаждалась. Стала женщиной. Здѣсь ничто не измѣнилось.

Она узнаетъ старую, совершенно выцвѣтшую мебель; бархатную, полустершуюся скатерть; фарфоровую пепельницу, красную лампу на столѣ, альбомъ. Отъ этихъ предметовъ вѣетъ старой тоской ея дѣтства, какъ отъ мѣховыхъ вещей долго пахнетъ камфарой, хотя ужъ весна на дворѣ.

Какіе-то странные звуки слышатся рядомъ. Не тамъ, за стѣной, гдѣ двигаютъ мебель, а тутъ, рядомъ. Не то шопотъ, не то шорохъ и вздохи...

Маня встаетъ и выходитъ въ коридоръ.

Никого... Откуда-то падаетъ свѣтъ. Она дѣлаетъ два шага, заворачиваетъ за уголъ. И крикъ замираетъ на ея губахъ.

Въ углу, спиной къ ней, стоитъ женщина въ рубашкѣ. Босая. На морщинистую шею безпорядочно падаютъ космы сѣдыхъ, коротко остриженныхъ волосъ. Она стоитъ, наклонившись, словно разглядываетъ что-то или ищетъ на полу. И шепчетъ.

Кто эта старуха?

Вдругъ женщина оглядывается. Повертывается къ Манѣ лицомъ, еще не видя ее. И Маня узнаетъ мать.

Да, она ее узнаетъ. Хотя въ лицѣ этой жуткой старухи не осталось ничего отъ плѣнительнаго образа госпожи Ельцовой. Но страшное выраженіе глазъ, врѣзавшееся въ дѣтскую душу, несомнѣнно то же.

На лицо ея теперь ярко падаетъ свѣтъ изъ столовой.

— Мама... Здравствуй!..—Голосъ Мани дрожитъ.

Старуха только теперь видитъ дочь. Она смѣется. Ея передніе зубы обломаны, и ротъ кажется черной дырой.

— Тсс!—вдругъ дѣлаетъ она, подымая палецъ и грозя съ безсмысленной улыбкой.—Не говори никому... Сохрани Боже!.. Карандашъ-то, знаешь?.. Выстрѣлилъ карандашъ...

Она идетъ къ Манѣ, жестикулируя и кивая. И что-то бормочетъ безъ связи и смысла.

— Аня!.. Аня! — дико кричитъ дѣвушка. И кидается въ уголъ, за дверь.

Старуха вздрогнула. А ужъ Анна Сергѣевна тутъ.

Увидавъ старшую дочь, старуха вдругъ впадаетъ въ безпричинный какъ будто гнѣвъ.

— Не хочу!.. Не хочу!—кричитъ она. И машетъ рукой.

— Мама... Нельзя... Туда нельзя!—лепечетъ Анна Сергѣевна. Хватаетъ руку сумасшедшей и тащитъ ее въ спальню...

Нѣсколько секундъ длится короткая, нѣмая борьба.

Ключъ щелкнулъ въ замкѣ... Маня остается одна.

Она выходитъ изъ угла, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Висячая лампа ярко освѣщаетъ столъ. Маня подходитъ медленно. Она водитъ рукой по скатерти.

— Готово,—говоритъ Петръ Сергѣевичъ, входя.—Тебѣ тамъ будетъ недурно!—Онъ вдругъ смолкаетъ, пораженный.

— Я сейчасъ видѣла... маму...

Маня говоритъ тихо, съ трудомъ. И тотчасъ садится.

Петръ Сергѣевичъ все глядитъ на нее и блѣднѣетъ съ каждой секундой. Маня тоже не сводитъ съ него огромныхъ, жадныхъ, жалкихъ глазъ.

— Она ужасно измѣнилась... Совсѣмъ старуха... Но я все-таки ее узнала. Петя... чѣмъ она больна?

Вся кровь сбѣгаетъ съ ея лица въ ожиданіи отвѣта. Такихъ глазъ Петръ Сергѣевичъ никогда не видѣлъ у дѣвочки Мани. Они приказываютъ, умоляютъ, грозятъ кому-то... Кому же? «Какъ онѣ похожи!..» пронзаетъ его мысль.

— Чѣмъ она больна, Петя?

У стола уже стоитъ Анна Сергѣевна. Она подошла, беззвучная и блѣдная. Въ одно мгновеніе, взглянувъ на эти лица, она поняла все.

— Мама?.. Ты спрашиваешь, чѣмъ она больна?.. Но, вѣдь, ты же знаешь, дѣточка... У нея нервное разстройство...

Петръ Сергѣевичъ, опустивъ голову, отходитъ къ окну.

— И... это... серьезно?

— Очень.

— И... неизлѣчимо?

— Да...

— Отчего же... это сдѣлалось?

Анна Сергѣевна молчитъ.

Тогда отъ окна звучитъ глухой отвѣтъ:

— Это—наслѣдственность. То, съ чѣмъ напрасно бороться. Что неотвратимо, какъ смерть...

Маня склоняется надъ столомъ, какъ придавленная.

У нея нѣтъ мужества продолжать разспросы.

Она рано уходитъ спать. И долго еще въ столовой царитъ тяжелая тишина.

— Петя... Ты замѣтилъ?

— Да...

— Почему она такъ измѣнилась? Она испугалась?..

— Не знаю...

— Какъ она похудѣла, бѣдняжка! И такая блѣдная... Ее убила правда, Петя...

Они долго молчатъ.

И опять звучитъ шопотъ:

— Не даромъ я этого боялась...

— И я тоже.

V.

Маня просыпается около девяти. И опять закрываетъ глаза.

Чувство такое, какъ было послѣ смерти Яна. Не надо вставать. Не надо двигаться. Не надо жить.

Но въ дверь просовывается испуганное лицо Анны Сергѣевны.

— Дѣтка... Проснулась?.. Ты здорова?

Въ порывѣ страстной нѣжности она беретъ голову Мани въ свои руки и цѣлуетъ ея глаза и волосы.

— Вставай! Мы сваримъ кофе... Ты развѣ нынче не пойдешь на курсы?

— Ахъ, да... курсы?.. Н-не знаю, Аня... Дай чулки, пожалуйста!.. Вонъ тамъ, на коврѣ.

Анна Сергѣевна возвращается въ столовую и хлопочетъ около кофейника.

Петръ Сергѣевичъ озабоченно ходитъ по комнатѣ. Часто останавливается у окна и глядитъ въ небо.

Оно покрыто тучами, сизыми, грозными, полными снѣга. Вѣтеръ треплетъ на дворѣ голыя деревья, гнетъ ихъ къ землѣ. И, яростно постучавъ въ окна, мчится дальше...

— Петя... Кажется, погода ломается?

— Да...

— Такъ скоро?.. Такъ неожиданно?

Онъ молчитъ, угрюмо глядя на тучи.

— Вотъ отчего *она* была такая неспокойная нынче... А я-то думала, что ее взволновала встрѣча съ Маней...

— Она ее не помнитъ.

— Такъ неужели же, Петя?..

— Да, я боюсь припадка.

— Боже мой! Боже мой!.. Что мы будемъ дѣлать? Не послать ли Маню къ Сонѣ или фрау Кеслеръ на эту ночь?

Звонокъ.

Они вздрагиваютъ оба. Анна Сергѣевна роняетъ ложечку. Они боятся звонковъ. Людей. Жизни.

Люди—это больные, которые должны являться въ опредѣленные часы. Всѣ другіе лишніе. Надо беречь силы. Надо беречь энергію.

Петръ Сергѣевичъ входитъ и запираетъ за собою дверь.

— Телеграмма?! — вскрикиваетъ Анна Сергѣевна. И въ лицѣ ея ужасъ.

— Это Манѣ... Отъ кого бы это?

— Вотъ странно!—враждебно говоритъ Анна Сергѣевна и пожимаетъ плечами.—Не успѣла пріѣхать, ужъ телеграмма...

Она беретъ ее и идетъ опять въ угловую.

Маня въ одномъ чулкѣ и въ рубашкѣ сидитъ на постели. Глаза ея смотрятъ въ одну точку. Но эти глаза мертвы. Странное оцѣпенѣніе во всей ея позѣ.

— Тебѣ телеграмма,—говоритъ сестра.

Маня, какъ лунатикъ, разрываетъ бумагу. Рветъ ее наискось. Читаетъ, даже не силясь понять и подобрать строку къ строкѣ:

«Мари, простите. Забудьте. Ѣду въ Москву на-дняхъ. Прошу руки. Весь вашъ Нелидовъ».

Она кричитъ. Запрокидываетъ голову. Хохочетъ и рыдаетъ, вся изгибается. Падаетъ на постель, держась за горло.

«Истерика»... Петя!.. Петя!—отчаянно зоветъ Анна Сергѣевна. Она накидываетъ одѣяло на сестру. Петръ Сергѣевичъ вбѣгаетъ.

— Воды... Аня... Капли... въ буфетѣ... Скорѣй!.. Скорѣй!..

Анна Сергѣевна поднимаетъ съ полу бумагу и прячетъ въ карманъ. Ахъ, недаромъ она такъ боится телеграммъ и звонковъ!

Въ столовой она быстро читаетъ безграмотно отпечатанныя и наклеенныя буквы. И глаза ея останавливаются.

Припадокъ стихаетъ. Маня лежитъ головой на груди брата. Онъ обнялъ ее, какъ обнималъ когда-то въ дѣтствѣ, готовый защитить ее отъ людей и жизни, этой страшной мачехи-жизни. Онъ цѣлуетъ ея лобъ. Страстно цѣлуетъ ея мокрыя рѣсницы, въ могучей, неистребимой потребности любить и ласкать.

— Петя! Милый... Какъ я счастлива! Боже, какъ я счастлива!... Теперь я могу жить... Теперь я опять буду смѣяться,

плясать.... Я думала, все кончено, Петя!.. О, поцѣлуй меня! Мнѣ такъ нужна ласка!.. Я такъ озябла безъ ласки и любви...

— Сокровище мое!—бормочетъ онъ и гладитъ ея голову дрожащими руками.—Напугала же ты насъ... Отъ кого телеграмма?

— Да... Гдѣ она?.. Ахъ!.. Ее тутъ нѣту... Петя, погляди подъ постелью... Я уронила ее... Вонъ тамъ, на одѣялѣ...

— Вы телеграмму ищете?—страннымъ звукомъ спрашиваетъ Анна Сергѣевна, показываясь на порогѣ.—Вотъ она...

Маня хватаетъ бумагу съ сіяющими глазами и цѣлуетъ ее, какъ талисманъ.

Петръ Сергѣевичъ медленно встаетъ.

— Отъ кого эта телеграмма, Маня?

— Ахъ! Потомъ... Потомъ... Оставьте меня!.. Я одѣнусь... Я выйду... Я вамъ все разскажу...

Онъ выходитъ изъ комнаты, прямой и бѣлый. Сестра, какъ тѣнь, идетъ за нимъ.

У стола онъ оглядывается и пристально смотритъ на Анну Сергѣевну. Его губы шевелятся. Но безъ звука.

— Да...—говоритъ она тихо.

Онъ, какъ снопъ, опускается на стулъ. Глаза его тупо глядятъ въ одну точку.

Черезъ часъ онъ уходитъ въ больницу.

Онъ выслушалъ все. Узналъ все, чего боялся. Достигъ предѣла горя. На этотъ день довольно!

Когда-нибудь потомъ, исподволь, онъ подготовитъ свой ударъ. Ударъ, отъ котораго померкнутъ эти искристые глазки, созданные, казалось, для радости...

Могъ ли онъ думать, что опоздаетъ съ признаніемъ?

Преступная слабость!.. Онъ одинъ во всемъ виноватъ...

Маня была у фрау Кеслеръ. Она говорила ей о своей радости. Ее удивила и огорчила холодность, съ какой дома встрѣтили эту вѣсть. Со стороны Ани чуть ли не враждебно... Ревнуютъ они, что ли? На что же они, однако, разсчитывали? На жизнь втроемъ?.. Несчастные!..

— Куда же ты? Посиди, Маня!..

— Нѣтъ.... Нѣтъ... Простите, фрау Кеслеръ... Я должна бѣжать... Я не могу усидѣть въ комнатѣ...

Очень оригинально встрѣчаетъ эту вѣсть Соня. Не вѣритъ.

Требуетъ телеграмму. И долго, пытливо разбираетъ ее, точно ищетъ прочесть между строкъ. Она не поздравляетъ Маню.

— Ты не рада за меня?—грустно спрашиваетъ Маня.

— Ахъ! Что ты говоришь такое! Конечно рада... Вѣдь ты... не одна на свѣтѣ...

«Какъ она любитъ Марка! Какъ она его странно любитъ!» думаетъ Маня. «Какъ можетъ она желать ему счастья со мной?»

Дома она садится писать Нелидову. Но бросаетъ перо. И мечтательно глядитъ въ окна.

У Анны Сергѣевны заплаканные глаза. Маня ловитъ на себѣ ея странный, бѣглый, неискренній взглядъ.

«Бѣдная Аня... Быть можетъ, зависть? Ахъ, это такъ понятно!..»

Она подходитъ и цѣлуетъ сестру. Та всхлипываетъ, вырывается и убѣгаетъ.

Тяжело вздохнувъ, Маня бочкомъ присаживается на табуретъ, передъ роялемъ, и беретъ аккорды одной рукой.

— Тише... Тише!.. Нельзя играть...

Анна Сергѣевна показывается въ дверяхъ.

— Почему нельзя? Развѣ мама спитъ?

— Нѣтъ... но... ей нынче хуже. Она очень безпокойна. Музыка ее раздражаетъ.

Глаза Мани меркнутъ разомъ. Углы рта опускаются.

Какъ она могла объ этомъ забыть?

Сумерки падаютъ. Она сидитъ у окна, задумавшись. Глядитъ въ небо, полное снѣжныхъ тучъ.

На противоположномъ тротуарѣ стоитъ Штейнбахъ. Онъ пристально смотритъ на Маню.

Она вдругъ замѣчаетъ его. Она откидывается вглубь комнаты съ бьющимся сердцемъ.

«Наглецъ!» шепчетъ она и топаетъ ногой. «Что если Аня, или Петя замѣтятъ его?»

Она идетъ къ себѣ, садится за книгу. Черезъ минуту встаетъ, сгорая отъ любопытства и тревоги. Напѣвая, возвращается она въ столовую и останавливается. Анна Сергѣевна стоитъ у окна.

— Куда ты глядишь?—невиннымъ тономъ спрашиваетъ Маня и обнимаетъ талію сестры. Такъ и есть!.. Высокая фигура все еще неподвижно чернѣетъ у дома, черезъ улицу.

— Да вотъ гляжу на этого нахала... Что ему нужно?

— Что такое, Аня?

— Видишь? Стоитъ... Это Богъ знаетъ что!..

Маня звонко хохочетъ. Все внутри у нея дрожитъ мелкой дрожью.—И давно стоитъ?

— Да минутъ съ десять... И уже не въ первый разъ...

— Неужели?—неосторожно срывается у Мани. Она чувствуетъ, какъ загорѣлись ея уши.

— Мнѣ кажется теперь, что я и вчера его видѣла... Да не обратила вниманья... А нынче это уже въ третій разъ... Подойдетъ и смотритъ...

— Не живетъ ли кто-нибудь наверху?..

Анна Сергѣевна пожимаетъ плечами.

— Наверху?.. Ну, конечно, живутъ... Офицерша...

Маня крѣпко цѣлуетъ сестру.

— Ахъ, Аничка!.. Ну что же ты такъ сердишься на бѣдную офицершу? Пусть ее флиртуетъ!..

— Какое скверное слово!.. Кто тебя этому выучилъ?

Маня какъ-то странно смѣется.

— Я прогуляюсь до обѣда... Пойду навстрѣчу Петѣ.

— Уходитъ!.. Слава Богу!—ворчитъ Анна Сергѣевна.—Вотъ нахалъ!

Маня, совсѣмъ одѣтая, беретъ скомканную телеграмму, прячетъ ее въ карманъ и выходитъ изъ дома.

Штейнбахъ идетъ по другой сторонѣ улицы, немного впереди. Онъ постепенно замедляетъ шагъ и оглядывается.

Маня быстро проходитъ мимо него, почти пробѣгаетъ. Голова ея низко опущена. Щеки пылаютъ. Глубоко засунувъ руки въ карманы своего пальто, она бѣжитъ, не глядя...

Штейнбахъ видитъ ее издали и мѣняется въ лицѣ.

Не останавливаясь и не кланяясь ей, онъ только прибавляетъ шагу. И такъ они идутъ порознь, по разнымъ тротуарамъ, пока не кончается переулокъ.

У бульвара онъ ее догоняетъ. Она остановилась. Она задыхается, приложивъ руку къ груди. Онъ почтительно склонился передъ нею, приподнявъ шляпу.

— Это возмутительно!—говоритъ она и топаетъ ногой.—Какъ вы смѣете меня преслѣдовать?

Онъ стоитъ молча, съ обнаженной головой. Оба блѣдны.

— Вашему нахальству нѣтъ имени... Моя сестра васъ замѣтила... Не достаетъ, чтобы и братъ тоже.... Чего вы добиваетесь? И кто далъ вамъ право?..

— Моя любовь...

Она поднимаетъ на него глаза. До этой минуты она избѣгала смотрѣть на него.

— Мнѣ хочется васъ ударить!

— Ударьте.

Его губы кривятся. Но глаза не улыбаются.

— На насъ смотрятъ,—говоритъ онъ вкрадчиво.—Позвольте предложить вамъ руку...

Ея лицо загорается. Но, послѣ секунды колебанія, она покорно беретъ его подъ руку.

Вѣтеръ съ злобнымъ визгомъ несется имъ навстрѣчу, треплетъ деревья бульвара, вихремъ поднимаетъ послѣдніе мертвые листья... Трудно дышать.

— Я не могу идти... Сядемте!..

У Мани вдругъ слабѣютъ ноги. Углы ея рта опускаются. Когда у нея начинается приступъ этого страннаго недомоганія, ей какъ-то ужъ не хочется жить. Все теряетъ цѣну.

Маня отнимаетъ руку, и гримаса отвращенія бѣжитъ по ея чертамъ.

— Вы меня раздражаете... Штейнбахъ... (Въ первый разъ она называетъ его такъ.) Ну, скажите ради Бога, зачѣмъ вы здѣсь?.. Вѣдь я же вамъ запретила ѣхать за мной... Я сказала вамъ, что вы мнѣ... противны... Да... противны...

Брови его скорбно сжимаются. Онъ прижмуриваетъ вѣки, какъ будто ея жестокія слова—булавка, которую она ему вонзила въ сердце.

— Это все равно,—говоритъ онъ еле слышно...

Но она насторожилась.

— Что? Что «все равно?..»

Онъ молчитъ, не поднимая головы. Она смотритъ на его вѣки, на его уши.

— Такъ нѣтъ же!..—вдругъ съ внезапной вспышкой говоритъ она.—Не будетъ этого!.. Никогда не будетъ больше... Глядите! Читайте!..

Она уже сунула руку въ карманъ за телеграммой, но передумала. И только усмѣхнулась съ презрѣньемъ.

— Вы можете мнѣ не показывать. Я знаю, что̀ тамъ написано.

— О, еще бы!.. Вы все знаете...

— Онъ проситъ вашей руки. Онъ пишетъ, что ѣдетъ.

Она всѣмъ корпусомъ повертывается къ нему и глядитъ

въ его глаза. Онъ смѣется, вѣрнѣе показываетъ мелкіе, хищные зубы.

— Скажите мнѣ отъ души спасибо, Марія Сергѣевна! До этой рѣшимости довелъ его все-таки я. И вы мнѣ обязаны вашимъ счастьемъ. И вотъ этой презрительной самоувѣренностью...

— Вамъ?.. Это возмутительно!.. Почему вамъ?

— Онъ зналъ, что я выѣхалъ въ Москву за вами. Онъ боялся васъ потерять.

Руки Мани безпомощно опускаются на колѣни. Ея губы дрожатъ.

Выраженіе нѣжности и глубокой печали смягчаетъ черты Штейнбаха. Онъ мягко дотрагивается до руки Мани.

— Не огорчайтесь, дитя мое! Имѣйте мужество взглянуть въ лицо истинѣ. Онъ васъ не любитъ.

— Неправда!..

— Онъ васъ не любитъ. И не пройдетъ двухъ недѣль, какъ онъ отречется отъ васъ.

— За что?.. Развѣ я... виновата передъ нимъ?

Печальная усмѣшка кривитъ его губы.

— Мы часто отвѣчаемъ за чужіе грѣхи. Помните, какъ сказано въ писаніи? «Кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ до седьмого колѣна!..»

— Тише...

Маня встаетъ. Съ ужасомъ она глядитъ на его склоненную голову, на его прекрасный профиль, похожій на Гейне... И чувствуетъ, что отъ этихъ словъ въ сердцѣ ея какъ бы очутилась льдинка. Эти загадочныя слова... Она уже слышала ихъ. Онъ ихъ уже сказалъ ей. Давно. Тогда она не поняла. Теперь разомъ ихъ тайный смыслъ вскрывается передъ нею.

Ей вдругъ становится такъ жутко, такъ холодно... Путникъ, затерянный въ льдистой пустынѣ, подъ полярнымъ небомъ, долженъ чувствовать такой же ужасъ одиночества.

Но вѣдь этотъ... рядомъ... Онъ любитъ... Что бы ни случилось, что бы ни ждало ее завтра, этотъ не измѣнитъ, не уйдетъ...

— Маркъ!—говоритъ она слабо. Кладетъ руку на его плечо и садится.

Штейнбахъ поймалъ эту новую нотку въ ея голосѣ. Онъ крѣпко держитъ на этотъ разъ ея руку.

— Вы простудитесь... Пойдемте!

— Куда?

Онъ молча встаетъ и быстро идетъ впередъ, все такъ же крѣпко придерживая руку Мани.

Вдругъ онъ чувствуетъ, что она содрогнулась.

— Мой братъ...—Маня вырываетъ руку.

Петръ Сергѣевичъ идетъ домой, шагахъ въ двухстахъ навстрѣчу имъ. Но онъ ихъ не видитъ. Глубоко засунувъ руки въ карманы пальто, надвинувъ на глаза шляпу и слегка приподнявъ плечи, онъ идетъ, погруженный въ глубокую задумчивость.

Штейнбахъ заслоняетъ отъ него Маню. Онъ провожаетъ его зоркимъ, пытливымъ взглядомъ. Въ глубинѣ его зрачковъ горитъ какая-то мысль.

Сгорбившаяся печальная фигура исчезаетъ за поворотомъ.

— Прощайте,—говоритъ Маня съ раскаяніемъ.—Я пойду домой... Они меня ждутъ обѣдать...

— Нѣтъ... Нѣтъ... Сейчасъ мы не разстанемся... Маня... дорогая... Вы не будете такъ жестоки... Подарите мнѣ одинъ часъ!

— Они меня ждутъ,—съ отчаяніемъ говоритъ Маня. Она съ трепетомъ чувствуетъ, какъ таетъ опять ея воля и ея ненависть предъ этимъ взглядомъ, предъ этимъ голосомъ.

— Они прождутъ недолго. Одинъ только часъ... Не отталкивайте меня, Маня! Въ концѣ-концовъ, я одинъ останусь у васъ. Потому что одинъ я—люблю васъ.

Она взглядываетъ еще разъ противъ воли въ его глаза. Потомъ медленно закрываетъ ихъ. И ея рука покорно остается въ его рукѣ.

Черезъ мгновеніе они ѣдутъ въ пролеткѣ съ крытымъ верхомъ.

VI.

— Куда вы меня везете?—вдругъ спрашиваетъ Маня, словно просыпаясь. Онъ тихо жметъ ея руку.

— Не говорите противъ вѣтра. У васъ захватитъ горло.

Она смолкаетъ, безсильная сердиться и протестовать. Но въ этомъ знакомомъ безсиліи какое жуткое очарованіе!

Молча ѣдутъ они подъ порывами налетающей бури. И Маня тревожно и съ мольбой глядитъ на этотъ прекрасный профиль, напоминающій Гейне, на это бѣлое, печальное лицо.

Пролетка вдругъ останавливается передъ высокой чугунной рѣшеткой... Чрезъ ажурную рѣзьбу въ глубинѣ двора виденъ великолѣпный двухъэтажный домъ. Строгій, стильный. Похожій на рыцарскій замокъ. За его башнями колышутся голыя

деревья сада. Мелькаютъ желтыя дорожки и клумбы увядшаго цвѣтника. Кружевныя сторы ревниво прячутъ окна. Манѣ кажется, что это сонъ.

Они прошли дворъ. Штейнбахъ не звонитъ. Онъ открываетъ дверь своимъ ключомъ. Въ ярко-озаренной передней нѣтъ никого. Ни швейцара, ни лакея. Гдѣ-то звучатъ торопливые шаги. Гдѣ-то хлопаетъ далекая дверь. И опять все стихаетъ.

Домъ кажется необитаемымъ. Онъ какъ будто знаетъ что-то. Но притаился. И будетъ молчать.

По широкой, крытой ковромъ лѣстницѣ они поднимаются наверхъ. Они проходятъ одну залу, другую, полную картинъ и статуй; круглый концертный, весь бѣлый залъ съ свѣтомъ, падающимъ сверху; рядъ гостиныхъ, роскошную библіотеку и громадную столовую...

— Здѣсь,—говоритъ Штейнбахъ.

Они въ кабинетѣ. Огромное итальянское окно глядитъ въ садъ и даетъ иллюзію обособленности отъ города. Горитъ каминъ. Точно въ Липовкѣ.

Маня оглядывается. Нѣтъ, здѣсь лучше. Нѣтъ того подавляющаго богатства, массы драгоцѣнныхъ и все-таки какъ бы ненужныхъ вещей. Все строго, одноцвѣтно, печально. Даже мрачно. «Какъ его душа», думаетъ Маня. Но это настоящій княжескій дворецъ. Милліоны, скопленные здѣсь въ этой мебели, въ вазахъ, статуяхъ, картинахъ и бронзѣ, не давятъ, не лѣзутъ въ глаза. Непосвященный ихъ не почувствуетъ.

Манѣ ясно, что въ такіе чертоги не приносятъ прошлаго. Здѣсь все довлѣетъ себѣ. Снова вѣетъ сказками Шехеразады. Надо отрѣшиться отъ всего, что тяготило. Раскрыть душу для новыхъ впечатлѣній... Вонъ дивное женское лицо глядитъ на нее изъ рамки. Это лицо надо понять... Вотъ она садится въ кресло чернаго дерева съ перламутровой инкрустаціей. Ручки уже источены червями. Тканая цвѣтами шелковая обивка поблекла. Принцессы крови сидѣли въ этихъ креслахъ. У этого бюро розоваго дерева, изящнаго и воздушнаго, съ рѣзьбой на зеркальномъ шкафчикѣ и съ безчисленными потайными ящичками, быть-можетъ, сама Ламбалль писала billets doux своей возлюбленной Маріи-Антуанеттѣ... Нельзя подходить къ такимъ сокровищамъ съ налетомъ пыли на башмакахъ и въ душѣ! Красивой печалью ушедшей навѣки жизни дышатъ эти вещи. Надо умѣть уважать ее, эту печаль. Надо умѣть молчать.

Штейнбахъ чувствуетъ, что настроеніе создано.

— И все это ваше,—шопотомъ говоритъ она.

— Ваше, Маня,—странно и такъ же тихо отвѣчаетъ онъ.

Она встряхиваетъ головой, какъ бы отгоняя надвигающійся кошмаръ.

— Это ваша любимая комната, Маркъ?

— Да. Здѣсь, въ этомъ домѣ, нѣтъ ни одной вещи, выбранной чужими руками. Но эта комната—мой *home*. Никто сюда не входитъ.

— А дядюшка?.. А Соня?.. Развѣ они не здѣсь были?

— Нѣтъ. Я принималъ ихъ въ другомъ кабинетѣ. Вы—первая женщина, которая вошла сюда.

Щеки Мани вспыхиваютъ.—А... жена ваша?

— Она никогда не была въ этомъ домѣ...

Маня откидывается назадъ съ глубокимъ вздохомъ и безсознательной улыбкой.

— Ахъ! Я еще не раздѣлась...

Вкрадчивыми движеніями онъ помогаетъ ей снять пальто.

Вдругъ она видитъ кокетливую кушетку въ формѣ раковины, тоже, какъ и бюро XVIII-го столѣтія. И на столикѣ передъ нею два прибора, вино и фрукты.

— Мы пообѣдаемъ... Да?—И онъ звонитъ.

Безмолвный слуга въ ливреѣ появляется неожиданно, какъ въ феерiи. Онъ вноситъ дымящіяся блюда въ серебряныхъ судкахъ и скрывается.

Значитъ этотъ обѣдъ наединѣ былъ рѣшенъ заранѣе? Опять глухое раздраженіе начинаетъ подниматься въ ея груди.

Она все-таки ѣстъ, потому что голодна. И все это такъ вкусно пахнетъ! Такъ изысканно сервировано. Но... она краснѣетъ... Есть блюда, отъ которыхъ она отказывается. Она просто не умѣетъ ихъ ѣсть... Только бы онъ не понялъ... И почему онъ самъ ничего не ѣстъ? Это стѣсняетъ...

Вдругъ она блѣднѣетъ и отодвигаетъ тарелку.

— Вамъ не нравится?

— Молчите!.. Не спрашивайте!.. Дайте мнѣ воды...

Она лежитъ нѣсколько минутъ съ закрытыми глазами. Потомъ блѣдно улыбается.

— Вамъ лучше?—вкрадчиво спрашиваетъ онъ.

Она ярко краснѣетъ и садится.

— Да!.. Да!.. Налейте мнѣ вина!..

— Не вредно ли оно вамъ?

— Почему?—съ вызовомъ спрашиваетъ она, избѣгая его взгляда.— Почему вино можетъ быть мнѣ вредно?

Онъ тихонько пожимаетъ плечами.—Вамъ лучше знать...

«Что онъ думаетъ?.. Что онъ знаетъ?.. Неужели догадывается?.. Я умру, если онъ догадается. Это моя тайна. Завѣтная тайна. Скажу одному Николенькѣ. Никому больше въ мірѣ...»

Золотистая влага, ароматная и густая, ударяетъ въ виски. Такое чувство, что кровь зажглась. Пріятно и жутко.

— О, какая прелесть!.. Что это такое?

— Lacrima Cristi... Этому вину пятьдесятъ два года.

Маня задумчиво глядитъ на странный, темный кувшинъ.

— Еще?—глазами спрашиваетъ Штейнбахъ. И наливаетъ, не дожидаясь.

Маня вдругъ ставитъ недопитую рюмку.

— Маркъ... Маркъ... Гдѣ ты?.. Темно... Мнѣ дурно, Маркъ...

Когда она приходитъ въ себя, она лежитъ въ глубинѣ комнаты, за старинными вышитыми золотомъ ширмами, на широкой софѣ, какія мы видимъ на сценѣ, въ рыцарскихъ пьесахъ Меттерлинка. Широкая софа, а на ней брошена тяжелая парчевая, старинная ткань.

Въ слѣдующее мгновеніе Маня видитъ и ее, и эти ширмы, и лицо сокола, склоненное надъ нею. И эти брови, которыя она такъ любитъ... Но видитъ какимъ-то другимъ зрѣніемъ. Сознаніе еще дремлетъ.

— Гдѣ я?—шепчетъ она.

— Со мною... Не бойся ничего,—звучитъ шопотъ.

И глаза безъ дна и блеска глядятъ въ ея зрачки такъ близко-близко. И дыханіе ихъ мѣшается.

Она обнимаетъ его голову въ могучемъ порывѣ къ счастью. Если-бъ онъ и хотѣлъ вырваться, она не отпустила бы его... Ея темная, дремлющая душа вся трепещетъ отъ предчувствія радости, божественной радости, которой не было такъ давно... Такъ безконечно-давно!.. Ея губы ищутъ его уста и приникаютъ къ нимъ жадно, какъ къ свѣжему ключу въ палящей пустынѣ... О, забыться!.. Почувствовать экстазъ... Почувствовать себя опять богомъ на землѣ..

VII.

Часы бьютъ.

Она просыпается. Но не открываетъ глазъ.

Гдѣ она? Отчего у нея было такое чувство, что кто-то близ-

кій и любимый, такой сильный и горячій, лежалъ съ нею рядомъ? И даже послушныя линіи ея тѣла сохранили еще какъ-будто это прикосновеніе, эту ласку...

— Николенька?—шепчетъ она. И улыбается.

Вдругъ искра пробѣгаетъ по ея тѣлу. Она мгновенно выпрямляется и садится. Она все вспомнила.

Въ ногахъ ея сидитъ Штейнбахъ. Подъ локтемъ у него вышитая подушка. Онъ положилъ подбородокъ въ ладони. И жадно, хищно какъ-то глядитъ на нее, почти не шевелясь. Только въ таинственной глубинѣ его зрачковъ стоитъ жадный вопросъ.

Когда слово «Николенька» срывается у Мани, его черты искажаются. Но только на мигъ. И онъ опять насторожѣ. Хищный и вкрадчивый.

Ихъ глаза встрѣчаются.

— Боже мой!—говоритъ Маня. И съ отчаяніемъ прячетъ голову въ подушку.

Онъ тихонько приникаетъ губами къ ея свободной рукѣ.

Она злобно хватаетъ его за лицо и отстраняетъ отъ себя. Ему больно отъ ея ногтей. Но онъ съ трудомъ сдерживаетъ улыбку.

— Который часъ?—грубо спрашиваетъ она.

— Пробило девять.

— Девять?—Она вскакиваетъ.—Что я надѣлала! Боже мой!.. Что я надѣлала?.. Что я теперь скажу дома?

— Вы скажете, что были у Сони.

— Ахъ, пожалуйста, не учите меня! Я сама знаю, что мнѣ надо говорить...

— Я думалъ, что вамъ нуженъ совѣтъ.

— Мнѣ ничего отъ васъ не нужно!—съ мрачной ненавистью срывается у Мани.

— Совсѣмъ, какъ мужчина,—тихо говоритъ онъ. Словно думаетъ про себя. Но она слышитъ.

— Что вы сказали? Повторите!.. Что вы сказали?

— Ничего обиднаго для васъ. Вы любите, какъ мужчина.

— То-есть?

— Не будемъ ставить точки надъ *i*... Вы постигли высшую мудрость, Маня. Быть самой собою. И ваше отчаяніе мнѣ кажется страннымъ.

Она затихаетъ. Она думаетъ надъ его словами.

— Я презираю себя,—говоритъ она вдругъ съ холодной тоской.—Что я такое?.. Безъ воли. Безъ убѣжденій. Безъ гордости. Я даже любить не умѣю...

— О!..—срывается у Штейнбаха. Но онъ тотчасъ же до боли закусываетъ губы. Она продолжаетъ, не понявъ:

— Не умѣю. Какая это любовь?.. Онъ будетъ правъ, если отречется отъ меня. И... мнѣ кажется иногда, что и вы презираете меня...

— Я??

— Да... да... Вы... Потому что... я поступаю безнравственно.

— А развѣ вы не чувствуете, Маня, что мы стоимъ у порога будущаго, когда измѣнится значеніе этого слова? И многихъ другихъ?

Она молчитъ, съ трепетомъ вникая въ эту мысль.

— Я не осудилъ бы васъ, если-бъ даже вы были послѣдней изъ женщинъ, торгующей своими ласками. Какъ вы хотите, чтобъ я презиралъ васъ за то, что вы мнѣ отдались любя?

— Неправда! Вы сами знаете, что я люблю другого...

— Но и меня.

— Васъ? Нѣтъ... Вы мнѣ чужой...

— Не клевещите, Маня. Вашъ порывъ былъ такъ прекрасенъ! И теперь... И тогда... Развѣ вы не были счастливы? Развѣ вы можете краснѣть за такой мигъ? Стряхните съ себя все наносное, все чужое! Пусть ваша душа предстанетъ предо мною въ ея божественной наготѣ!.. И отвѣтьте: развѣ вы не любили меня сейчасъ?

— О, Маркъ...

Онъ чувствуетъ, что двери ея души опять тихонько раскрылись подъ его робкой рукой.

— О чемъ вы плачете, дорогая?

— Я не могу понять себя, Маркъ! Не могу... И это мучительно. . Развѣ можно любить двухъ? Развѣ можно... жить съ двумя? О, какое вульгарное слово!.. Но... я не знаю другого... Я чувствую, что всѣ, даже Соня, отвернулись бы отъ меня, если-бъ узнали правду. Они сказали бы, что это... развратъ... О, Маркъ! Но, вѣдь, вы же знаете, что это не такъ? Вы знаете, что каждая капля моей крови рвется къ вамъ въ эти минуты?

— Знаю, Маня... Знаю.

Онъ переходитъ комнату и робко присаживается на тахту, рядомъ.

Она говоритъ тихо, медленно, какъ во снѣ:

— Какъ странно! У меня двѣ души. И я это поняла только недавно. Одна трезвая, трусливая, покорная. Это неблагодарная душа, Маркъ. Она не знаетъ къ вамъ ни нѣжности, ни

состраданія за все счастье, которое вы ей даете. Это та Маня, которую знаютъ всѣ... Другая...

— Я знаю ее одинъ?

— Да. Она просыпается внезапно. Дерзкая, яркая, сильная. Съ нею нельзя бороться. Она мгновенно душитъ ту, другую. И идетъ къ своей цѣли. И беретъ то, что ей надо. Она живетъ во тьмѣ, Маркъ. Она не любитъ свѣта, шума и людей. Она не знаетъ ни сомнѣній, ни колебанія. Ей все ясно.

— Какъ Сибиллѣ?

— Да! И я люблю ее, Маркъ. Боюсь, но люблю...

— И я тоже...

Онъ прижимается лицомъ къ ея рукамъ и шепчетъ:

— И эта яркая, смѣлая, сильная—любитъ меня? Штейнбаха?

— Да, Маркъ... Но она живетъ только въ вашихъ объятіяхъ, только на вашей груди. Вы, какъ колдунъ, можете вызвать ее голосомъ, взглядомъ... иногда какимъ-нибудь жестомъ... Безъ васъ ея нѣтъ... Кто-жъ пойметъ меня, Маркъ, если я сама себя не понимаю? Вы одинъ... И вотъ... передъ вами у меня нѣтъ стыда!

— Но развѣ вы не бываете счастливы, дитя мое?

— Да... Когда встаетъ моя *ночная* душа...

— Въ этомъ все, Маня! Въ этомъ все.

Они долго молчатъ.

— Дитя мое, о чемъ вы думаете? Ваше лицо такъ прекрасно...

— Тише! Тише, Маркъ!.. Не спугните этого мига. Въ мою темную душу вонзаются, какъ золотыя стрѣлы, ваши слова... Свѣтаетъ въ этой мглѣ... гдѣ я блуждала такъ долго... О, въ какомъ отчаяніи!.. Я что-то предчувствую, Маркъ...

Они сидятъ рядомъ. Она обняла его шею руками, и голова ея довѣрчиво лежитъ на его плечѣ. Глаза закрыты. Тепло. Уютно. Тихо такъ... Если-бъ не двигаться... Не уходить никуда... Если-бъ умереть сейчасъ!.. Она такъ устала...

Она поднимаетъ тяжелыя вѣки.

Что это за лицо глядитъ на нее изъ золотой рамы? Словно живое. Гордое такое и печальное... Изсиня-черные волосы правильными бандо окаймляютъ строгій овалъ матово-бѣлыхъ щекъ. Въ раскинутыхъ тонкихъ бровяхъ, въ сжатыхъ, скорбныхъ линіяхъ рта—краснорѣчивый трагизмъ, трогательная покорность судьбѣ. Бездонные глаза, полные мрака, горделиво щурятся. Какъ будто угрожаютъ...

— Маркъ... Да, вѣдь, это ваша мать?.. Какъ вы на нее похожи!.. Тѣ же глаза. Тѣ же губы. Она передала вамъ свою красоту...

— И свое проклятіе.

— Боже мой, какая красота!.. Оторваться трудно отъ этого лица. Но она была несчастна, Маркъ... Да?.. Я это чувствую... Разскажите мнѣ о ней... когда-нибудь потомъ...

Сердце Штейнбаха тихонько бьется... Сама того не сознавая, она этой коротенькой фразой намѣчаетъ передъ ними *будущее*.

— Маркъ... У меня къ вамъ просьба... Покажите мнѣ портретъ вашей жены и... дѣвочки... Если... это вамъ не больно...

Онъ идетъ къ бюро розоваго дерева, открываетъ потайной ящикъ.

— Моя жена въ двадцать лѣтъ... Ея послѣдній портретъ.

— Какъ она измѣнилась!.. Она была очень красива... Блондинка?

— Да...

— Вы должны любить блондинокъ, Маркъ.

— Я люблю васъ.

— Ахъ, спрячьте! Не надо!.. Мнѣ стало больно... Я слишкомъ ревную васъ къ прошлому... А ваша дочь?

Штейнбахъ снимаетъ медальонъ на цѣпочкѣ съ груди и подаетъ его Манѣ. Прелестное, маленькое личико съ темными кудрями и печальными глазами обреченной глядитъ на нее съ загадочнымъ вопросомъ.

Маня со вздохомъ цѣлуетъ портретъ.

— Маленькій ангелъ... Гдѣ она теперь? Возьмите медальонъ, Маркъ. Вы не разстаетесь съ нимъ?

— Никогда.

Опять наступаетъ тишина. Домъ молчитъ. Тихо догораетъ каминъ. Они сидятъ, обнявшись. Какъ братъ съ сестрой. Глаза Мани закрыты. Новый міръ незримо рождается въ ея душѣ.

Штейнбахъ нѣжно прижимаетъ ее къ сердцу.

«Вотъ все, что у меня осталось», думаетъ онъ.

Часы бьютъ опять.

— Я съ ума сошла, Маркъ... Надо идти!

— Когда же вы вернетесь?

— Сюда? Къ вамъ?.. Зачѣмъ?

— Странный вопросъ! Развѣ вы... были здѣсь несчастны?

Она чувствуетъ, что другія слова замерли на его губахъ. Но жалѣть не надо. Нѣтъ... Нельзя любить двухъ! Николенька не проститъ. Лгать она не захочетъ.

— Я никогда не вернусь сюда,—печально говоритъ она.—

Надо быть твердой. Надо сдѣлать свой выборъ. Я люблю Николеньку. И уѣду съ нимъ...

— А вы увѣрены, что онъ...

— Ну?.. Что вы замолчали?.. Что вы на меня такъ смотрите?.. Что вы думаете, Маркъ?

— Будьте мужественны, дитя мое! Приготовьтесь къ удару. Но помните, Маня, что меня влечетъ къ вамъ именно то, чего вамъ не прощаетъ Нелидовъ. Мы оба съ вами—дѣти несчастья. И встрѣтились недаромъ.

— Постойте... Пустите меня!.. Это какой-то кошмаръ... Вы такой странный... Отчего вы дрожите? Я никогда не видѣла васъ такимъ. Что вы знаете, Маркъ? Что вы знаете? Говорите все!

— Слушайте, Маня... Мы всю эту недѣлю стерегли другъ друга тамъ, какъ два звѣря въ лѣсу. Онъ боялся, что я уѣду сюда, за вами. А я нарочно тянулъ переговоры съ бельгійцами, чтобъ выгадать время и втравить его въ сдѣлки. Да... Не надо глядѣть на меня такими глазами!.. Я знаю его слабости. Теперь онъ не можетъ выѣхать, пока не покончитъ переговоры. Онъ любитъ деньги. Онѣ ему нужны...

— Вы лжете! Это вы любите деньги. Потому что вы жидъ... А! Какъ вы вздрогнули... И я рада, что вамъ больно... Рада...

— За что эта ненависть?

— Вы думаете, что все и всѣхъ можно купить!

— Это чужія слова.

— Да, это *его* слова. Онъ васъ ненавидитъ. И онъ правъ... Вы сдѣлали низость... О, какую низость!

— Я люблю васъ. Въ этомъ мое оправданіе...

— Ахъ! На что мнѣ ваша любовь?.. Я топчу ее ногами... Слышите? Вотъ! Какъ эту тряпку...

И, рванувъ свой носовой платокъ, она швыряетъ его на полъ.

— Вы хотите меня оскорбить?—спрашиваетъ онъ. И губы у него бѣлыя.

— Да... Да... Хочу! Что же вы не оскорбляетесь?.. У васъ нѣтъ гордости. Я презираю васъ!

— Куда вы?

— Домой, конечно... Я сейчасъ дамъ ему телеграмму...

— Напрасно,—холодно и твердо говоритъ Штейнбахъ.— Онъ не пріѣдетъ.

— Какъ вы смѣете??

— Не пріѣдетъ. Хотите на пари?.. Онъ вернется, когда

получитъ деньги. Не раньше. Ему предлагаютъ 50 тысячъ. Не дорого же онъ оцѣнилъ васъ!

— Молчите! Молчите!.. И не смѣйте смѣяться!.. О, какая низость!.. А я считала васъ великодушнымъ...

— Вы не прощаете мнѣ, что я люблю васъ?

— Онъ тоже любитъ меня...

— Такъ гдѣ же онъ?

Маня молчитъ, растерявшись.

— Онъ пріѣдетъ завтра...

— А я уже здѣсь! И буду бороться за васъ до конца... О чемъ же онъ думалъ? Безумецъ!.. О чемъ же онъ думалъ?.. Почему онъ не кинулся сюда, вслѣдъ за мной?

Маня, онѣмѣвъ отъ удивленія, глядитъ въ это искаженное страстное лицо. Чужое, незнакомое... Такъ вотъ онъ какой!.. Маска спала...

Силы вдругъ оставляютъ ее. Она садится. Шляпа падаетъ изъ ея рукъ на коверъ.

— Маня... Маня... Не надо плакать!.. Не надо волноваться... Простите!.. Я потерялъ голову... Ну, взгляните на меня!.. Скажите, что я долженъ дѣлать, чтобъ вы были счастливы? Но, вѣдь, и вы не щадите меня... Вы подвига требуете отъ меня.

— Маркъ! Мнѣ страшно... Неужели вы способны сказать ему...

— Я? Нѣтъ?.. Но вы сами не станете лгать, если онъ поставитъ вопросъ ребромъ... Развѣ онъ изъ тѣхъ людей, которые прощаютъ дѣвушкѣ ея прошлое? Онъ оттолкнетъ васъ. И вы вернетесь ко мнѣ.

— Никогда!.. Неужели же вы думаете, что я помирюсь съ его охлажденіемъ? Неужели вы думаете, что вы можете мнѣ замѣнить его?

— Нѣтъ... Но не все ли равно, въ сущности? Онъ ли! Я ли? Развѣ для такой, какъ вы, индивидуальность должна имѣть роковое значеніе?

— Вы... бредите? Что вы говорите, Маркъ?

— Нѣтъ... Это мое глубокое убѣжденіе. Вы—новая женщина, Маня Ваша любовь къ Нелидову—болѣзнь, которая пройдетъ. Ошибка, которая забудется. Вы сейчасъ роковымъ образомъ повторяете чужія ошибки. Вы идете по торной большой дорогѣ... Но это «ошибки молодости»... Неизбѣжная дань традиціямъ... Ваша душа созрѣетъ и отвергнетъ старые завѣты. Вы будете *любить любовь* и того, кто дастъ вамъ ея

восторги. Наконецъ, съ любовью не все кончается въ этомъ мірѣ для такихъ, какъ вы. И вы сумѣете утѣшиться. Это не мои мысли, Маня. Я вамъ скажу потомъ... Когда вы сюда вернетесь.

Она встаетъ и молчитъ нѣсколько мгновеній, какъ бы думая что-то, какъ бы рѣшаясь на что-то. Лицо ея вдругъ смягчается. И становится важнымъ и печальнымъ.

— Слушайте, Маркъ... Подите сюда и сядьте!.. Это нашъ послѣдній разговоръ. И я говорю вамъ на этотъ разъ безъ ненависти и мести, серьезно и искренно: Я люблю васъ обоихъ. Да... Обоихъ. Разнымъ... о, какимъ разнымъ чувствомъ! Но одинаково сильно, глубоко и прекрасно... Какъ дрожитъ ваша рука! Развѣ вы этого не знали? Вы, мудрый и тонкій?

— Я это зналъ... Но теперь, когда вы это говорите сами...

Онъ смолкаетъ, закрывъ лицо руками.

— Дальше... дальше!—глухо шепчетъ онъ.

— Я много страдала, Маркъ. Богъ видитъ, какъ я боролась съ собой! Какъ я гнала васъ изъ души моей! Какъ я душила это... влеченіе къ вамъ... Какъ презирала себя!.. Но если я поступала безнравственно, если чудовищно любить двухъ, то виновата природа, создавшая меня такой... Я ничего не могу измѣнить здѣсь. Я не могу быть другой... И когда я это поняла...

— Когда?—трепетно срывается у него.

— Нынче... И поняла такъ ясно... Я не могу уже лгать ни себѣ, ни вамъ... Ни... ему... когда онъ меня спроситъ... Потому что стыдиться любви я не могу.

Онъ молча, страстно цѣлуетъ ея глаза.

— Я удивляюсь только, какъ я этого не видѣла раньше! Душа моя брела ощупью впотемкахъ. И кто-то зажегъ огонь... Кто?.. Быть-можетъ, вы? Ваши слова? Или любовь моя къ вамъ?.. Не знаю. Но я все поняла... И то, что прожито. И то, что будетъ впереди...

Голосъ ея, глубокій и важный, голосъ *женщины* входитъ въ его сердце. Онъ слушаетъ его съ трепетомъ и жуткимъ предчувствіемъ.

— О чемъ вы сейчасъ думали, Маня? У васъ новое лицо.

— Все равно.. Мои оскорбленія и обиды... Вы должны мнѣ все простить, Маркъ... Какъ прощаютъ умирающимъ... Да. Потому что прежняя Маня умерла... Будетъ жить другая. Но въ эту новую жизнь я унесу съ собой мое прошлое, какъ другіе уносятъ сокровища.

Она кладетъ ему руки на плечи. Голосъ ея дрожитъ.

— Я вспоминаю... Ни одной минуты не было между нами, за которую можно бы покраснѣть. Скажу даже больше, Маркъ: встрѣча съ вами это самыя волшебныя, самыя красивыя страницы въ книгѣ моей судьбы... Но все-таки я разрываю съ вами. И буду любовницей Нелидова.

— Женой, хотите вы сказать?

— Нѣтъ. Любовницей. Я сама выбираю эту долю. Она мнѣ больше нравится. То, что онъ говорилъ о бракѣ, наполнило меня такимъ страхомъ... Я, какъ птица, не могу жить въ неволѣ. Если онъ охладѣетъ, я уйду. Но мнѣ нужно было его желаніе, его рѣшеніе жениться, какъ доказательство его любви. Я ѣду за нимъ. Буду жить гдѣ-нибудь поблизости, на селѣ. Буду зарабатывать хлѣбъ каррикатурами въ журналахъ. За нихъ дорого платятъ. Фрау Кеслеръ обѣщала мнѣ найти работу. Я ей все сказала... Это будетъ тихая, безвѣстная жизнь. Но я люблю его и буду счастлива... А теперь... поцѣлуйте меня...

— И вы запрещаете мнѣ встрѣчи?

— Да, да!.. Прошу... Молю васъ! Никогда не ищите меня видѣть!.. Никогда не возвращайтесь въ тѣ края!.. Я хочу быть спокойной, Маркъ... Я хочу безмятежнаго и... простого счастья, какъ у всѣхъ... Гдѣ мои булавки? Ахъ, какъ я блѣдна! Какъ я опоздала!.. Но все равно!.. Я сожгла за собой корабли... Маркъ... Теперь подите сюда и... простимся...

Онъ подходитъ. Она поднимается на цыпочки и кладетъ руки на его плечи.

— Вы дали мнѣ много счастья. И я была бы ничтожной женщиной, если-бъ вычеркнула васъ изъ моей души. Я никогда—никогда не забуду васъ, милый, чудный Маркъ!

Она беретъ въ руки его голову. Цѣлуетъ его глаза, лобъ.

Его руки держатъ ее, когда она хочетъ отстраниться. Она видитъ его недоброе лицо. И настроеніе ея падаетъ.

— Я буду ждать васъ,—говоритъ онъ холодно и спокойно, какъ будто не слышалъ ничего.—Каждый день, между шестью и девятью вечера, я буду васъ ждать.

— Послушайте... Вы задались цѣлью дразнить меня и... доводить до бѣшенства?.. Пустите меня! Слышите? Сейчасъ пустите!.. Дайте мнѣ мою кофточку...

— Запомните мой адресъ, Маня... Пречистенка, домъ Штейнбаха.

Руки ея замираютъ на пуговицахъ, которыя она застеги-

вала. Она глядитъ въ его неподвижное лицо, въ его угрожающіе глаза.

— Что вы задумали, Маркъ?.. Я до того... зла въ эту минуту!.. Я готова васъ ударить... Все кончено между нами. А онъ пріѣдетъ... послѣ-завтра...

— Хорошо... Вы придете мнѣ разсказать, какъ вы встрѣтились... какъ вы его любите... Я буду ждать.

Глаза ея сверкаютъ. Она отворачивается и идетъ къ бюро, гдѣ оставила перчатки.

— Вашъ отецъ былъ алкоголикъ. Онъ страдалъ запоемъ, когда ваша мать бросила его... Вы это знали?

— Н-нѣтъ... Не знала... Зачѣмъ вы мнѣ это говорите?.. И почему *вы* это знаете?..

— Я все знаю... Даже таинственную болѣзнь вашей матери... ея названье... Я двѣ недѣли навожу справки. Я видѣлся съ хозяиномъ вашего дома. Я знаю доктора, который лѣчитъ вашу мать.

— Молчите!.. Молчите!.. Я не хочу!.. Я не хочу ничего слышать!..

— Я больше ничего и не скажу.

Онъ улыбается однѣми губами. Скрытая угроза попрежнему глядитъ изъ его глазъ.

— Моя мать нервно-больная,—рѣзко отчеканиваетъ Маня.

Онъ молчитъ и щурится на нее. Ихъ взгляды скрещиваются и замираютъ на одно мгновеніе.

Маня безсознательно переводитъ глаза на портретъ еврейки. Изъ золоченой рамы съ тайной угрозой щурятся на нее тѣ же бездонные зрачки.

Маня быстро опускаетъ вуалетку и выходитъ.

Штейнбахъ догоняетъ ее на лѣстницѣ. Домъ безлюденъ и безмолвенъ, какъ склепъ.

— Маркъ... Я не знаю теперь, что мнѣ думать о васъ? Неужели вы способны разсказать ему объ отцѣ... вообще, о семьѣ нашей?..

— А какъ бы вы думали? Способенъ я? Или нѣтъ?

— Ничего не знаю!—говоритъ она съ отчаяніемъ.

— И развѣ бороться за счастье—преступленіе?

— О, молчите!.. Я лучше умру, чѣмъ вернусь сюда... Я ненавижу васъ! Я не хочу счастья съ вами!..

Всю дорогу обратно они не говорятъ ни слова. Вѣтеръ рветъ съ нихъ шляпы, гаситъ фонари, треплетъ деревья сада, гремитъ вывѣсками. Переулокъ пустъ.

Вотъ извозчикъ... Наконецъ!

— Вы позволите васъ проводить?

Она молчитъ. Она такъ устала... Онъ садится рядомъ, въ пролетку, подъ закрытый верхъ.

У бульвара онъ беретъ ея инертную руку и говоритъ:

— Вы можете спать спокойно, дитя мое. Я не способенъ добиваться счастья ни хитростью, ни насиліемъ, ни обманомъ. Я давно—много раньше встрѣчи моей съ Яномъ—научился уважать чужую личность. И даже страсть не заставитъ меня измѣнить принципу... И зачѣмъ? Я не буду такимъ безумцемъ, чтобъ срывать зеленый плодъ. Я подожду, когда онъ самъ упадетъ, созрѣвшій, въ мои руки.

— Какъ вы самонадѣянны!.. Сейчасъ видно еврея.

— Нѣтъ. Я только фаталистъ. Нелидовъ не отъ меня узнаетъ трагическую исторію вашей семьи. Это вынырнетъ само собою. Да это, въ сущности, безразлично. Возможно даже, что вы выйдете замужъ... И что его любовь восторжествуетъ надъ мелочностью его души...

— Тише!.. Я запрещаю вамъ унижать его!..

— Я знаю твердо одно: Маня Ельцова, вотъ эта дѣвушка съ яркими губами, чье бы имя она ни носила, будетъ моею опять... Вопросъ во времени... Но я еврей. Я терпѣливъ. Я умѣю ждать.

— Вы наглецъ!—гордо говоритъ она.—Вы съ ума сошли, кажется?

Его губы кривятся.

— Пока еще нѣтъ,—съ странной печалью отвѣчаетъ онъ.

Но она не слушаетъ. Она озабочена.

— Стой, извозчикъ!.. Возьми деньги. Вотъ нашъ переулокъ... Я здѣсь слѣзу. Я не хочу, чтобы вы меня провожали, Маркъ... Прощайте!.. Не сердитесь на мою рѣзкость. Но вы сами виноваты. Никогда не встрѣчайтесь со мною на улицѣ! Никогда не пишите мнѣ! Не преслѣдуйте меня, ради Бога!.. Вы знаете, что я безсильна передъ вами... Но я все-таки вѣрю въ ваше великодушіе, Маркъ... Я умоляю васъ отстраниться. Прощайте!

Она вырываетъ свою руку и бѣжитъ.

— До свиданія!—отчетливо и спокойно говоритъ онъ вслѣдъ.

Вздрогнувъ, она оглядывается. Онъ высоко поднимаетъ шляпу въ знакъ прощанья.

Она бѣжитъ дальше, не оборачиваясь.

Конецъ... конецъ... Всему конецъ!..

VIII.

— Боже!.. Какъ ты насъ измучила!.. Гдѣ ты была?

Этимъ возгласомъ встрѣчаетъ ее сестра. Петръ Сергѣевичъ молчитъ, но Маня чувствуетъ, что онъ тоже недоволенъ. И лицо ея вспыхиваетъ. «Промолчу. Скоро конецъ»...

— Или ты у Сони была?—упавшимъ тономъ спрашиваетъ Анна Сергѣевна.—Да... Тебѣ телеграмма...

— Гдѣ? Гдѣ?.. Давно?.. Аня... Ради Бога!..

Петръ Сергѣевичъ идетъ въ ея комнату и подаетъ ей бланкъ.

«Штейнбахъ въ Москвѣ. Требую, прошу не видѣться. Буду скоро. Важныя дѣла»...

Бумага скользитъ изъ ея рукъ. Анна Сергѣевна подхватываетъ ее и читаетъ.

— Дурныя вѣсти, дѣточка?—ласково спрашиваетъ Петръ Сергѣевичъ.

У Анны Сергѣевны холодѣетъ на сердцѣ, когда она видитъ лицо Мани. Такая молоденькая. Почти дѣвочка... А какое скорбное выраженіе!.. Вотъ она—любовь... И теперь ей уже не завидно.

— Аня,—разбитымъ звукомъ говоритъ Маня, и глаза ея угасли.—Я очень устала... Я лягу...

— А чай какъ же?.. Сейчасъ будетъ готовъ самоваръ...

— Нѣтъ, я устала. Поцѣлуй меня, Аня!.. И ты, Петя, тоже... Покойной ночи!

Когда она выходитъ изъ комнаты, братъ съ сестрой обмѣниваются быстрымъ, яркимъ взглядомъ. И опускаютъ глаза.

Счастье преступно. Но одиночество такъ тяжело!.. Бѣдная, бѣдная дѣточка...

Маня лежитъ въ темнотѣ безъ сна, съ открытыми глазами. Уже за полночь. Вѣтеръ налетаетъ порывами и стучитъ рамами стараго дома.

На нее скверно дѣйствуетъ вѣтеръ. Такъ было всегда, и въ дѣтствѣ еще. Она боится чего-то. Сердится чаще. Плачетъ безъ причины. Страдаетъ безсонницей.

«Штейнбахъ въ Москвѣ. Прошу, требую не видѣться...»

А если-бъ онъ зналъ!.. Если онъ узнаетъ...

Она мечется въ постели, безъ сна. Вѣтеръ воетъ въ трубѣ. Такъ дико, такъ жалобно. Точно тоскуетъ, плачетъ... Совсѣмъ заснуть невозможно... Наказаніе какое, Господи!

Гдѣ-то въ домѣ шорохи, шаги, шопоты. Ходитъ кто-то на цыпочкахъ...

Скрипнула дверь... Не спятъ... А можетъ это за стѣной?.. Или наверху? Слышенъ каждый звукъ въ этомъ старомъ ящикѣ...

— «Пойду, возьму книгу... Уже второй часъ... Все равно не заснешь...»

Она накидываетъ юбку и платокъ на плечи. Зажигаетъ свѣчу и босикомъ идетъ въ столовую, гдѣ оставила журналъ.

Вдругъ яростный, бѣшеный визгъ проносится по дому. Когда Маня растворяетъ дверь столовой, онъ догоняетъ ее изъ коридора и врывается съ нею въ комнату.

«Господи!.. Да что это тамъ?»

Такой звукъ, точно не въ трубѣ этотъ страшный визгъ и ревъ. Точно распахнулись всѣ окна, всѣ двойныя, наглухо замазанныя рамы. И вихрь ворвался въ домъ и воетъ по-звѣриному.

Маня дрожитъ. Какъ холодно!..

Но ничего нѣтъ страшнаго. Пустяки...

Она находитъ книгу и идетъ обратно.

У печки въ коридорѣ стоитъ долго и ждетъ.

Все тихо.

Она ложится въ постель. Никакъ не можетъ согрѣться. Но свѣчи не тушитъ.

Больше получаса длится тишина. И Маня начинаетъ дремать.

Вдругъ опять... Звуки... Непостижимые, странные звуки...

Воетъ собака? Да... Да... Какъ непріятно!..

О-о... Какъ она глухо, зловѣще воетъ!.. Жутко даже... Нѣтъ. Теперь ужъ не заснуть... Маня садится на постели...

Отчего такъ больно стучитъ сердце? Чего она испугалась? Что напомнили ей эти зловѣщіе звуки? Гдѣ-то тамъ, въ безднахъ *подсознанія*—таинственно жила память о чемъ-то страшномъ, оформленномъ въ этихъ дрожащихъ, жалобныхъ и угрожающихъ звукахъ. Они нашли эхо во мракѣ души ея, за порогомъ сознанія...

Вдругъ скрипнула дверь. Гдѣ-то близко... Рядомъ. Кто-то ходитъ. Почему не спятъ?

Въ столовой двинули стуломъ... И замерли...

Крадется кто-то... Кто?

— Петя!—безсознательно, дико кричитъ она, внезапно теряя голову. Ужасъ затопилъ ея мозгъ ледяной волной.

Анна Сергѣевна въ дверяхъ. Она не раздѣвалась.

Почему она не раздѣвалась?.. Почему у нея такое запуганное лицо?

— Тише! Тише!.. Ради Бога!..

— Аня... Аня... Мнѣ страшно... Это ты ходила, Аня?

— Я... я... Богъ съ тобой!.. Почему не спишь?

— Нѣтъ, почему *ты* не спишь?.. Почему у тебя такіе глаза?

— Какія глупости!.. Я всегда ложусь поздно...

— Кто это воетъ, Аня?.. Это собака... Или... вѣтеръ?

Анна Сергѣевна молчитъ. Одну секунду только. Но этого довольно. *Маня вспомнила.*

Въ ту же секунду яростный, изступленный визгъ снова врывается въ комнату. Цѣлая оргія звуковъ. Цѣлая гамма чувствъ. Но доминирующая нота—ужасъ. И воплемъ отчаянія кончается все. Безнадежнымъ воплемъ осужденнаго на вѣчную муку.

— Куда ты?.. Не ходи, Маня!.. Не пущу...

— Это мама... мама... Пусти меня!

— Нельзя туда!.. Нельзя... Будетъ хуже... Ты убьешь ее... Тамъ Петя... Ее такъ трудно держать... Маня... Маня... Боже мой!

Анна Сергѣевна вдругъ перестаетъ бороться. Въ взрывѣ отчаянія она падаетъ на стулъ и рыдаетъ.

Маня стоитъ рядомъ, съ широко открытыми, но пустыми глазами. Вся жизнь ушла изъ ея лица.

За стѣной и наверху слышится движеніе. Гулъ голосовъ, сонный кашель. Домъ проснулся. Мрачный домъ, ревниво прячущій свою тайну.

Но въ квартирѣ Ельцовыхъ опять тишина. Слышны только страстныя, глухія рыданія Анны Сергѣевны...

Маня стоитъ неподвижно.

И ждетъ...

Сонъ отъ Штейнбаха.

«Дорогая Софья Васильевна,

«Развязка недалека. Я получилъ телеграмму, что Нелидовъ «продалъ землю и выѣзжаетъ въ Москву. Катастрофа разразится «не нынче-завтра. Познакомились ли вы съ семьей Мани, какъ я «Васъ просилъ? Теперь нельзя ни минуты оставлять ее одну. «При ея импульсивности она можетъ покуситься на самоубійство. Предупредите и фрау Кеслеръ, что ее нельзя оставлять «безъ призора ни днемъ, ни ночью. Могу ли я надѣяться на «Вашу привязанность къ Манѣ?

Вашъ М. Штейнбахъ».

IX.

Маня ужъ съ недѣлю живетъ съ Соней у брата фрау Кеслеръ, въ квартирѣ, гдѣ онѣ жили въ дни революціи.

Маня потеряла сонъ, выбилась изъ колеи. Даже днемъ, стоитъ ей остаться одной, какъ она слышитъ вой, полный ужаса и зловѣщей угрозы. И дикій, безотчетный страхъ заставляетъ ее выбѣгать на улицу, бросаться къ чужимъ людямъ, мѣшаться въ незнакомую толпу. Нервы напряжены такъ болѣзненно. Ей думается, проведи она тогда еще одну ночь дома, ея собственный разумъ пошатнулся бы навсегда.

Но она каждый день заходитъ узнать, есть ли письма и телеграммы. Постоянно ждетъ брата къ обѣду въ его кабинетѣ.

Наконецъ!.. Въ переулкѣ она встрѣчаетъ телеграфиста.

Метель крутитъ съ ночи. Первый снѣгъ. Все бѣло, все мглисто, все жутко. Какъ у нея на душѣ.

— Какъ мама нынче?—спрашиваетъ она, цѣлуя сестру.

Анна Сергѣевна измучена. Опять не спала ночь. Она дѣлаетъ безнадежный жестъ и садится у стола, подперевъ голову рукой. Она еще не причесалась съ утра. На ней смятая блуза. Полное забвеніе условностей и навыковъ. Никогда не видала ее такою Маня. «Какая она жалкая!..» пронзаетъ ее мысль.

— Мы всю ночь не спали,—говоритъ Анна Сергѣевна.— Пришлось ей дать опія. У Пети лицо исцарапано. Только не надо удивляться. Онъ этого не любитъ.

За столомъ, послѣ супа, Маня сообщаетъ новость. Нелидовъ пріѣдетъ завтра. Будетъ вечеромъ у нихъ. Будетъ просить ея руки... Голосъ ея замираетъ.

Петръ Сергѣевичъ угрюмо слушаетъ, не поднимая глазъ.

— Что же тебѣ нужно отъ насъ?

— Онъ спроситъ, чѣмъ больна мама?.. Онъ спроситъ объ отцѣ... Что же ты скажешь?

— Правду...

— Петя... Не будь жестокимъ!.. Развѣ я виновата въ чемъ-нибудь?

Анна Сергѣевна низко склоняется надъ столомъ. Она не можетъ видѣть жалкаго лица сестры.

Онъ беретъ руку Мани и тихонько гладитъ ее. Его глаза смягчаются.

— Маленькая сестричка, я глубоко виноватъ передъ тобой. Я не успѣлъ тебя предупредить во-время... Мы всѣ трое судь-

бой обречены на одиночество. Ты видишь ее? Она была тоже хорошенькая. Тоже жаждала счастья... Но чувство долга и разумъ побѣдили. Ты должна поступить такъ же.

Крикъ срывается у Анны Сергѣевны. Съ искаженнымъ лицомъ она выбѣгаетъ изъ комнаты.

— Я?—спрашиваетъ Маня съ ужасомъ.—Я должна отказаться отъ него сама?

— Да. Мы не имѣемъ нравственнаго права жениться и заводить семью. Если безуміе минуетъ насъ, оно съ тѣмъ большей силой обрушится на дѣтей нашихъ. Это будутъ эпилептики, преступники или идіоты. Природа не знаетъ пощады. Я говорю тебѣ, пока не поздно: откажись!.. Горе, которое ты переживешь теперь, ничтожно передъ тѣмъ, которое настигнетъ тебя въ дѣтяхъ. Ты проклянешь часъ, когда родила ихъ. Ты будешь съ трепетомъ встрѣчать каждое утро и съ ужасомъ поджидать ночи... Возьми себя въ руки, Маня! Передъ тобою жизнь. У тебя талантъ. Иди на сцену. Мы съ сестрой ничего не скажемъ противъ.

Маня дѣлаетъ жестъ, прося молчанья.

— Поздно!—говоритъ она.—Теперь поздно...

Петръ Сергѣевичъ понимаетъ не сразу. Онъ глядитъ растерянно въ ея пустые глаза.

— Что ты... сказала сейчасъ?

— Я уже имѣю ребенка... И я... люблю его...

Онъ встаетъ. Онъ ухватился руками за край стола.

— Сколько... мѣсяцевъ?—съ трудомъ спрашиваетъ онъ.

— Не знаю... Я это... поняла недавно...

— Когда?.. Когда это... случилось?

Маня закрываетъ глаза. Встаетъ передъ нею Лихой Гай, зеленыя сумерки, жестокое лицо Нелидова.

— Третій мѣсяцъ пошелъ... Да... Это такъ...

Петръ Сергѣевичъ опускается на стулъ. Онъ рветъ съ себя галстукъ. Краска заливаетъ его лицо.

— Маня... Маничка... Все еще можно спасти... Мы это сдѣлаемъ... Ты не должна родить... Ты должна согласиться...

— На что, Петя? На что?

— Не считай это за преступленіе, Маничка... Колебаніе и легкомысліе—вотъ въ чемъ настоящее преступленіе... Пусть вся вина, наконецъ, падетъ на меня!.. На меня одного... Я долженъ былъ открыть тебѣ глаза. Я не имѣлъ права щадить

и замалчивать. Но ты простишь... Ты поймешь... Я это дѣлалъ изъ любви къ тебѣ...

Онъ хватаетъ руки Мани. Покрываетъ ихъ поцѣлуями. Онъ какъ въ истерикѣ. Никогда не видала она его такимъ. Представить себѣ не могла такого взрыва страсти. Она глядитъ жуткими глазами въ его зрачки. И его глаза тоже слѣдятъ за нею. Слѣдятъ жадно и зорко.

— Чего ты хочешь отъ меня?

— Ты должна согласиться... Ты не умрешь. Ты ничего не почувствуешь.

Она вскрикиваетъ и отстраняется.

— Никогда!.. Никогда!.. Никогда!..

— Маня, обдумай мои слова! Ты не имѣешь права...

— На счастье?—страстно перебиваетъ она.—Я не имѣю права быть матерью? Не смѣю родить отъ любимаго человѣка? И любить свое дитя?

— Нѣтъ. Это будетъ сознательное преступленіе теперь... когда ты все знаешь...

— И не имѣю права быть женою? Не смѣю любить?

— Нѣтъ.

— О... если такъ... то зачѣмъ я живу? Зачѣмъ вы не отравили меня еще маленькой?

Анна Сергѣевна стоитъ на порогѣ. И кидается къ сестрѣ.

— Маничка... Дорогая моя...

Но Маня отталкиваетъ ее. Ея глаза враждебно горятъ на искаженномъ лицѣ.

— Оставьте меня! У васъ нѣтъ сердца! И нѣтъ гордости... Да... Вы жалкіе трусы... Вы побоялись жизни... Я не боюсь ее! Слышите вы? Не боюсь... Пусть весь міръ обрушится на меня!.. Пусть самъ Богъ придетъ сказать мнѣ, что я не смѣю любить, не смѣю быть матерью... Я отвѣчу: это мое дѣло... Да!.. Мое... Ты говоришь,—впереди страданія?.. Пусть! Но мое счастье я возьму! Мои права я не уступлю... Жалкіе!.. Какъ могли вы отказаться отъ своей доли въ этомъ мірѣ?

— Мы не дикари. Есть долгъ передъ обществомъ...

— А предъ собою долгъ?—изступленно кричитъ она въ лицо брату.—Я не хочу быть отверженной!.. Не хочу... И не буду!.. Отрекитесь отъ меня, если считаете меня безнравственной и преступной!.. Разорвите со мною, если вамъ стыдно за меня! Но... если вы еще разъ посмѣете мнѣ повторить такія... требованія... я сама... слышите вы?.. Я сама вычеркну васъ изъ моей жизни!..

Она идетъ къ двери. Анна Сергѣевна бѣжитъ за нею.

— Аня!—сурово зоветъ братъ.—Оставь! Я не возьму назадъ своихъ словъ. Пусть она хорошенько обдумаетъ ихъ! Если она...

Вдругъ онъ смолкаетъ, и обѣ сестры замираютъ у двери.

Глухой, зловѣщій вой звучитъ изъ-за стѣны.

Анна Сергѣевна кидается въ коридоръ.

— Опять!.. Опять!..

X.

Все небо полно снѣжныхъ сизыхъ тучъ.

Вторыя сутки крутитъ метель.

Въ квартирѣ № 8-й жуткая тишина. Больная стихла.

Въ столовой горитъ яркій огонь. Петръ Сергѣевичъ бродитъ по комнатѣ и подолгу стоитъ у окна. Онъ постарѣлъ за эти сутки. Со вчерашняго дня Маня не заходила. Но Соня занесла записку.

«Петя, я не приду къ вамъ. Мнѣ тяжело васъ видѣть. И «не хватаетъ духу присутствовать при вашемъ свиданьи. Если «ты еще не разлюбилъ меня, исполни мою послѣднюю просьбу: «не говори ему ни слова о моей тайнѣ. Онъ ничего еще не знаетъ. «О матери можешь сказать все. Я вѣрю въ его любовь. Онъ отъ «меня не отречется. Скажи ему, что я больна, и что я его жду.»

Анна Сергѣевна читаетъ безъ конца эти строки. Чего-то ищетъ въ нихъ. У нея въ глазахъ замеръ ужасъ.

Звонокъ.

Петръ Сергѣевичъ съ трясущимися губами кидается въ сѣни. Анна Сергѣевна входитъ въ столовую. Она крестится маленькими, быстрыми движеніями.

— Очень радъ,—говоритъ Нелидовъ, входя. И цѣлуетъ руку Анны Сергѣевны.

Та не ожидала и растерянно отдергиваетъ ее.

Нелидовъ зорко оглядывается. Залитая свѣтомъ комната, блестящая скатерть на столѣ, заботливое убранство его,—все это производитъ впечатлѣніе уютности и покоя. Сердце его, трепетавшее такъ тревожно, пока онъ подъѣзжалъ къ таинственному дому, начинаетъ биться ровнѣе.

И какія славныя, «честныя» лица у нихъ обоихъ!.. Немного суровое у брата. Но какая застѣнчивая, прекрасная улыбка у этого «Пети!..» А у сестры лицо подвижницы.

Улыбаясь самъ безсознательно, онъ садится за столъ, на предложенное ему мѣсто, и беретъ изъ рукъ Анны Сергѣевны

стаканъ чаю. Какъ хорошо вздохнуть полной грудью!.. Онъ такъ много перестрадалъ за это время, вдали отъ Мани! Отъ ревности и сомнѣній.

— Ужасная погода!—робко говоритъ Анна Сергѣевна.— Вы далеко остановились?

— Въ Лоскутной. Да, послѣ нашего юга перемѣна довольно ощутительная... А гдѣ... Марія Сергѣевна?

— Она нездорова. Она просила васъ заѣхать къ ней потомъ. Вотъ адресъ...

— Какъ? Развѣ она живетъ не съ вами?

— Нѣтъ. У насъ ей слишкомъ тяжело,—мягко, но спокойно говоритъ Петръ Сергѣевичъ.—Болѣзнь матери требуетъ тишины. Мы всегда старались удалить Маню изъ этой обстановки.

Ледъ сломанъ. Со вздохомъ облегченія Нелидовъ довѣрчиво обращается къ доктору:

— Вамъ Мари говорила, конечно, о моемъ... намѣреніи?.. Я буду вамъ очень благодаренъ, если... вы откровенно...

— О, конечно!.. Вы можете вполнѣ разсчитывать... Я ничего не смѣю скрыть отъ васъ...

Они глядятъ другъ на друга. У обоихъ дергаются губы. И легкій трепетъ въ пальцахъ. Анна Сергѣевна вся сжалась, словно стала меньше. И прячется за самоваръ.

— И такъ?..—блѣдно улыбаясь, лепечетъ Нелидовъ.

Петръ Сергѣевичъ мѣшаетъ ложечкой въ стаканѣ. Ложка жалобно звенитъ. Какъ будто плачетъ.

— Болѣзнь моей матери называлась *folie circulaire* или же *folie à double forme*...

Онъ выжидаетъ секунду и говоритъ дальше, растягивая и какъ бы взвѣшивая слова, чтобъ унять трепетъ, который отъ рукъ поднимается къ сердцу:

— Меланхолія, длившаяся у нея мѣсяцами, смѣнялась маніей. Промежутки между заболѣваніями были сначала продолжительны. Настолько, что больная считалась выздоровѣвшей окончательно. И самая болѣзнь не выражалась рѣзко. Съ годами она обострилась. Свѣтлые промежутки становились короче... Послѣдніе три года она почти не приходила въ себя. У нея теперь ярко-выраженное слабоуміе.

Молчаніе. Но такое глубокое, какъ будто комната пуста. Какъ будто нѣтъ въ ней трехъ людей, у которыхъ мучительно бьется сердце.

Петръ Сергѣевичъ бросаетъ бѣглый взглядъ на лицо Нелидова, и ложечка въ его стаканѣ звенитъ опять быстро и жалобно.

— Эта болѣзнь, вообще, не поддается лѣченію. Крафтъ-Эбингъ даетъ извѣстный процентъ выздоровленія. Но эта цифра гадательна. Надо прослѣдить цѣлую жизнь паціэнта. Развѣ это возможно?... Вообще, нѣмецкіе психіатры, съ Крепелиномъ во главѣ, склонны къ болѣе оптимистическимъ выводамъ. Они и въ вопросѣ о наслѣдственности расходятся съ французской школой.

— А вы?

Нелидовъ весь подался впередъ. Его глаза жалки.

Рѣсницы Петра Сергѣевича опускаются. Ложечка его смолкаетъ внезапно. Онъ вынимаетъ платокъ и отираетъ имъ выступившій на лбу потъ.

— Я вѣрю французской школѣ, давшей намъ такой громадный матеріалъ, такіе подавляющіе выводы. Вѣрю Шарко и Ферэ. Помѣшательство передается, какъ чахотка. Пощадивъ одно поколѣніе, болѣзнь съ большей силой обрушивается на другое. Очень жаль, что у насъ законъ не ограждаетъ общество отъ размноженія душевно-больныхъ. Я вѣрю, что это будетъ одной изъ лучезарныхъ цѣлей грядущаго прогресса. Вѣрю, что люди сами доростутъ когда-нибудь до сознанія необходимости жертвовать своимъ счастіемъ, какъ теперь жертвуютъ жизнью на войнѣ и на баррикадахъ. Но у природы есть свой бичъ въ борьбѣ съ преступнымъ эгоизмомъ и легкомысліемъ людей. Этотъ бичъ—вырожденіе... Ангелъ смерти отмѣчаетъ, какъ въ Содомѣ, крестомъ дома, куда вошелъ грѣхъ. И дѣти гибнутъ, искупая ошибки отцовъ.

Лицо Петра Сергѣевича сурово и прекрасно. Глаза сверкаютъ. Голосъ горитъ глубокимъ волненіемъ. Каждое слово выстрадано, выношено... Это голосъ фанатика.

Нелидовъ закрываетъ глаза. Онъ чувствуетъ, что все рухнуло.

— Вы значитъ... вы думаете, что Мари...

— Да, — твердо перебиваетъ Петръ Сергѣевичъ. — Если чаша минуетъ ее, ея дѣти погибнутъ. Они обречены.

Долгая пауза наступаетъ опять за этими словами. Слышно, какъ тикаютъ стѣнные часы, какъ меланхолически поетъ самоваръ. Какъ вѣтеръ, налетая порывами, бросаетъ въ окна снѣжную пыль.

Тихій звукъ, загадочный и неживой, родится вдругъ въ напряженной тишинѣ... Еще... Еще...

Смолкаетъ...

Анна Сергѣевна выпрямилась. Ея широко открытые глаза глядятъ на брата.

Нелидовъ поднимаетъ голову. На этотъ разъ слышитъ и онъ... Вой, глухой и сдавленный, тяжкій и долгій, какъ стонъ, полный ужаса и тоски, врывается уже явственно. И замираетъ вдали...

Анна Сергѣевна встаетъ. Нелидовъ видитъ ея лицо. Опустивъ голову, она спѣшитъ...

Тѣ же звуки, но еще зловѣщѣе и длительнѣе, вползаютъ въ комнату.

Нелидовъ оглядывается на темныя окна. Но въ то же мгновеніе Анна Сергѣевна выходитъ изъ столовой. И въ распахнувшуюся дверь на этотъ разъ явственно вливается волна загадочныхъ звуковъ... Неживыхъ, стихійныхъ словно. Но жутко-похожихъ временами на человѣческій стонъ.

Нелидовъ чувствуетъ, что ноги его дрожатъ. Онъ хочетъ заговорить. Но губы его дергаются беззвучно. Почему онъ понялъ сразу, что это... Почему?

Петръ Сергѣевичъ встаетъ. Рѣзкая, глубокая морщина легла между его бровей, дѣлая его лицо суровымъ и старымъ.

Нелидовъ показываетъ на дверь.

— Это... это...

— Да. Это больная. Это моя мать... Извините... Я сейчасъ... Я долженъ ее видѣть... Впрочемъ... вамъ навѣрно тяжело здѣсь оставаться?.. Въ сущности... я сказалъ все... Вы сами увидите Маню... Вы знаете, что̀ ей надо сказать...

Онъ жметъ руку Нелидова и спѣшитъ къ больной.

Но въ ту же минуту изъ-за стѣны доносится нечеловѣческій изступленный визгъ. Цѣлая вакханалія звуковъ, ужаса которыхъ не передашь никакими словами. Которые надо слышать хоть разъ, чтобы понять. Которые, разъ услыхавъ, не забываешь до смерти.

Схвативъ себя за голову, Нелидовъ выбѣгаетъ въ переднюю.

Дверь хлопаетъ за нимъ. Метель бьетъ въ лицо. Вѣтеръ рветъ съ него шляпу. Валитъ его съ ногъ. Ноги его дрожатъ. Онъ стоитъ одну секунду на крыльцѣ, растерявшись, ничего не сознавая. Потомъ бѣжитъ впередъ...

— Николенька!.. Ты?!

Изъ мглы вырастаетъ фигура. Женскія ручки хватаютъ его за плечи.

— О, какое счастье!.. Мы чуть не разошлись. Я такъ бѣ-

жала... Я не могла высидѣть... У меня такія предчувствія... Николенька, счастье мое! Дѣточка моя дорогая... Ты весь дрожишь?.. Пойдемъ, пойдемъ скорѣе...

— Мари... Это ты?.. Какой ужасъ, Мари! Твоя мать...

— Молчи!.. О, молчи!.. Ты знаешь... Ты все знаешь теперь. Но не отталкивай меня, Николенька! Развѣ я виновата? Развѣ мы не любимъ другъ друга?.. Не говори мнѣ ничего!.. Пощади меня...

Они то стоятъ, схватившись за руки. То бѣгутъ, крѣпко держась одинъ за другого въ этой жуткой, слѣпой ночи, подъ крутящейся метелью.

Силуэтъ пролетки внезапно обрисовывается на углу.

— Прокачу, сударыня?

— Давай!.. Давай... Николенька, садись! Поѣдемъ ко мнѣ!

Она беретъ его голову въ руки, цѣлуетъ его лицо. Снѣжинки таютъ подъ ея губами. О, схватить его и унести! Дальше отъ этого горя! Отъ этихъ страданій!..

— Мари... Мари... Какой ужасъ!..

— Молчи!.. Молчи!.. Не надо... Мы вмѣстѣ... Я никому не дамъ тебя въ обиду... Я сдѣлаю все, что ты скажешь... Молчи и вѣрь въ меня... Закрой глаза!.. Какъ холодны твои руки!.. Милыя руки... Я ихъ согрѣю сейчасъ... вотъ тутъ, у груди моей... Дай ихъ сюда... Не бойся! Верхъ закрытъ... И какая метель! Насъ никто не видитъ...

— О, Мари!.. Я такъ мечталъ о встрѣчѣ!

— Но, вѣдь, мы же вмѣстѣ, Николенька! Развѣ это не все? Пусть весь міръ обрушится теперь на мою голову! Что до этого, когда *ты* со мною?

— Какое пробужденіе!.. Я никогда уже не буду счастливъ...

— Молчи!.. Не надо!.. Кто смѣетъ? Кто можетъ отнять у человѣка право любить? Право на счастье?.. Николенька, если судьба меня прокляла, стань выше судьбы!.. И прижми меня къ сердцу...

Онъ беретъ въ обѣ руки ея голову. И цѣлуетъ ея глаза.

Ей кажется, что сердце ея вдругъ останавливается. Счастье слишкомъ сильно. Онъ не отрекся. Она спасена.

Вотъ они у подъѣзда. Маня звонитъ. Дверь отворяется мгновенно, какъ будто Соня ждала у окна.

Одинъ взглядъ на сіяющее лицо Мани, и Соня вздохнула всей грудью.

Но до чего страшенъ Нелидовъ! До чего онъ блѣденъ!

Она оставляетъ ихъ вдвоемъ и уходитъ въ столовую.

Домъ пустъ. Эмма Васильевна съ мужемъ уѣхали въ театръ. Такая удача!

XI.

Они сидятъ на кушеткѣ, обнявшись.

Онъ такъ разбитъ, что всѣ желанія, терзавшія его въ разлукѣ съ Маней; желанія, сломившія его гордость, исчезли сейчасъ, какъ у больного. И отъ близости ея и отъ ея ласки ему мучительно-хорошо... До слезъ. Онѣ дрожатъ все время въ его груди. Нервы такъ разбиты! Развѣ зналъ онъ минуту покоя съ тѣхъ поръ, какъ написалъ ей это жестокое письмо?

Но сейчасъ оно забыто, какъ все, что предшествовало разрыву и вызвало его. Черная тѣнь безумія размахнула крыльями надъ ними. И въ этомъ мракѣ утонуло все, что разъединило ихъ недавно. И казалось,—навсегда.

— Мари!—говоритъ онъ послѣ долгаго молчанья.—Я не вернусь безъ тебя домой. Мы обвѣнчаемся и уѣдемъ. Свадьба должна быть скорѣе. Я это рѣшилъ. Я не могу жить безъ тебя...

— О, Николенька...

У нея нѣтъ больше словъ. Она беретъ его руку и цѣлуетъ.

— Но... одно условіе... Я ставлю его себѣ... И требую отъ тебя. Ты должна мнѣ помочь и не искушать меня. Мы не должны имѣть дѣтей, Мари. Ахъ, не гляди на меня такъ!.. Не считай меня безнравственнымъ, Мари!.. Мѣсяцъ назадъ я самъ находилъ бы преступнымъ такой договоръ и безсмысленнымъ такой бракъ... Но... сейчасъ... послѣ того, что я выслушалъ... О, какой ужасъ!.. Мари, ты... когда-нибудь... видѣла дома свою мать въ припадкѣ?

Маня отодвигается и поправляетъ сбившіеся волосы.

— Почему ты... спрашиваешь? Развѣ ты...

— Да... да... Я сейчасъ только слышалъ этотъ визгъ... этотъ вой... О!..

Она кладетъ пальцы на его губы.—Не надо!.. Не надо!..

— Мари...Насъ Богъ проститъ за то, что мы дѣлаемъ... Если-бъ у меня нашлись силы забыть тебя, я ушелъ бы послѣ этого вечера. Такъ страшитъ меня будущее... Но развѣ у меня есть выборъ?.. Что мнѣ остается?.. Но въ этомъ я буду непреклоненъ. Твой братъ правъ. Мы не должны совершать сознательнаго преступленія... И когда я подумаю, что мы такъ безразсудно отдавались наслажденію... И что ты уже могла... Но, вѣдь, ничего нѣтъ еще, Мари? Да?.. Вѣдь, если-бъ было, ты написала бы мнѣ?

Она застывшими глазами глядитъ передъ собой въ одну точку. Она какъ будто не слышитъ.

Страхъ вползаетъ въ его душу.

— Мари... Что ты думаешь?

— Нѣтъ... Ничего...

— Ты... здорова, Мари?

Она переводитъ на него свои глаза. Они уже опять пустые.

— Да... Не безпокойся. Я здорова.

— О, слава Богу... Я этого такъ боялся. Теперь мы будемъ благоразумны, Мари! Мы будемъ сдержанны... Ты не будешь доводить меня до безумія ласками. А я отдохну, подкрѣплю свои нервы. Ты взяла мое здоровье, мой сонъ, мою силу. Я сталъ презрѣннымъ, жалкимъ, ничтожнымъ... Обними меня! Скажи, что все пройдетъ... Ну, что же? Отчего ты стала такая?

— Нѣтъ... Ничего...

— Мари... Тебѣ нелегко будетъ со мною. Я буду требователенъ, ревнивъ. Я эгоистъ, Мари. Ты всегда должна быть ровной, веселой. Мнѣ нуженъ твой смѣхъ. Я буду ждать отъ тебя забвенія всѣхъ неудачъ. Ты для меня должна быть сказкой... всегда...

Онъ цѣлуетъ ее опять. Она неподвижна.

— О, скорѣй бы начать эту жизнь! Войти въ колею! Если-бъ ты знала, какъ я боюсь всего новаго, всего непохожаго на *вчера!* Я рабъ привычекъ. Только среди размѣренной и спокойной жизни я могу работать и быть бодрымъ... Мари, дашь ли ты мнѣ этотъ покой? Я такъ боюсь тебя!.. Твоихъ настроеній, твоихъ странностей... Потомъ еще одно важное условіе: ты должна понравиться моей матери. Это будетъ нелегко. Она требовательна, какъ и я. Она ревнива. Она избалована моей любовью. И, пока она жива, тебѣ придется играть въ домѣ вторую роль. Она—полновластная хозяйка и останется ею...

Маня какъ будто проснулась.

— Николенька... Я не буду твоей женой. Я это уже рѣшила...

Его глаза темнѣютъ.—Ты меня... отвергаешь?

— Нѣтъ. Я просто уѣду съ тобой. Завтра же... Больше ничего...

— То-есть... Въ качествѣ кого же ты уѣдешь?

— Я люблю тебя, Николенька. Но женой твоей... Нѣтъ... Я никому не хочу нравиться. Ни въ комъ не желаю заискивать. Я люблю мою свободу. Я ее слишкомъ люблю, чтобъ промѣнять ее... даже на то... что ты мнѣ предлагаешь...

— Мари, я не хочу тебя слышать!

— Николенька, не сердись... Постарайся понять...

— Это гордость въ тебѣ говоритъ? Ты не хочешь подчиниться матери моей?

— Нѣтъ. Я просто не могу иначе. Мнѣ стало страшно, когда я подумала, что надо жить втроемъ, смѣяться, когда не хочу, быть всегда готовой на все... быть *сказкой*... А если... у меня кипятъ въ груди слезы?.. Если меня манитъ въ поле, а ты ждешь обѣдать? Если ты хочешь спать, а меня тянетъ бродить по болоту? Я люблю бродить по ночамъ...

— Это ребячество!

— Нѣтъ, это цѣлый міръ, который живетъ во мнѣ... Мой міръ... Онъ мнѣ всего дороже... Но ты о немъ не думаешь.

— Серьезная женщина должна забыть мечты дѣвочки. Это привычки богемы. У тебя будутъ обязанности...

— Нѣтъ, Николенька! Если я измѣню моимъ мечтамъ, умретъ моя радость, мой смѣхъ. Все, что ты любишь во мнѣ, и что я сама цѣню въ себѣ... И я стану ничтожна... Я не хочу счастья такой цѣной!

— Значитъ, ты разлюбила меня?

— Нѣтъ... напротивъ... Я слишкомъ люблю тебя! И не хочу утратить это чувство... Придвинься... Дай руку!.. Выслушай меня внимательно... Ты говоришь: я буду требователенъ?.. И я тоже, Николенька... Я отъ любви хочу поэзіи. Экстаза... Меня не испугаетъ бѣдность. Но я не вынесу прозы и... привычекъ, которыми ты дорожишь... Не надо сердиться!.. Я люблю въ тебѣ... мои мечты. И если онѣ обманутъ... умретъ моя любовь...

— Ты мнѣ угрожаешь?

— О, нѣтъ! Какъ можешь ты это думать? Я только раскрываю передъ тобой мою душу. Ты меня не знаешь, Николенька.

— Да, я тебя не знаю,—говоритъ онъ съ горечью.

— Гдѣ же ты намѣрена жить?—спрашиваетъ онъ послѣ паузы.

— Вблизи отъ тебя, конечно. Гдѣ-нибудь, на селѣ. Я сниму комнатку. И сдѣлаю изъ нея волшебный уголокъ. Я буду много зарабатывать... Я уже думала объ этомъ... И мы будемъ любить другъ друга... Мы будемъ встрѣчаться не за обѣдомъ, не въ супружеской спальнѣ, не въ опредѣленные часы, а когда душа будетъ горѣть отъ желанія, и сердце рваться отъ жажды счастья... Ты никогда не придешь ко мнѣ хмурый, раздраженный, усталый... Ты никогда не увидишь меня вялой, сердитой, полуодѣтой, опустившейся... Мы будемъ съ восторгомъ вспоминать наши свиданія... И съ трепетомъ мечтать о новой встрѣчѣ...

Онъ встаетъ и ходитъ по комнатѣ. Глаза его свѣтлы, какъ всегда, когда у него буря въ душѣ.

— Картина недурна,—сдержанно говоритъ онъ.—Но... не хватаетъ нѣкоторыхъ деталей...

— Напримѣръ?..

— Въ тѣ часы, когда мнѣ, усталому, хмурому и раздраженному, будетъ закрыта дверь твоего жилища... кто-нибудь... веселый, бодрый... можетъ быть, постучится въ окно?

Она тихонько выпрямляется. Сердце стукнуло.

— Кто?

— Почемъ я знаю?!. Другой... какой-нибудь жизнерадостный... *Арлекинъ*...

Они глядятъ другъ другу въ глаза. Удивительно-ясно сознаетъ она въ это мгновеніе, что сейчасъ наступитъ конецъ. Всему. Но она не ищетъ измѣнить ничего въ своей судьбѣ. Она идетъ ей навстрѣчу.

— О комъ ты спрашиваешь?—тихо-тихо говоритъ она.

Онъ смѣется злобно, отрывисто.

— Вы, можетъ-быть, въ Липовкѣ будете жить?

«Конецъ», отчетливо говоритъ ей внутренній голосъ.

Онъ садится опять рядомъ. Его руки цѣпко держатъ кисти ея рукъ. Онъ близко смотритъ ей въ глаза, полные отчаянія.

— Теперь ты должна мнѣ отвѣтить на все, что я передумалъ за эти дни... Я страдалъ невыносимо... Удивляюсь, какъ могъ я это забыть? Какъ не спросилъ раньше?.. Ты знаешь, что говорятъ о тебѣ и Штейнбахѣ? Знаешь?

— Н-н-нѣтъ...

— Мнѣ намекнули, что ты... Нѣтъ!.. Я не хочу даже передавать тебѣ эти позорные слухи... Они дошли до моей матери. Я думалъ, что убью клеветника... Но потомъ я понялъ... Онъ былъ слишкомъ далекъ отъ правды. Онъ не зналъ, что я люблю тебя... Но нѣтъ дыма безъ огня... Что-то было... Ты не станешь отрицать, что ходила въ паркъ? Всѣ говорятъ объ этомъ... Правда?

— Да...

— Зачѣмъ ты ходила? Онъ тебѣ нравился?

— Да...

— Нѣтъ. Это слишкомъ неопредѣленно. Я хочу знать правду. Неужели... ты... цѣловалась съ нимъ?

— Да... да... да!..

Онъ отодвигается и встаетъ.

Лицо его надменно. Онъ подходитъ къ окну и молча смотритъ на улицу.

Они молчатъ такъ долго, такъ жутко. Маня не выдерживаетъ.

— Ты презираешь меня?—спрашиваетъ она, наконецъ, не въ силахъ перенести этой неопредѣленности. Она рвется сама навстрѣчу судьбѣ.

Онъ оборачивается и смотритъ на нее свѣтлыми глазами, сжавъ губы. Надменный и безпощадный.

— На такихъ, какъ вы... не женятся,—говоритъ онъ тихо, сквозь зубы.

— Ахъ, знаю! Да и не надо!.. Но за что же презирать? Развѣ я не любила искренно? Сперва его, потомъ тебя? Развѣ я знала, что встрѣчу тебя? Развѣ я спрашиваю тебя о твоемъ прошломъ?

— Вы—дикарка. Вы не понимаете, какая разница между нами?

— Нѣтъ этой разницы! Нѣтъ!—пылко кричитъ она и встаетъ.—Николенька! Отбрось предразсудки!.. Дѣло идетъ о счастьѣ твоемъ и моемъ... О моей жизни даже... Неужели ты думаешь, что я останусь жить, если ты оттолкнешь меня?.. Подумай, подумай, прежде чѣмъ уходить!.. Я чувствую, что ты уйдешь сейчасъ... Николенька! Клянусь тебѣ, я не была легкомысленной! Не была фальшивой, не была ничтожной никогда!.. Клянусь, что я отдавалась любя!.. Только любя...

— Ты?.. Отдавалась?.. Ему?..

У самаго лица своего она видитъ эти бѣшеные прыгающіе зрачки. Это бѣлое, искаженное, страшное и чужое лицо. Онъ держитъ ее за плечи, готовый убить ее. Она это чувствуетъ. Но она безстрашно глядитъ въ эти зрачки. Она не знаетъ за собой вины теперь. Ея душа чиста.

— Да... конечно... Вѣдь я же его любила!..

Стиснувъ зубы, онъ изо всей силы отталкиваетъ ее. Она падаетъ и ударяется головой о спинку кушетки.

Онъ бѣжитъ къ двери.

Но силы вдругъ оставляютъ его. Онъ садится на стулъ и закрываетъ лицо руками. Рыданье безъ слезъ сотрясаетъ его плечи. Она поднимается въ ужасѣ. И садится опять.

— Николенька... Неужели ты предпочелъ бы, чтобъ я молчала?.. Неужели я должна была солгать?

— Ты лгала... Ты обманула меня...

— Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. Ты у меня ничего не спрашивалъ.

Вспомни!.. Ты взялъ меня... какъ рвутъ цвѣты по дорогѣ. А я люблю мое прошлое. Оно *мое*. Я никому не обязана отчетомъ!

— Я считалъ тебя честной...

— А развѣ я безчестна?.. За что ты меня оскорбляешь?

— О, я недаромъ боялся... Послушай... Если въ тебѣ есть еще хоть капля порядочности, отвѣть мнѣ сейчасъ: ты видѣлась съ нимъ здѣсь?

— Да!—гордо говоритъ она и смотритъ ему въ лицо съ вызовомъ.

Онъ закрываетъ лицо руками.

Только на мигъ. И когда открываетъ его вновь, оно хотя и искажено страданьемъ, но глаза уже холодны. Чувствуется, что рѣшеніе его созрѣло.

— Слава Богу, что не поздно!—говоритъ онъ, какъ бы думая вслухъ.—И ты... быть-можетъ... опять...

— Да!—твердо перебиваетъ она. И лицо ея блѣднѣетъ.—И я опять отдавалась ему... Потому что... въ ту минуту я его любила больше, чѣмъ тебя...

Онъ встаетъ, держась рукой за горло. Этого онъ не ожидалъ.

Она тоже встаетъ. Глаза ея пылаютъ. И она сама не замѣчаетъ, что дрожитъ всѣмъ тѣломъ.

— И мнѣ нечего стыдиться моихъ порывовъ. Они были искренни и прекрасны... Слышишь ты? Я не боюсь твоего презрѣнья... Развѣ любовь не свободна? Развѣ мое тѣло, вотъ эти руки, губы не мои?.. О, какое ослѣпленіе!.. За что ты отрекаешься отъ меня? Развѣ я не рву съ прошлымъ? Не отдаюсь тебѣ съ восторгомъ? Отказываюсь уѣхать съ тобой? Развѣ пока я люблю тебя, я не обѣщаю тебѣ любви и нѣжности? И вѣрности... Да! Видитъ Богъ, что я о тебѣ одномъ мечтаю... Тебя одного люблю, пока ты со мною... когда ты меня не терзаешь... Вотъ ты глядишь на меня съ ужасомъ и... отвращеніемъ... Какъ будто я не была искренней и правдивой всегда!.. Какъ будто я торговала своими ласками... Жалкій человѣкъ!.. Зачѣмъ ты меня отталкиваешь?.. Ты будешь страдать вдали отъ меня. А я здѣсь умру съ отчаянія. А что случилось?.. Ты сейчасъ цѣловалъ меня, прижималъ къ сердцу. Развѣ я стала другою?.. Что измѣнилось, скажи?.. Я тебѣ предлагаю любовь—смѣлую, свободную, прекрасную, правдивую... Чего же *ты* хотѣлъ отъ меня?

— Ничего,—говоритъ онъ глухо, и верхняя губа его судорожно вздергивается, обнажая десны.—Мнѣ ничего отъ васъ не нужно... Все было... ошибкой...

Она ясно видѣла, пока говорила, какъ умиралъ въ немъ тотъ, кто любилъ ее, кто былъ ей близокъ. Отвращеніе смѣнялось страхомъ. Страхъ—холодомъ. Въ этомъ цѣпенѣвшемъ постепенно лицѣ умирало чувство. Уходило изъ него, какъ солнце изъ дома въ часъ сумерекъ. И когда безразличіе сковало его черты, какъ маску, все стало въ немъ сѣро, темно, бездушно.

И тогда она поняла. И смолкла внезапно.

Онъ глазами поискалъ шляпу. Увидалъ ее на столѣ.

Она провожала всѣ его движенія широко открытыми глазами.

У двери онъ оглянулся. Врожденная, годами воспитанія привитая корректность остановила его на самомъ порогѣ. Онъ скользнулъ холодными глазами по лицу Мани, надменно кивнулъ головой.

Дверь закрылась за нимъ.

Въ гостиной и столовой прозвучали его шаги. Не упругіе, не легкіе, какъ всегда. А неровные и тяжелые, какъ у больного.

Маня ждала, сидя недвижно.

Черезъ минуту хлопнула парадная дверь.

Еще немного... Гулъ запирающагося подъѣзда донесся наверхъ.

Маня встала.

. . . . . .

Соня не доиграла Шумана и замерла, прислушиваясь.

Какъ будто хлопнула дверь подъѣзда? Развѣ Эмма Васильевна и мужъ ея ужъ вернулись изъ театра? Не можетъ быть... Всего одиннадцать въ началѣ.

И кто это ходитъ въ столовой? Звякнула ложечка...

Она закрыла крышку піанино. Потушила свѣчи и пошла въ переднюю. На столѣ пошарила рукой. Шапки Нелидова не было.

Она кинулась къ стѣнѣ и повернула электричество.

И пальто нѣтъ... Ушелъ?

Точно кто толкнулъ ее. Она бросилась въ свою комнату...

Маня сидѣла на диванѣ и медленно, морщась и гримасничая, доѣдала варенье. Пустая рюмка стояла рядомъ. Странно пахло.

Отчего у нея такіе глаза? Куда они глядятъ?

— Маня... Онъ ушелъ?.. Почему такъ рано?

Маня оглянулась. Лицо у нея было странно спокойное. Такое далекое лицо. Такое нездѣшнее.

Соня вдругъ поняла. Она схватила рюмку, понюхала. Глаза ея выкатились отъ ужаса... И вдругъ она упала на колѣни:

— Маня... Маничка... Зачѣмъ? Зачѣмъ?..

XII.

Этой ночи Соня никогда не забудетъ. Даже когда волосы ея побѣлѣютъ, и щеки поблекнутъ, память объ этихъ часахъ будетъ жить.

Пока пріѣхалъ Петръ Сергѣевичъ, пока добудились перваго попавшагося доктора, тутъ же, въ домѣ,—Маня начала засыпать. Это былъ сонъ Смерти. Послѣдній сонъ.

О, это лицо ея брата! Его глаза... Его крикъ, когда онъ вбѣжалъ въ шапкѣ и пальто и упалъ на колѣни передъ умирающей!..

Но онъ тутъ же, къ ужасу Сони, схватилъ Маню на руки и буквально поволокъ ее за собою въ залу.

Тогда глаза Мани открылись. И Соня увидала въ нихъ Безконечность.

— Дайте мнѣ умереть!—чуть слышно сказала Маня.

— Что вы дѣлаете? Петръ Сергѣевичъ! Оставьте ее!

— Я знаю, что дѣлаю! Не мѣшайте! Кофе варите! Скорѣй!.. Скорѣй!.. Скорѣй...

И онъ трясъ умирающую за плечи. Волочилъ ее, схвативъ подъ мышки, по комнатамъ. Кричалъ ей что-то на ухо. Что-то безсмысленное, ненужное.

— Ей нельзя спать!.. Помогите!.. Позвоните горничную... Возьмите ее подъ руку... Варите-ли вы кофе? Ради Бога скорѣе!.. Видите, она опять засыпаетъ... Нельзя спать! Нельзя, поймите!.. Сонъ—это смерть...

Ахъ, этотъ голосъ!.. Высокій, неузнаваемый. Протяжный, дикій и жалкій... Онъ такъ парализовалъ Соню, что сама она двигалась, какъ во снѣ.

А Маня засыпала.

О Штейнбахѣ Соня вспомнила много позднѣе.

Она никогда не забудетъ и той минуты, когда въ телефонъ дала его № и стала ждать отвѣта. Минуты тянулись. Томили...

Вотъ, наконецъ, его голосъ. Глухой, дрожащій, полный ужаса:

— Что случилось?.. Маня...

— Отравилась... Скорѣе!..

— Умерла?

— Нѣтъ еще! Нѣтъ...

— Ѣду...

Соня кладетъ трубку и выходитъ изъ кабинета Роберта Яковлевича. Лицо ея бѣло, но странно-спокойно. Деревянное какое-то, какъ и голосъ ея, сразу ставшій беззвучнымъ.

Въ гостиной Эмма Васильевна, вернувшаяся изъ театра, горько плачетъ. На ней черное газовое платье. Полныя плечи красиво бѣлѣютъ черезъ кружево.

Счастливые, кто могутъ плакать! А у Сони слезы какъ будто собрались въ комокъ вотъ тутъ, въ груди, у самаго горла. И давятъ. И не даютъ вздохнуть.

Она ждетъ въ прихожей, прислонясь къ окну.

Звонокъ.

Она держитъ Штейнбаха за руки.

— Умерла?

— Нѣтъ еще... Нѣтъ... Тамъ трое докторовъ. Ее спасутъ...

— Я это зналъ... Я это зналъ...

Она держитъ его за руки. И чувствуетъ, что онъ весь дрожитъ, какъ листъ передъ бурей.

— Гдѣ она? Пойдемте...

Но ихъ не пускаютъ дальше гостиной. Робертъ Яковлевичъ выглядываетъ изъ двери. Его всегда разсѣянное лицо ученаго непривычно-сурово. Онъ говоритъ, протягивая рецептъ:

— Эмма... Въ аптеку! На извозчикѣ... Не терять ни секунды!

— Она умретъ?—трепетнымъ звукомъ срывается у Штейнбаха.

Они не здороваются. Не знакомятся. Хозяинъ не удивляется, откуда этотъ чужой человѣкъ? Почему онъ такъ потрясенъ? Утрачены всѣ жизненные навыки. Забыты всѣ условности.

Но Соня это чувствуетъ. И ужасъ ея растетъ.

— Ради Бога, докторъ... Она умерла?

— Нѣтъ еще пока... Нѣтъ,—говоритъ онъ угрюмо.—Но надежды мало.

Соня, всплеснувъ руками, замираетъ у двери... Ей страшно взглянуть въ лицо Штейнбаха.

Робертъ Яковлевичъ хочетъ скрыться, но рука Штейнбаха крѣпко вцѣпилась въ его кисть и не отпускаетъ.

— Она очень страдаетъ?

— Да, конечно,—разсѣянно бросаетъ Робертъ Яковлевичъ. И скрывается, потому что руки Штейнбаха нѣмѣютъ.

Какъ былъ въ пальто и шапкѣ, онъ падаетъ въ кресло.

Ни звука. Ни стона. Ни одной слезы. Но это еще страшнѣе. Соня это знаетъ по себѣ. Она стоитъ передъ нимъ въ оцѣпенѣніи.

Вдругъ онъ встаетъ.

— Телефонъ... Гдѣ телефонъ?.. Ведите меня... Дайте руку!

Странно! Онъ точно ничего не видитъ. Глаза его блуждаютъ. Голосъ глухой и слабый.

Словно другой человѣкъ. Гордый Штейнбахъ умеръ.

Какъ ребенка Соня беретъ его за руку и ведетъ за собой. И опять чувствуетъ, какъ дрожитъ этотъ большой, когда-то сильный человѣкъ.

Онъ идетъ медленно, невѣрными шагами. Какъ ходятъ слѣпые.

Черезъ часъ знаменитость проходитъ по гостиной. Эмма Васильевна удивленно и подобострастно идетъ у его локтя, какъ-то бокомъ, объясняя ему все по дорогѣ. Но она боится смотрѣть ему въ лицо. Слишкомъ откровенно глядитъ знаменитость на ея бѣлыя плечи. Это крупный толстякъ. У него заплывшее бритое лицо, похожее на созрѣвшій нарывъ, круглый чувственный ротъ сластены и свиные близорукіе глазки. Если-бъ не красивый лобъ, никто не догадался бы, что это ученый. Скорѣе купецъ-жуиръ. Онъ—эстетъ, циникъ и юмористъ. Юморъ не покидаетъ его даже у постели умирающаго. Нѣтъ ничего въ мірѣ, что вызвало бы въ немъ экстазъ, что заставило бы его содрогнуться отъ ужаса. Какъ всѣ толстяки, онъ не знаетъ состраданія. Онъ—равнодушный зритель жизненной комедіи.

— Баронъ Штейнбахъ здѣсь?—былъ его первый вопросъ въ передней. И онъ удивился, что хозяйка его не поняла; что она не знаетъ никакого Штейнбаха.

Онъ останавливается въ гостиной, передъ кресломъ. Свиные глазки сверкаютъ острымъ любопытствомъ. Несомнѣнно романическая исторія. И герой на-лицо.

— Маркъ Александровичъ! Чѣмъ могу служить вамъ?

Штейнбахъ въ той же позѣ, что часъ назадъ. Въ томъ же креслѣ. Попрежнему въ пальто и шапкѣ.

— Ахъ, это вы! Наконецъ!.. Спасите ее... На васъ одного надежда.

Хозяйка только сейчасъ начинаетъ догадываться. И съ враждой глядитъ на виновника несчастья... Кто же, кромѣ него?

Хозяинъ, вызванный женою, взволнованно выбѣгаетъ навстрѣчу знаменитости. Петръ Сергѣевичъ, старый и сгорбившійся, отворяетъ дверь и рекомендуется.

— Да, это моя сестра,—отвѣчаетъ онъ на нѣмой вопросъ. И пожимаетъ небрежно поданную руку.

Дверь въ *ту* комнату запирается наглухо.

Напряженно ловитъ Штейнбахъ каждый звукъ оттуда... Двинули стульями... Говорятъ что-то... Смолкли...

Безконечно долго длится ожиданіе.

Соня подходитъ къ Штейнбаху. Онъ сидитъ, опершись локтями на колѣни и спрятавъ голову въ рукахъ. Она робко кладетъ холодные пальчики на его плечо.

Не глядя, онъ снимаетъ ея руку и держитъ въ своей. И такъ они ждутъ приговора. Жалкіе, раздавленные, не смѣя обмѣняться ни словомъ ни взглядомъ.

Наконецъ!

Гулъ голосовъ за дверью. Отодвинули стулья. Идутъ сюда...

Господи помилуй!.. Соня крестится.

Ни кровинки въ его лицѣ. И голова опустилась ниже. Выпустилъ ея руку. И даже глаза закрылъ въ ожиданіи удара.

Дверь отворяется. Размашистыми, легкими шагами входитъ знаменитость, за нимъ хозяинъ. Тѣ двое, братъ и другой докторъ, остались у больной.

— Она вамъ... родственница, Маркъ Александровичъ?

Свиные глазки прямо прыгаютъ отъ любопытства.

Не вникая въ страшный смыслъ стереотипнаго вопроса, Штейнбахъ, въ свою очередь, спрашиваетъ новымъ беззвучнымъ голосомъ:—Она умретъ?

— Она отчаянно борется за жизнь... Чудесный организмъ... И... entre nous...

Онъ беретъ Штейнбаха за пуговицу пальто и отводитъ въ сторону.

— Вамъ извѣстно, что она...

— Да, да...—перебиваетъ Штейнбахъ. И вѣки его дергаются.

— Это очень осложняетъ дѣло... Но мы надѣемся... Вотъ что скажетъ эта ночь...

— Она безъ памяти?

— Почти... Трудно сказать...

— Очень страдаетъ?

Не дожидаясь отвѣта, Штейнбахъ прячетъ лицо въ рукахъ. И садится тутъ же, на первый стулъ.

— Не падайте духомъ, дорогой мой! Она еще такъ молода... Но выпей она немного меньше... Ее спасетъ эта доза... Это бываетъ... Завтра, въ часъ вернусь... Если будетъ хуже ночью, телефонируйте... Кстати... вы не знаете, гдѣ она достала ядъ?..

Онъ фамильярнымъ жестомъ беретъ Штейнбаха за кисть руки и жметъ ее. Потомъ подаетъ два пальца хозяину, любезно

кланяется его женѣ («Красивая женщина... Какія плечи! Жаль только, что рѣсницы бѣлыя...») и идетъ въ переднюю странно-легкой для его роста и вѣса походкой. Отъ игривыхъ мыслей раздвигаются чувственныя губы... «Попался Маркъ Александровичъ...»

Но теперь эта мысль, эти вопросы стоятъ уже и въ строгихъ глазахъ Роберта Яковлевича. По какому праву здѣсь этотъ человѣкъ? Что ему Маня? И если это онъ...

И честный нѣмецъ сурово глядитъ на Штейнбаха.

Разсвѣтъ застаетъ ихъ въ тѣхъ же позахъ. Въ томъ же мучительномъ ожиданіи. Никто не ложился. Только ушелъ докторъ, жилецъ этого дома, вызванный для первой помощи. Да пріѣхала присланная изъ общины сестра милосердія. Это молодая, красивая дѣвушка съ модной прической, съ безразличными манерами и лицомъ дѣвушки, у которой есть своя жизнь, далекая отъ этихъ скучныхъ обязанностей.

Въ столовую подаютъ самоваръ. Эмма Васильевна, въ томъ же вечернемъ туалетѣ, хлопочетъ у стола. Потомъ стучится въ ту дверь...

— Что такое?—свирѣпо спрашиваетъ ее мужъ, высовывая всклокоченную голову.

— Чаю не хотите ли?

— Уходите!.. Молчите!—шипитъ онъ, хватаясь за виски.

— Раздѣньтесь! — говоритъ Соня Штейнбаху. — Снимите пальто. Выпейте чаю.

Онъ повинуется машинально.

Пальто и шапки мужчинъ валяются на креслахъ и стульяхъ. Никто ихъ не убираетъ. Никто не замѣчаетъ безпорядка. Хозяйка видитъ шапку мужа на столѣ, долго смотритъ на нее. Беретъ въ руки. И опять со вздохомъ кладетъ подъ лампу.

Боже, какая безконечная ночь!

Окна стали сѣрыми.

Въ шесть утра Петръ Сергѣевичъ выходитъ *оттуда*. Вздохъ проносится по комнатѣ. Глаза горятъ, устремленные въ его лицо.

Онъ совсѣмъ зеленый. Шатается. Не замѣчаетъ людей. Онъ падаетъ въ кресло, у окна. Рыдаетъ истерически, какъ женщина.

Всѣ переглянулись. Холодомъ повѣяло въ души.

Эмма Васильевна встаетъ съ остановившимися глазами и берется за ручку двери.

— Что такое?—какъ змѣя, опять шипитъ на нее мужъ, высовывая измученное, тоже зеленое лицо.

— Робѐръ... Робѐръ...—лепечетъ она, не находя словъ.

Онъ беретъ ее за плечи и поворачиваетъ.

— Не шумѣть! Не ходить! Не волновать ее!.. Вы съ ума сошли. Куда вы лѣзете?

Жива еще? Значитъ, жива?.. Всѣ передохнули. Съ состраданіемъ глядятъ на Петра Сергѣевича...

Пусть плачетъ! Ему будетъ легче. Онъ убѣжалъ, чтобъ плакать здѣсь.

И всѣ они замираютъ на своихъ мѣстахъ. Недопитые стаканы стынутъ. Страшно даже ложечкой звякнуть.

И въ этой подавленной тишинѣ такъ громко, такъ страшно звучатъ жалкія рыданія мужчины.

Который это часъ?.. Домъ просыпается понемногу.

Кто это кричитъ? Кто это такъ страшно кричитъ и плачетъ въ передней?.. Соня бѣжитъ туда.

Анна Сергѣевна падаетъ на ея грудь. Обхватываетъ ее руками. Она узнала сейчасъ... Только сейчасъ...

— Жива она? Жива?

— Да... да... Успокойтесь, ради Бога!..

— Пустите меня къ ней!

— Нѣтъ,—мягко, но твердо говоритъ Робертъ Яковлевичъ, подавая капли.—Ей нуженъ покой. Ей нужно заснуть. Сердце слишкомъ ослабѣло. И сонъ ее спасетъ. Вы ее взволнуете и погубите. Я не пущу васъ... Пейте!

Она покоряется. Зубы ея стучатъ о стекло. Она плачетъ безсильно. Шляпка ея свисла на бокъ. Шпильки упали.

— Петя послалъ меня... Послалъ проститься... Она умираетъ...

— Нѣтъ... Нѣтъ... Мы не теряемъ надежды...

Черезъ часъ она уѣзжаетъ. Возвращается братъ. Его голова и руки трясутся, когда Соня отпираетъ ему.

— Кончено?

И остановившіеся глаза маніака глядятъ въ ея лицо.

— *Нѣтъ еще,*—безсознательно отвѣчаетъ Соня...

Звонокъ.

— Агата! Слава Богу!—восклицаетъ Эмма Васильевна и бѣжитъ. Это она телефонировала невѣсткѣ.

Вбѣгаетъ фрау Кеслеръ и на ходу снимаетъ шляпу.

— Отравилась? Маня? Weshalb?—спрашиваетъ баварка, не здороваясь ни съ кѣмъ. Всѣ теряются.

— Что такое? Я ничего не понимаю,—сердито говоритъ фрау Кеслеръ. Какъ будто дѣло идетъ о мистификаціи.

— Она умираетъ отъ любви,—объясняетъ Эмма Васильевна.

— Маня? Отъ любви??!

Ахъ! Надо видѣть этотъ великолѣпный жестъ презрѣнія, эту усмѣшку... Всѣ съ ожиданіемъ глядятъ на эту жизнерадостную женщину.

— Unmöglich! (Невозможно!)—тономъ глубокаго убѣжденія говоритъ она, наконецъ, и рѣшительно встряхиваетъ головой.—Маня должна жить. Она будетъ жить...

И странное дѣло! Эти простыя слова приносятъ солнце и надежду. Всѣ улыбнулись. Всѣ передохнули.

— Ахъ, фрау Кеслеръ!!

Соня плачетъ на ея груди. Наконецъ! Какъ отрадно плакать!

Обнявъ ее, баварка идетъ въ гостиную и останавливается.

— Кто этотъ красавецъ?—спрашиваетъ она.

Соня знакомитъ ее съ Штейнбахомъ.

— А!..—срывается у баварки. Она знаетъ отъ Мани если не все, то многое.

Ее безпрепятственно впускаютъ въ комнату умирающей.

Жизненный тонъ сразу повышается.

И когда пріѣхавшая въ полдень знаменитость говоритъ Штейнбаху: «Поздравляю... Теперь есть надежда...» всѣ чувствуютъ, что это уже не обычная въ этихъ случаяхъ профессіональная ложь.

XIII.

Но день идетъ и уходитъ.

Жизнь робко напоминаетъ о себѣ.

Опять вносятъ и уносятъ самоваръ. Накрываютъ къ завтраку. Осторожно стучатъ ножами и гремятъ тарелками. Какъ фурія, шикающій, свирѣпый и растрепанный показывается на порогѣ хозяинъ. Машетъ руками. И скрывается опять.

Что-то подаютъ. Сконфуженно ѣдятъ. Опять вносятъ самоваръ.

И безшумными шагами надвигается ночь. Вторая ночь.

Робертъ Яковлевичъ заснулъ, не раздѣваясь, въ кабинетѣ. Его смѣнила жена. Петръ Сергѣевичъ отказался отдыхать. Онъ недвижно сидитъ въ креслѣ, у кровати. Аннѣ Сергѣевнѣ онъ послалъ записку, что Манѣ лучше.

Вѣритъ ли онъ этому самъ? Кто скажетъ?

Въ полночь хозяинъ просыпается, бодрый и спокойный, какъ всегда.

Поговоривъ по телефону съ знаменитостью, слушающей рефератъ въ литературно-художественномъ кружкѣ, онъ идетъ въ комнату больной.

Лицо его озабочено. «Если нѣтъ перемѣны къ лучшему,— былъ опредѣленный отвѣтъ профессора,—если не было сна и сознанія, я ни за что не ручаюсь теперь. Передайте это барону...»

«И почему барону, а не брату?» брезгливо думаетъ докторъ.

Всѣ сторы спущены. Горитъ въ углу, подъ синимъ колпачкомъ, электричество. Въ ногахъ стоитъ неподвижная женская фигура въ бѣломъ халатѣ. Петръ Сергѣевичъ дремлетъ въ креслѣ.

Маню нельзя узнать. Лицо у нея стало маленькое, все почернѣло. Измѣнились всѣ линіи. Странно большимъ кажется ротъ. Исчезла яркость губъ. Онѣ синія теперь. И какая скорбная, усталая складка рта! И брови даже не тѣ. Сдвинулись вплотную, и между ними глубокая морщина. Первая грань жизни... И сколько въ ней значенія!

Никто не знаетъ, что чувствуетъ Маня. Что она думаетъ? Не знаютъ даже, спитъ она, или это слабость? И отсутствуетъ ли сознаніе? Она не сказала ни слова за эти сутки. Ни разу не открыла глазъ. Никого не узнала, никого не позвала.

Какъ это отразилось на ея нервной системѣ? Справится ли ея разсудокъ съ этимъ ударомъ?.. «Душа этого ребенка—хрупкая ваза. И ее надо беречь...» Кто это сказалъ? Давно еще... Въ дѣтствѣ...

Петръ Сергѣевичъ пробуетъ вспомнить. Мысли ускользаютъ.

Но онъ такъ усталъ, такъ разбитъ за эти сутки! Онъ такъ долго умиралъ самъ, вмѣстѣ съ маленькой сестричкой, что теперь онъ безъ содроганія и протеста встрѣтитъ даже и этотъ послѣдній ударъ.

Глубокая, томительная тишина. И тамъ, за дверью, гдѣ собрались всѣ, кто любитъ умирающую, стоитъ то-же жуткое молчаніе. Ловятъ звуки. Ловятъ вздохи. Днемъ всѣ надѣялись. А

ночь несетъ предчувствія и угрозы. И ярко зажженный во всѣхъ комнатахъ свѣтъ не можетъ одолѣть ужаса, который вползъ въ душу. И, какъ червь, высовываетъ изъ тайниковъ ея свою отвратительную голову...

Всѣ молчатъ. Такъ долго и напряженно молчатъ, что тишина начинаетъ пѣть и звенѣть въ ушахъ. Закипаетъ какой-то странной, неуловимой жизнью.

И вдругъ явственно раздается голосъ. Далекій, слабый, безстрастный:

— Маркъ... Маркъ... Маркъ...

Всѣ встрепенулись. Всѣ выпрямились. Большими глазами глядятъ другъ на друга оба доктора. Потомъ склоняются надъ постелью.

Маня недвижна.

Кто это сказалъ? Она?.. Кого звала она? Чье имя?.. Во снѣ?.. Въ бреду?..

И въ гостиной слышали этотъ голосъ. Но поняли еще меньше. И только замерли всѣ, объятые ужасомъ.

Проходитъ полчаса. Больше? Меньше?

Ноги и руки затекли въ непривычныхъ позахъ. Звенитъ кровь, бьющая въ виски... Дыханье задерживается невольно...

И вдругъ опять...

— Маркъ... Маркъ... Маркъ...

Голосъ изъ другого міра. Все такой же далекій и слабый. Но жутко-реальный, съ неподдѣльнымъ на этотъ разъ акцентомъ жизненной тоски.

Потъ выступаетъ на вискахъ Петра Сергѣевича. Маня недвижна. Глаза ея закрыты.

Всѣ невольно оглядываются. Чего-то ищутъ въ комнатѣ. Сестра перекрестилась.

Вдругъ Робертъ Яковлевичъ встаетъ и тихонько отворяетъ дверь въ гостиную.

— Кто это Маркъ?—спрашиваетъ онъ Соню, еле двигая губами.—Она зоветъ Марка...

— Меня?—вспыхиваетъ нѣмой вопросъ въ дикихъ глазахъ Штейнбаха. Онъ встаетъ внезапно.

— Тише!

Хозяинъ беретъ его за рукавъ.

На цыпочкахъ они входятъ въ комнату.

Въ первую секунду онъ ничего не видитъ. Слишкомъ темно послѣ гостиной.

— Ради Бога!.. Не надо такъ волноваться!—шепчетъ на ухо Робертъ Яковлевичъ. Онъ крѣпко держитъ Штейнбаха и чувствуетъ трепетъ его тѣла.—Она навѣрно спитъ?..

Въ отвѣтъ Петръ Сергѣевичъ пожимаетъ плечами.

Они недвижно стоятъ у двери, вытянувъ шеи и приглядываясь къ силуэту на постели...

«Кто это?» думаетъ Петръ Сергѣевичъ, впервые замѣчая Штейнбаха. «Зачѣмъ онъ тутъ?»

Сколько времени проходитъ? Никто не можетъ дать себѣ отчета. Тишина вновь поетъ и звенитъ.

Вдругъ опять отчетливо и ясно раздается призывъ:

— Маркъ... Маркъ... Маркъ...

Штейнбахъ падаетъ на колѣни у постели. Падаетъ такъ стремительно, что Петръ Сергѣевичъ встаетъ, потрясенный.

— Я здѣсь, Маня!!! Я здѣсь!!

Этотъ крикъ отчаянія слышатъ всѣ.

Какъ будто въ глубокой ночи, въ безграничной пустынѣ донесся къ нему этотъ далекій зовъ... Зовъ затерявшейся, гибнущей въ Безконечности одинокой души... Какъ будто его отвѣтный крикъ хочетъ разорвать плотный мракъ, хочетъ побѣдить безбрежныя дали, хочетъ удержать силой любви и отчаянія, надъ бездной небытія, медленно погружающуюся въ вѣчную Ночь и Ничто человѣческую индивидуальность... Какъ будто голосъ его, въ которомъ дрожитъ и бьется его напряженная, страстная воля,—это послѣдняя вѣтка надъ бездной, послѣдняя доска въ пучинѣ... Но это все!.. Все, что надо для спасенія...

И по неподвижному лицу Мани бѣжитъ первый трепетъ.

Губы Штейнбаха прильнули къ ея рукѣ.

И вѣки умирающей тихонько вздрагиваютъ.

— Она приходитъ въ себя,—шепчетъ Робертъ Яковлевичъ, дотрогиваясь до плеча Штейнбаха.—Тише! Ради Бога, тише!

Но инстинктъ вѣрнѣе, чѣмъ наука, нащупываетъ свой путь во мракѣ.

— Маня... Маня... Я здѣсь!.. Я люблю тебя!.. Я никогда тебя не покину!—говоритъ онъ съ силой, страстно, въ полномъ самозабвеніи глядя въ черное неузнаваемое лицо.

И чудо свершается. Какъ будто голосъ его перекидываетъ мостъ отъ одного берега къ другому. И душа Мани медленно идетъ назадъ, на землю, изъ иного міра. Изъ царства Молчанія и Тѣней. Изъ безконечной дали, развернувшей уже безкрайніе горизонты передъ гаснущими очами ея души.

Слабый свѣтъ скользитъ по лицу ея. Тѣнь улыбки. Потомъ глубокій, глубокій вздохъ...

Всѣ замираютъ, объятые ужасомъ. На Петра Сергѣевича страшно смотрѣть.

Но Робертъ Яковлевичъ рѣшается, наконецъ. Онъ прикладываетъ ухо къ ея груди.

— Тише... Тише... Она спитъ...

Онъ выходитъ въ гостиную и снимаетъ запотѣвшіе очки. И всѣ видятъ, что по лицу его бѣгутъ слезы.

— Маня!—задохнувшись, кричитъ Соня.

— Спасена...

Женщины кидаются въ объятія другъ другу и рыдаютъ.

— Тише! Ради Бога!.. Не погубите ее... Дайте ей покой!

XIV.

Федору Филипповичу Свирскому отъ Сони.

«Да, милый дядюшка, она будетъ жить. Говорятъ, она вы-«пила опію больше, чѣмъ нужно, и это ее спасло. Но это все «случайности. Какъ случайность то, что я слышала стукъ две-«ри въ прихожей, и что предчувствіе бѣды толкнуло меня къ «Манѣ. Но я все-таки опоздала... У судьбы есть, видно, книга, «въ которую вписано все, что должно свершиться. Такъ гово-«ритъ Штейнбахъ.

«Но смерть была рядомъ. Мы слышали ея шаги. И это, «должно быть, никогда не проходитъ безслѣдно для людей. Мнѣ «чудится, что, уходя, она задѣла меня крыломъ. Мнѣ чудится, «что ледяные пальцы коснулись моего сердца. Съ тѣхъ поръ я «не могу согрѣться.

«Вы просите все разсказать подробно. Не знаю, сумѣю ли. «Многаго не могу уяснить себѣ и до сихъ поръ. Не могу обнять «всего случившагося. И память моя часто и упорно выхваты-«ваетъ то ту, то другую мелочь изъ этой страшной картины и «безсильно замираетъ на ней. Получается одна свѣтлая точка. «А все остальное тонетъ во мракѣ.

«Меня, напримѣръ, преслѣдуетъ ея лицо, когда я вбѣжала, «а она сидѣла на кушеткѣ и ѣла варенье съ блюдца. Глаза у нея «были *далекіе*. Глаза человѣка, который стоитъ уже на порогѣ «Невѣдомаго. Передъ которымъ распахнулись двери въ Вѣчность. «А губы ея гримасничали, какъ у ребенка, съѣвшаго горькое.

«Я сама не знаю, какъ я поняла все мгновенно. Но когда я «зарыдала, она отвѣтила спокойно и далеко:

— «Не стоитъ плакать, Соничка. Прощай! Мнѣ, право, уже «не хочется жить. Я такъ устала...»

«И она легла на диванъ. Спокойно подложила подушку подъ «голову и закрыла глаза. И... какъ странно запоминаются мело«чи въ такія минуты! Диванная подушка съ одной стороны шерстяная, вышитая цвѣтами. Съ другой шелковая. Она коснулась «ея головой, не глядя. Но тотчасъ же перевернула ее къ себѣ «шелковой стороной. Легла на бокъ, подсунувъ руку подъ по«душку. И съ такимъ чувствомъ комфорта закрыла глаза...

«Такъ собралась она въ долгій путь, изъ котораго никто не «возвращался.

«Вотъ еще одна яркая точка. Отъ первой ночи у меня оста«лось такое впечатлѣніе, что самоваръ вносили и уносили въ «столовую безпрестанно. Наконецъ, помню лицо кухарки, важное «и безстрастное. Оно говорило: «Что бы ни случилось, кто бы ни «померъ, все равно безъ обѣда не останетесь. Значитъ нечего и «отмалчиваться. Нечего и конфузиться, и лицемѣрить».

«И мы, которыя удивлялись и негодовали, какъ это можно «ѣсть,—все-таки ѣли что-то. Но это все вздоръ, конечно...

«Меня впустили, наконецъ, въ комнату Мани, на дежурство. «Кажется, это была третья ночь.

«Я не узнала ея лица. Дядюшка, милый дядюшка! Ничего «не осталось отъ ея красоты...

«Помню еще такую сцену. Петръ Сергѣевичъ стоялъ на ко«лѣняхъ, цѣловалъ край одѣяла и лепеталъ: «Прости, се«стричка... Прости, Маничка... Забудешь ли ты когда-нибудь?» «И рыдалъ, всхлипывая, какъ ребенокъ. Я потихоньку вышла. «Онъ меня не видалъ.

«Но Маня молчала. Она всегда молчитъ. Такая жуткая... «Или спитъ сномъ, похожимъ на смерть. Но вотъ что странно, «дядюшка Чѣмъ объясните вы то, что она чувствуетъ приходъ «Штейнбаха и открываетъ глаза, когда онъ подходитъ къ по«стели? Она и ему ничего не говоритъ. Но я разъ поймала ея «взглядъ. О, какой взглядъ! Такъ утопающій долженъ глядѣть «на далекій корабль, показавшійся на горизонтѣ. Я не могу «забыть этихъ глазъ.

«Мы учредили цѣлый штатъ сидѣлокъ: Эмма Васильевна, «фрау Кеслеръ, я, Штейнбахъ, Петръ Сергѣевичъ. Кромѣ него «и Роберта Яковлевича, два доктора посѣщаютъ ее ежедневно.

«Она будетъ жить. Я это твержу себѣ день и ночь. И все чего-«то боюсь. И все не могу успокоиться.

«Маня и жизнь. Маня и радость. Да, это понятно. Но какъ «же могла она добровольно отвергнуть эту жизнь, которую такъ «любила? Я спрашиваю всѣхъ. Одни говорятъ: аффектъ. Другіе «считаютъ этотъ поступокъ началомъ психоза, проявленіемъ «роковой наслѣдственности... Штейнбахъ сказалъ: *любовь*...

«Онъ сказалъ это такъ странно...

«Нѣтъ. Я никогда, должно быть, не умѣла любить. Мнѣ не-«понятно, какъ можетъ весь міръ сосредоточиться въ *одномъ* «лицѣ, въ однихъ глазахъ? Какъ можно проглядѣть цѣлую жизнь «со всѣми ея возможностями за презрительной улыбкой, за стра-«даніями ревности? Я сама знаю, что ни одинъ человѣкъ не мо-«жетъ замѣнить другого. И что дорого вотъ именно *это* лицо, «*этотъ* голосъ, *эта* душа. Но чтобы изъ-за несчастной любви за-«быть мечты? Измѣнить цѣли? Отвернуться отъ людей? Для «меня любовь—вдохновеніе. Я думаю такъ: буду учиться. По-«томъ буду работать. Отдамъ людямъ душу и жизнь. И среди «работы, когда устану, буду мечтать о встрѣчѣ. Потомъ, когда «она наступитъ, взгляну въ глаза, которые люблю, и засмѣюсь «отъ счастья. Это будетъ моя награда. Мой отдыхъ.

«И что мнѣ до того, что эти глаза глядятъ со страстью на «другую? Что тотъ, кого я люблю, не видитъ во мнѣ женщину? «Развѣ его счастье не священно для меня? Развѣ *любить*—не «есть само по себѣ счастье?

«Я знаю, что̀ вы скажете: «У тебя нѣтъ темперамента». У «Мани онъ былъ. У Нелидова тоже. И если это онъ толкаетъ «насъ на гибель или низость,—то я благословляю свою судьбу.»

«P. S. Петръ Сергѣевичъ говоритъ, что ядъ она достала въ «его собственномъ шкафу, который онъ забылъ запереть. Достала «за недѣлю до пріѣзда Нелидова. Этотъ поступокъ былъ обдуманъ «ею и рѣшенъ безповоротно. И это страшнѣе и загадочнѣе всего.

«Дядюшка, когда же мы научимся любить иначе? Когда «любовь перестанетъ быть для насъ проклятіемъ?»

Федору Филипповичу Свирскому отъ Сони.

Ноябрь.

«Простите, дядюшка. Я долго не писала вамъ. Я даже кур-«сы забросила. Скажите Ликѣ, чтобы не сердилась. Не берусь «сейчасъ исполнить ея порученія. Я все еще чувствую прикос-«новеніе ледяныхъ пальцевъ къ моей душѣ. И въ ней умира-

«етъ что-то. Можетъ быть, цѣнное. А можетъ, и отжившее. Сей-«часъ не могу судить. Внѣ этихъ вопросовъ—любви и смерти—«все кажется мнѣ ничтожнымъ.

«Милый дядюшка, сказать вамъ, о чемъ я думаю?

«Это было ночью, когда смерть стояла рядомъ... И мнѣ по-«чему-то кажется, что Маня тоже почувствовала ее около. И, «объятая тоской и ужасомъ, она позвала того, кто любилъ ее «такъ беззавѣтно. Какъ будто любовь его могла вырвать ее изъ «вѣчнаго Мрака, куда она уже погружалась.

«Какъ часто ночью я просыпаюсь отъ этого неземного звука, «отъ этого мистическаго зова! «Маркъ... Маркъ... Маркъ...»

«И если теперь вы мнѣ скажете, что, умирая изъ-за Нели-«дова, она любила одного Нелидова, я не повѣрю вамъ.

«Пусть это чудовищно! Пусть это неслыханно! Но она лю-«била ихъ обоихъ. И я не знаю, кого сильнѣй. Это загадка, «дядюшка. Глубокая психологическая загадка, къ которой пока «еще нѣтъ ключа.

«И, переживъ эту ночь, услыхавъ этотъ голосъ ея изъ страш-«ной бездны, изъ могилы молившій о жизни и счастьѣ (съ «Штейнбахомъ,—теперь для меня это несомнѣнно), я утратила «всѣ мои цѣнности. Это была гибель боговъ. Рухнули подмост-«ки, съ которыхъ я гордо глядѣла въ міръ. И я лежу на землѣ «съ обломанными крыльями... Дядюшка!.. Милый дядюшка!.. «Нѣтъ прежней счастливой, ясной Сони! Я потеряла себя...

«Но я найду истину. Я должна ее найти!

. . . . . .

«Манѣ разрѣшено видѣть близкихъ. Но она все молчитъ. И «глядитъ далекими глазами. Какъ будто за предѣлы земного.

— «Что это значитъ?»—спросила я Штейнбаха.

И онъ сказалъ мнѣ:

— «Не бойтесь молчанья! Оно глубоко и священно. Нѣтъ «прежней Мани. А новая растетъ и зрѣетъ въ этой тишинѣ. И «мы еще услышимъ о ней... Мы о ней еще услышимъ...»

«Она оживляется только при видѣ Штейнбаха. Онъ, какъ «мать, ходитъ за нею, даетъ лекарство, кормитъ ее изъ своихъ «рукъ. Она при всѣхъ сказала ему одинъ разъ, вечеромъ: «Не «уходи!..» Она санкціонировала этимъ признаніемъ свою лю-«бовь въ глазахъ окружающихъ. Они не понимаютъ. Но они «преклоняются. Братъ не могъ бы любить сестру чище и са-«моотверженнѣе. Я ему сказала разъ:

— «Вы знаете, что васъ многіе считали отцомъ ея ребенка?»

— «Пусть!»—отвѣтилъ онъ со скорбной усмѣшкой, этой «усмѣшкой, которую я такъ люблю въ его лицѣ.—«Я не интересуюсь пересудами. Но вашимъ мнѣніемъ дорожу. *Я не могъ «быть отцомъ этого ребенка.* И Маня, несмотря на всю ея невинность и неопытность, поняла это хорошо.»

«Что это значитъ, дядюшка?

«Вчера... да, это было вчера,—она позвала меня въ первый разъ.

«Мы были въ комнатѣ вдвоемъ.

— «Стань на колѣни!.. И положи голову сюда, у моего «сердца»,—сказала она какимъ-то страннымъ голосомъ.—«Теперь молчи и слушай...»

«Слышишь?»—спросила она шопотомъ черезъ мгновеніе.

«Я задрожала. Я явственно услыхала, какъ крохотный молоточекъ выстукивалъ удары новой жизни. Это были звуки «нѣжные и легкіе, какъ греза. Но въ нихъ крылась великая «тайна жизни. Великая тайна любви.

«Я взглянула въ ея лицо. О, какіе глаза! Новая Маня глядѣла на меня и улыбалась... Такъ слабо, такъ невинно...

«Дядюшка, она уже любитъ свое дитя. Кто смѣетъ бросить «въ нее камнемъ?

«Но я хотѣла бы знать, что̀ для нея теперь Нелидовъ? «Можно ли разлюбить человѣка, съ которымъ слился хотя-бъ «на одно мгновеніе душой и тѣломъ?

«Кто мнѣ отвѣтитъ на эти вопросы? Они меня сводятъ съ ума!

«Фрау Кеслеръ очарована Штейнбахомъ. Петръ Сергѣевичъ «чувствуетъ къ нему глубокій интересъ. По цѣлымъ вечерамъ «они говорятъ. Больше всего о наслѣдственности.

«Писала я вамъ или нѣтъ, что Маню посылаютъ на югъ?»

Отъ Сони Федору Филипповичу Свирскому.

1 декабря.

«Это рѣшено. Они на-дняхъ уѣзжаютъ въ Италію. Фрау Кеслеръ, Маня и Штейнбахъ. Фрау Кеслеръ передаетъ свой интернатъ и хочетъ остаться съ Маней до ея полнаго выздоровленія.

«Ея расходы и вознагражденіе беретъ на себя Штейнбахъ. «Маня ѣдетъ на деньги брата. И Петръ Сергѣевичъ точно помолодѣлъ самъ. Онъ вѣритъ, что Италія и міръ искусства вернутъ Манѣ ея жажду жизни, ея былую радость.

«Маня встала. Боже! Какъ она измѣнилась! Одни глаза «остались прежніе. Вы заплакали бы, увидавъ ее...

«А любовь Марка неизмѣнна...»

XV.

Они сидятъ вдвоемъ у камина. Штейнбахъ и Соня.

Это послѣднiй вечеръ передъ его отъѣздомъ. Въ домѣ глубокая тишина. Сторы спущены. Передъ Штейнбахомъ—на столикѣ—папка съ бумагами и письмами. Онъ проглядываетъ ихъ. Многое рветъ. Многое жжетъ въ каминѣ.

Соня съ благоговѣйной любовью слѣдитъ за его движенiями.

— Вы будете любить ея ребенка?—вдругъ тихо спрашиваетъ она. Какъ будто думаетъ вслухъ. Онъ улыбается.

— О, да... Развѣ вы въ этомъ сомнѣвались?

— А ревность? Вѣдь это дитя Нелидова.

— Это прежде всего ея дитя. Это ея радость. Ея спасенiе. Первая вѣха въ ея новой жизни, на новомъ пути. Какъ могу я не любить его? Если-бъ я могъ усыновить этого ребенка, я считалъ бы себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мiрѣ.

— А ревность?—настойчиво повторяетъ Соня.

— Это атавизмъ. Это старое чувство, которому не будетъ мѣста въ новой жизни, что мы начнемъ съ нею. Ветхаго человѣка трудно побороть въ себѣ, Софья Васильевна. Но это такой же долгъ передъ собой, какъ уваженiе къ себѣ, напримѣръ. Это conditio sine qua non. Кто не можетъ побѣдить себя въ этомъ, тотъ не достоинъ идти по новымъ тропамъ.

Они долго молчатъ. Шелестятъ письма. Какъ ихъ много!

— Маркъ Александровичъ... У меня къ вамъ просьба...

— Весь къ вашимъ услугамъ, дорогая Софья Васильевна!

— Нѣтъ, не такъ! Не надо услугъ, не надо оффицiальности... Мнѣ... трудно говорить... Но я все-таки скажу... Во-первыхъ... зовите меня Соней... А мнѣ позвольте звать васъ Маркомъ...

Онъ бросаетъ письма, беретъ ея руку и цѣлуетъ.

Она долго молчитъ. Она слишкомъ взволнована.

— Потомъ... вы должны мнѣ писать... Не меньше раза въ недѣлю. И все... Понимаете? Все!.. Какъ пишутъ сестрѣ... Да?

— Да, Соня.

Сердце ея стучитъ. Какой чудный, нѣжный голосъ!

— Вотъ... Это главное... А потомъ... нѣтъ, ради Бога, не смотрите на меня, Маркъ Алекс...

— Просто—Маркъ...

— Ну, да... Маркъ... Не смотрите... А то я никогда не рѣшусь высказать мою третью просьбу...

— Я не гляжу, Соня. Но я слушаю.

— Что это за письма, которыя вы отложили туда? Важныя?

— Очень. Я ихъ получилъ только вчера и не успѣлъ уничтожить въ этой суетѣ. Такихъ писемъ не хранятъ.

— Значитъ вы ихъ сожжете?

— Да. Когда спишу нужные мнѣ адреса. Зачѣмъ вы спрашиваете, Соня?

— Я бы хотѣла... что-нибудь сдѣлать для васъ.

— Спасибо, дорогой другъ. Но я не хочу подвергать васъ опасности.

— Нѣтъ... Нѣтъ... Именно этого хочу я: опасности, риска, борьбы, жертвы. Безъ этого я не понимаю любви!

Щеки ея вспыхиваютъ. Она смолкаетъ вдругъ, испуганная своимъ признаніемъ. Но его неподвижность ободряетъ ее.

— Я не понимаю дружбы безъ этого,—быстро говоритъ она.— Дайте мнѣ порученія! Что-нибудь важное, что-нибудь цѣнное. Не бойтесь! Я не такъ уже неопытна. Еще дѣвчонками мы съ Маней исполняли порученія. И даже очень рискованныя, за которыя наша подруга поплатилась тюрьмой и ссылкой. И мы тоже были ко всему готовы тогда. А Лика сейчасъ довѣряетъ мнѣ. Но... вы знаете? Я, вѣдь, не единомышленница Лики. Для вашей партіи я готова на все!

Штейнбахъ крѣпко жметъ ея ледяную ручку.

— Благодарю васъ, Соня. Я это буду помнить.

— Я хочу войти въ вашу жизнь, Маркъ. Не быть въ ней статистомъ... Быть вамъ близкой и полезной. Но, Бога ради, не думайте, что я это дѣлаю только изъ-за моей къ вамъ... дружбы... Это значило бы меня унизить. Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, какъ я прочла *les Misérables*, про Анжолраса, про маленькаго героя Гавроша,—я сказала себѣ: нѣтъ ничего выше этого! И Маня меня понимала... Да. Вы ее не знаете. Вы не смотрите, что она эстетка. Мы обѣ мечтали жизнь свою сдѣлать дерзкой и прекрасной. Полной глубокаго трагизма...

Штейнбахъ вынимаетъ изъ папки рукопись. Она исписана мелкимъ, но четкимъ, словно бисернымъ почеркомъ.

— Вамъ знакома эта рука, Соня? Вы знали Яна?

— О, да! Я не могу забыть его.

— За границей на-дняхъ выйдетъ книга. Издатель ея—я. Авторъ—Янъ.

— Его книга?!—Соня встаетъ.

— Вотъ оригиналъ. Набираютъ по копіи. Рукопись мнѣ такъ дорога, что я не рѣшаюсь съ ней разстаться.

— Дайте ее мнѣ, Маркъ! Дайте взглянуть!

Въ глубокомъ волненіи она перелистываетъ рукопись. Глядитъ на характерный почеркъ. Потомъ подноситъ ее къ губамъ. Въ глазахъ ея слезы.

Долгая тишина.

Она сидитъ, облокотившись на колѣни, сжавъ виски ладонями и смотритъ въ каминъ.

— О чемъ вы думаете, Соня?

— Маркъ... Если-бъ онъ не погибъ, что было бы съ Маней? Не было бы Нелидова. Не было бы васъ. Вся жизнь ея пошла бы по другому руслу...

— Вы думаете?

Какъ странно звучитъ его голосъ!

— Все предопредѣлено заранѣе въ этомъ мірѣ. Все рѣшено за насъ. Мы тщетно боремся съ судьбою. А Неизбѣжность, спрятавшись въ тѣни, зловѣще смѣется надъ нашими иллюзіями.

— Маркъ! Какъ можете вы жить съ такими чувствами? Какой безпросвѣтный мракъ въ вашей душѣ!

— «Она жила въ страшныхъ мѣстахъ»,—тихо и медленно говоритъ онъ, глядя въ огонь,—«и въ старыхъ гробницахъ былъ пріютъ ея. Она больна многими болѣзнями, и у нея есть воспоминанія о странныхъ грѣхахъ... Она мудрѣе чѣмъ мы. И горька ея мудрость. Она наполняетъ насъ несбыточными желаніями...»

— Кто это сказалъ, Маркъ?—шепчетъ Соня.

— Оскаръ Уайльдъ. И вотъ что онъ говоритъ о наслѣдственности:

«Она опутала насъ сѣтями и начертала на стѣнѣ пророчество нашей судьбы. Мы не можемъ наблюдать за нею, потому что она въ насъ. Мы не можемъ видѣть ее. Лишь въ зеркалѣ души нашей можемъ мы угадать ея лицо. Это Немезида безъ маски. Это послѣдняя и самая страшная изъ судебъ. Это единственное божество, чье истинное имя мы знаемъ...»

Соня долго молчитъ, подавленная.

— Янъ умеръ, Соня. Но его мысль безсмертна. И подъ его знакомъ должна пройти вся жизнь Мани. Онъ это предчувствовалъ, когда писалъ ей свое завѣщаніе.

— О чемъ вы говорите? Какое завѣщаніе?

— Вотъ эта рукопись его. Это обширный трудъ. Съ гордой высоты своего міросозерцанія онъ въ немъ касается всѣхъ сторонъ нашей общественной жизни, морали, религіи. Разрушая

одно, созидая другое... Но есть тамъ лирическія страницы, посвященныя женщинѣ. Вамъ, Соня, и *ей*... Хотите вы ихъ прослушать?

— О, да, Маркъ!.. У меня и сейчасъ бьется сердце... Читайте!.. Читайте... Я жду...

— «Слушайте вы, для которыхъ любовь—альфа и омега «жизни, ея назначенье, ея конечный смыслъ. Вы, для которыхъ «она всегда драма, всегда гибель. Сама—судьба.

«Не думаете ли вы, что вы ее постигли? Не думаете ли вы, «что вы познали ея цѣнность?.. Что вы воздвигли ей храмъ на «землѣ?

«Вы, страстно призывающія любовь съ того мгновенія, «какъ созрѣваетъ ваше тѣло и ваша душа; вы, умирающія отъ «горя, когда измѣняетъ вамъ любимый человѣкъ; вы, строющія «на пескѣ зданіе своего счастья,—я говорю вамъ: вы не знали «любви!

«Не разъ она робко стояла у вашихъ дверей и стучалась въ «вашу душу. И вы въ негодованіи кричали ей: «Уходи!..» Не «разъ она зажигала огонь въ каждой каплѣ вашей крови. А вы «съ отчаяніемъ отвѣчали: «Нельзя!..»

«Жалкія рабыни! Могли ли вы понять тѣхъ, кто смѣло шелъ «на таинственный голосъ влеченія по невѣдомымъ вамъ тро«памъ? Вы бросали въ нихъ камнями. Вы учили вашихъ дѣтей «презирать ихъ. Вы учили дѣтей вашихъ стыдиться любви. «Прекраснѣйшій творческій актъ природы вы окутали тайной. «Заклеймили презрѣніемъ. Сколькія изъ васъ отреклись отъ «міра, чтобъ уйти отъ любви?

«И вы скажете, что любили любовь?

«Нѣтъ. *Вы любили человѣка*. Перваго, кто далъ вамъ насла«жденіе. Перваго, кто стоялъ на вашей дорогѣ, кого вы взяли «въ товарищи жизни. Вы любили слѣпо и гибли слѣпо, когда «этотъ одинъ уходилъ отъ васъ за другою.

«Стоилъ ли онъ вашихъ слезъ? Вы развѣ задумались? Вы «никогда не посмѣли широко открыть глаза и оглянуться. Раз«вѣ рядомъ съ вами не шли другіе, не менѣе юные, не менѣе «достойные? Не менѣе готовые любить? Развѣ вы дерзнули про«тянуть имъ руку и сказать себѣ: «Жизнь все такъ же хороша, «какъ была вчера, когда онъ любилъ меня. Буду жить и радо«ваться теперь, когда меня любитъ другой!..»

«А, быть-можетъ, *вы любили въ немъ его индивидуальность?* «То, чего нѣтъ въ другихъ? Что не повторяется въ жизни? Но «и тогда говорю вамъ: Вы все-таки не знали любви!

«Она самоцѣль. Она довлѣетъ себѣ. Она не вѣдаетъ ни до-«бра ни зла. Ни обязательствъ ни измѣны. У нея свои законы, «свои таинственные пути. Кто знаетъ, откуда она придетъ къ «намъ? Когда постучится въ нашу дверь? Быть-можетъ, нынче «вечеромъ? Быть-можетъ, завтра утромъ? Кто скажетъ, когда «она, загадочная гостья, покинетъ насъ? Развѣ вы знаете гдѣ, «въ какомъ безбрежномъ пространствѣ всталъ вихрь, который «мчится по землѣ?.. И куда мчится онъ? И что можетъ остано-«вить его?

«Любовь та же стихія. Не старайтесь ее удержать! Она этого «не прощаетъ. Не упрекайте ее! Она глуха къ слезамъ. Она, «какъ боги, не знаетъ жалости. И кто скажетъ? Быть-можетъ, «завтра смѣхъ ея зазвенитъ опять подъ вашимъ окномъ и «затопитъ вашу душу золотой волной радости?

«Шлите ей вслѣдъ одни благословенія! Научитесь слѣпо по-«виноваться ея зову! И не все ли равно, кто принесетъ вамъ «нынче эту божественную радость? Кто подастъ вамъ эту опья-«няющую чашу? Пейте ее до дна! И не бойтесь, что изсякнетъ «радость! Она кругомъ. Она въ мірѣ. Она безсмертна».

. . . . . .

. . . . . .

«Вотъ вы сидите въ долинѣ, въ мрачной долинѣ скорби и «тихонько звените вашими цѣпями. Онѣ заржавѣли отъ вашихъ «слезъ и крови. Онѣ впились въ ваше тѣло. Но вы полюбили «ваше рабство. И со слезами нѣжности цѣлуете вы ваши цѣпи.

«Вы слышали сказки. Сверкающія сказки о счастливой Элла-«дѣ. Люди жили смѣясь, не стыдясь наготы, слагая гимны «природѣ. Златокудрой Афродитѣ воздвигали храмы.

«Вы слышали другія сказки о вдохновенномъ вѣкѣ Бок-«качіо и Рафаэля. Люди были дерзки. Смѣли жить. Смѣли «любить.

«И счастливый вѣкъ маркизовъ и пастушекъ сохранилъ для «васъ сладостныя легенды о любви, легкой какъ кружево, без-«печной и смѣющейся, какъ пятна солнца на дорожкѣ сада. Но «не забывайте, что эти женщины умѣли также умирать на «эшафотѣ.

«Гдѣ все это?

«Тяжелые сны оставитъ въ наслѣдство грядущимъ поколѣ-«ніямъ романтическій насыщенный любовью XIX-й вѣкъ. Вмѣ-«сто златокудрой Афродиты онъ воздвигъ храмъ Молоху-Любви. «И кровавыми жертвами стремился умилостивить ненасытное

«божество. Муки ревности, слезы обманутыхъ, страданія от-«вергнутыхъ, проклятія измѣнѣ — вотъ современныя пѣсни «любви. Похоронные гимны надъ тѣлами самоубійцъ.

«Гибли силы. Гибли души.

«За что?

«И Жизнь многоликая, многозвучная, со всѣми сокровищами «неизвѣданнаго, прошла мимо васъ.

«Знали ли вы упоеніе творчества? Восторги борьбы? Сладость «труда? Радость достиженія? Что дали вы міру, женщины? Такъ «мало, такъ безконечно мало своего! А развѣ вамъ нечего ска-«зать? Развѣ нѣтъ у васъ богатой, сложной и таинственной души?

«Не было ли для васъ то, что вы называете *счастьемъ*, зло-«вѣщей трясиной, гдѣ гибли всѣ возможности?

«Но скажите: быть-можетъ, у васъ бывали мгновенія неяс-«наго предчувствія, какъ это бываетъ въ дрёмѣ,—что все это «только кошмаръ? А впереди день и освобожденіе? Не казалось «ли вамъ иногда, что изъ міра исчезнутъ слезы и проклятія. «какъ уходятъ ночныя тѣни?.. Если да, то трижды счастливы «вы! Потому что вы стоите уже у порога.

«Встаньте теперь! Идите за мною!

«Изъ мрачной долины, тѣсно сжатой неприступными горами. «за которыми сіяетъ солнце, невѣдомое вамъ, я поведу васъ «на высокую башню.

«Идти трудно. Вы колеблетесь? Вы дрожите? Пусть! Нѣтъ «другого пути къ свободѣ.

«Вы видите эту дверь? Запретную. Таинственную. Волшеб-«ными ключами я отворяю ее. Входите. Не бойтесь!.. Дышите «всей грудью! Смѣйтесь солнцу!.. Я развернулъ предъ вами «безкрайность горизонта. Солнце, воздухъ, золотыя дали,—я «дарю ихъ вамъ! Все это ваше!

«Теперь оглянитесь... Какой просторъ!.. Это жизнь зоветъ «васъ на работу для новаго. На работу для общаго.

«Гдѣ ваши цѣпи? Гдѣ ваши муки? Все, что обезцвѣчивало «личность? Что испепеляло душу?.. Глядите внизъ, на отжи-«тое и выстраданное... Какъ мелки и блѣдны съ этой высоты «всѣ ваши вчерашнія печали! Погасли миражи... Растаяли «призраки! Радуйтесь!

«А любовь?

«О, она придетъ! Не разъ на пути вашемъ вы ее встрѣтите. «Въ свѣтлыхъ одеждахъ, не запятненныхъ ни слезами ни кровью, «предстанетъ она передъ вами. Съ яснымъ челомъ. Съ горде-

«пиво сомкнутыми устами. Тише... Не спугните ее! Ни клятвъ, «ни договоровъ, ни вопросовъ... Вотъ она,—ваше вдохновеніе! «Вашъ отдыхъ. Ваша награда. Берите ее, смѣясь и радуясь, «какъ дѣти, не вѣдающіе грѣха! И съ улыбкой благодарности «идите дальше, куда зоветъ жизнь каждую изъ васъ.

«Помните одно: Нельзя остановиться! Не надо глядѣть назадъ!

«Привѣтъ вамъ, новыя женщины!

«Вамъ, дерзнувшія!

«Вамъ, свергнувшія иго любви!..»

КОНЕЦЪ.

Москва,
3 сентября 1909 г.

Того же автора.

I. **СНЫ ЖИЗНИ.** Сборникъ разсказовъ. *Пятое изд. 12—22-я тыс.* Ц. 1 р. 10 к.
II. **ПЕРВЫЯ ЛАСТОЧКИ.** Повѣсть. *Четвертое изд. 12-я тысяча.* Ц. 80 к.
III. **ВАВОЧКА.** Романъ. *Третье изд. 17-я тысяча.* Ц. 1 р.
IV. **ОСВОБОДИЛАСЬ.** Романъ. *Третье изд. 16-я тысяча.* Ц. 1 р.
V. **ПРЕСТУПЛЕНІЕ МАРЬИ ИВАНОВНЫ.** Повѣсти и разсказы изъ жизни учащейся молодежи. *Четвертое изд. 13 — 23-я тысяча.* Ц. 1 р. 25 к. Обложка художника К. Спасскаго.
VI. **ИСТОРІЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ.** Романъ. *Второе изд. 15-я тысяча.* Ц. 1 руб.
VII. **ПО-НОВОМУ. ВЕЧЕРИНКА.** Повѣсти. *Второе изд.* Обложка художника П. Гославскаго. *15-я тысяча.* Ц. 1 р.
VIII. **ЧЬЯ ВИНА?** Повѣсть. *Второе изд. 11-я тысяча.* Ц. 1 р.
IX. **ЗЛАЯ РОСА.** Повѣсть конца XIX-го вѣка. *7—15-я тысяча. Второе изданіе.* Ц. 1 р. 10 к.
X. **СЧАСТІЕ.** Сборникъ новыхъ разсказовъ. *10-я тысяча.* Ц. 1 р.
XI. **МОТЫЛЬКИ.** Разсказы и повѣсти. *10-я тысяча.* Ц. 1 р.
XII. **СВѢТАЕТЪ!..** Повѣсть въ память 9-го янв. 1905 г. *10-я тысяча.* Ц. 60 к.
XIII. **БЕЗПЛОДНЫЯ ЖЕРТВЫ.** Пьеса съ предисловіемъ автора. *6-я тысяча.* Ц. 80 коп.
XIV. **ГОРЕ УШЕДШИМЪ!..** Повѣсть. *Третье изд. 10—20-я тысяча.* Ц. 1 р. 25 к. Обложка художника К. Спасскаго
XV. **ДУХЪ ВРЕМЕНИ.** Современный романъ въ 2-хъ книгахъ. *Второе изд. Тридцать-пятая тысяча.* Ц. 2 р.
XVI. **НАШИ ОШИБКИ.** 3-е изд. *За подвигомъ.* Повѣсти. *6-я тысяча.* Ц. 1 р.
XVII. **МИРАЖЪ.** Пьеса, съ портретомъ автора. *Четвертая тысяча.* Ц. 1 р.
XVIII. **РАЗСВѢТЪ.** Пьеса. Обложка художника П. Гославскаго. *5-я тыс.* Ц. 1 р.
XIX. **МОЕМУ ЧИТАТЕЛЮ!** Автобіографическіе очерки съ 3-мя портретами автора. *Седьмая тысяча.* Ц. 1 р. 50 коп. (Дѣтство. Годы ученья.)
XX. **КЛЮЧИ СЧАСТІЯ.** Новый современный романъ. Книга 1-я печаталась въ 1909 г. въ кол. 15,000 экз. *Второе изд.*—въ 1910 г.—25,000 экз. Ц. 1 р. 25 к.
XXI. **КЛЮЧИ СЧАСТІЯ.** Книга 2-я печаталась въ сент. 1909 г. въ кол. 15,000 экз. *Второе изд.*—въ февр. 1910 г.—25,000 экз. Ц. 1 р. 30 к.
XXII. **НА ВЫСОТѢ** (3-я книга **Ключей счастья**) выдетъ осенью 1910 г.
XXIII. **МОЕМУ ЧИТАТЕЛЮ!** Книга вторая. **Юность.** Готовится къ печати.

Изданія А. Вербицкой.

Вып. I. **ПОЛУЖИВОТНОЕ.** Романъ **Елены Белау**, пер. съ нѣм. Н. П. Дадоновой. *Третье изд. 6-я тысяча.* Ц. 80 коп.
Вып. II. **ИЗЪ ХОРОШЕЙ СЕМЬИ.** Романъ **Габріэли Рейтеръ.** *3-я тысяча.* Пер. съ нѣм. **Ея же.** Ц. 1 р. *Все разошлось.*
Вып. III. **ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ ОСМѢЛИЛАСЬ.** Романъ соціалиста **Грантъ-Аллена**, съ его же предисловіемъ. Пер. съ англ. **Ея же.** *Третье изд. 6-я тысяча.* Ц. 60 коп.
Вып. IV. **КУРСИСТКИ.** (Les Sévriennes.) Романъ **Габріэли Реваль**, изъ жизни парижскихъ студентокъ. Пер. Ея же. *6-я тысяча.* Ц. 80 коп. *Второе изд.*
Вып. V. **ПОТУСТОРОННІЯ ИСКАНІЯ.** Романъ **Дж. Мура.** Пер. съ англ. **Ея же.** *3-я тысяча.* Ц. 1 р.
Вып. VI. **ВРАГИ МѢЩАНСТВА.** (Въ поискахъ.) Романъ **Шляфа.** Пер. съ нѣм. **Ея же.** *3-я тысяча.* Ц. 80 коп.
Вып. VII. **СВОБОДНАЯ ЛЮБОВЬ.** Романъ **Вассермана.** Пер. съ нѣм. **Ея же.** *4-я тысяча.* Ц. 1 р.
Вып. VIII. **КОНТОРЩИЦА.** Романъ **Рувра.** Пер. съ франц. Д. И. Соловьева. *4-я тысяча.* Ц. 60 коп.
Вып. IX. **ГИМНАЗИСТКИ.** Романъ **Габріэли Реваль.** Пер. съ франц. Н. П. Дадоновой. *4-я тысяча.* Ц. 80 коп.
Вып. X. **ТРЕТІЙ ПОЛЪ.** Романъ **Коллеты Иверъ.** (Les Cervélines). Пер. съ франц. Н. П. Дадоновой. Ц. 85 коп.
Вып. XI. **ПРАВО НА ЛЮБОВЬ.** Пер. съ франц. А. Соколовой, подъ ред. В. П. Дадонова.
Вып. XII. **СТАТИСТЫ ЖИЗНИ.** Пер. съ франц. Л. П. Никифорова, под. ред. В. П. Дадонова.

6
1647 4

PG
3470
V4K4
1910
kn.2

Verbitskaia, Anastasiia
Alekseevna (Ziablova)
Kliuchi schast'ia

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY